

НИЖЕГОРОДСКИЙ ФИЛИАЛ ФГАОУ ВО
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

На правах рукописи

ФОКИНА Маргарита Андреевна

**ФЕНОМЕН ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В РОССИЙСКОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(на материале блогов политиков)**

10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Т. В. Романова

Нижний Новгород
2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ	
ФЕНОМЕНА ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ	
1.1. Критерии прецедентности и типология прецедентных феноменов.....	11
1.1.1. Общеизвестность, узнаваемость и воспроизводимость.....	11
1.1.2. Образное употребление и отсылочность.....	16
1.1.3. Когнитивная и культурная значимость.....	20
1.1.4. Осознанность использования и однозначность интерпретации.....	24
1.2. Совокупность прецедентных феноменов как полевая структура: ядро и периферия	26
1.3. Особенности функционирования прецедентных феноменов в политической коммуникации.....	28
Выводы к главе I.....	33
ГЛАВА II. ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА БЛОГОВ ПОЛИТИКОВ	
2.1. Принципы отбора эмпирического материала.....	36
2.2. Блоги политиков как особая жанровая разновидность блогов.....	42
2.3. Блоги политиков и блоги на политическую тему.....	46
2.4. Лингвостилистические особенности блогов политиков.....	50
2.5. Индивидуально-авторское варьирование жанровых параметров и прецедентные феномены.....	53
Выводы к главе II.....	64
ГЛАВА III. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ	
В АГОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ БЛОГОВ ПОЛИТИКОВ	
3.1. Толерантность и интолерантность как качества агонального дискурса.....	66

3.2.	Прецедентные феномены в стратегии самопрезентации.....	79
3.3.	Прецедентные феномены в интолерантных стратегиях и тактиках.....	113
3.4.	Прецедентные феномены в манипулятивных тактиках.....	148
3.5.	Функции и способы акцентуации прецедентных феноменов в блогах политиков.....	158
	Выводы к главе III.....	169
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....		173
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....		179

ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование посвящено феномену прецедентности и его роли в российском политическом дискурсе. Прецедентность – многоаспектное явление языка и культуры, привлекающее внимание исследователей таких ведущих отраслей языкознания, как лингвистика текста (Д. Вайс, М.Я. Дымарский, Т.Б. Радбиль, О.Г. Ревзина, Т.В. Романова и др.), лингвокультурология (Н.Д. Бурвикова, Е.А. Земская, В.Г. Костомаров, Г.Г. Слышкин и др.) и когнитивная лингвистика (Д.В. Багаева, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных и др.). Несводимость прецедентных феноменов к традиционным единицам языка и их популярность в различных типах дискурса обуславливают сложность и востребованность исследований, посвященных данной тематике (см. работы Н.А. Голубевой, С.В. Ивановой, Л.В. Калининой, С.Л. Кушнерук, Н.В. Немировой, Е.Н. Ореховой, Л.А. Савеловой, З.З. Чанышевой и др.).

Ввиду популярности прецедентных феноменов в качестве средства выразительности в речи политиков особое место занимают исследования прецедентности в политическом дискурсе: внимание лингвистов сосредоточено на бытовании прецедентных феноменов в президентском дискурсе (О.А. Ворожцова, Е.А. Нахимова), использовании прецедентности в политическом прогнозировании (Н.В. Немирова), отдельных функциях прецедентных феноменов в политическом тексте (И.С. Полякова, Е.В. Чумакова).

Актуальность данного исследования определяется, во-первых, теоретической и практической значимостью проблемы и назревшей необходимостью уточнения базовых понятий теории прецедентности; во-вторых, стремительным развитием такой отрасли языкознания, как политическая лингвистика, уделяющей особое внимание рассмотрению агонального дискурса – текстов, в которых в разной форме находит отражение борьба за политическую власть (О.В. Атьман, М.В. Гаврилова, Ю.М. Иванова, Е.И. Шейгал и др.).

Толерантность и интолерантность как показатели степени агональности дискурса становятся значимым объектом рассмотрения в исследованиях политической коммуникации (см. работы О.С. Иссерс, А.Г. Кудрявцева, В.В. Майбы, Е.А. Маклаковой, М.Х. Рахимбергеновой, Т.В. Романовой, Л.Н. Синельниковой и др.). В данной работе исследуется потенциал прецедентных феноменов с точки зрения обеспечения толерантности и интолерантности блогов российских политиков.

Востребованность жанра блогов в политическом дискурсе и необходимость его лингвистического осмысления порождают множество исследований данной формы электронной коммуникации: внимание языковедов привлекают особенности блогов как вида интернет-коммуникации (Е.И. Горшкова), место электронных дневников в политической интернет-коммуникации (О.Н. Морозова), отличительные черты блогов на политическую тему (Н.Б. Рогачева). Однако специфика блогов политиков как особой формы политического дискурса пока ещё не стала предметом достаточно пристального внимания исследователей, а собственно особенности реализации прецедентных феноменов в данной форме дискурса вообще не становилось предметом научного рассмотрения. В этом заключается **новизна** данной работы.

Объектом исследования выступили прецедентные феномены, употребленные в записях блогов политиков.

В качестве **предмета** исследования были выбраны особенности функционирования прецедентных феноменов с учетом специфики рассматриваемого жанра и политического дискурса в целом.

Цель работы – выявление когнитивно-прагматической роли феномена прецедентности в блогах политиков.

В соответствии с общей целью были поставлены следующие конкретные **задачи**:

- 1) на основе проанализированных научных источников выявить критерии прецедентности и определить параметры отбора материала для исследования;
- 2) на основании выявленных критериев сформировать эмпирическую базу исследования;
- 3) при помощи отобранных методик анализа речевых жанров (Т.В. Шмелевой, М.М. Бахтина) описать блоги российских политиков как особую жанровую разновидность электронных дневников;
- 4) при помощи метода контекстуального анализа выявить случаи употребления прецедентных высказываний в анализируемых записях блогов;
- 5) при помощи метода интен-анализа выявить ключевые стратегии и тактики блогов политиков как жанра агонального дискурса;
- 6) при помощи методов синтаксического, стилистического и лексико-семантического анализа и методов когнитивной метафорологии определить роль прецедентных феноменов в реализации ключевых стратегий и тактик блогов политиков, формировании таких базовых характеристик агонального дискурса, как толерантность и интолерантность.

В ходе исследования была выдвинута **гипотеза**, согласно которой феномен прецедентности в блогах российских политиков имеет когнитивные и прагматические особенности функционирования, определяемые жанровыми характеристиками блогов политиков и спецификой агонального дискурса.

Теоретико-методологической базой исследования выступает концепция прецедентности, представленная в трудах отечественных представителей когнитивной лингвистики и лингвокультурологии (В.В. Красных, Д.Б. Гудкова, Г.Г. Слышкина, Т.Б. Радбиля, Е.А. Нахимовой, Н.В. Немировой и др.). Анализ прецедентных феноменов с учетом особенностей политического дискурса опирается на работы представителей политической лингвистики, в частности, политической метафорологии (Е.И. Шейгал, О.С. Иссерс, Э.В. Будаева, А.П.

Чудинова, Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Т. Белта и др.). Исследование прецедентных феноменов в контексте толерантности и интолерантности дискурса базируется на трудах, посвященных лингвистическому и междисциплинарному изучению данных категорий (В.Н. Базылева, Е.Ю. Кольцовой, А.Г. Кудрявцева, В.В. Майбы, Е.А. Маклаковой, Т.В. Романовой, Л.Н. Синельниковой, Е.Е. Таратуты, Т.А. Шаповаловой и др.).

В работе использовались собственно-лингвистические и общегуманитарные **исследовательские методы**: контекстуальный анализ, интен-анализ, лексико-семантический, семантико-синтаксический, логико-грамматический, методы когнитивной метафорологии и анализа речевых жанров.

Материалом для настоящего исследования стали образцы записей блогов 10 популярных российских политиков на платформе Livejournal за 2014 – 2015 годы. Конечную выборку для последующего качественного анализа составили образцы записей блогов Владимира Жириновского, Эдуарда Лимонова, Сергея Миронова и Бориса Немцова за указанный период. Общий объем материала конечной выборки составляет около 400000 слов: 10% от общего текстового объема приходится на блог Владимира Жириновского, 11% - на блог Бориса Немцова, 35% - на блог Сергея Миронова, 44% - на блог Эдуарда Лимонова. Отбор материала был осуществлен с опорой на следующие параметры: популярность политика (его место в рейтинге «50 самых популярных политиков РФ в Интернете» за декабрь 2014 г. (по версии портала «Биржевой лидер»)), активность в ведении электронного дневника (количество записей, их размер), степень насыщенности записей блогов прецедентными феноменами.

На защиту выносятся следующие положения.

1) Феномен прецедентности может быть определен через набор критериев, включающий общеизвестность, образность, отсылочность, культурную и когнитивную значимость, осознанность использования и однозначность интерпретации.

2) Можно говорить о назревшей необходимости выделения блогов политиков в отдельную жанровую разновидность электронных дневников на основании специфики жанровых характеристик: тематики, коммуникативной цели, образа автора, образа коммуникативного будущего и языкового оформления. Индивидуально-авторские особенности рассматриваемых электронных дневников, затрагивающие стилистическое оформление, интержанровое взаимодействие и задействование определенных сфер-источников прецедентности, связаны не только с идиостилем политика, но и представлениями автора о предполагаемом адресате.

3) Ориентация, интеграция и агональность как последовательное выстраивание оппозиции «свой – чужой» и функционирование прецедентных феноменов в качестве соответствующих знаков происходят в рамках ключевых стратегий блогов политиков - самопрезентации и дискредитации.

4) Основополагающая функция прецедентных феноменов в электронных дневниках политиков имеет двойственную, когнитивно-дискурсивную, природу, связанную, с одной стороны с механизмом когнитивной метафоры, с другой стороны, с прагматической подчиненностью ключевым интенциям автора.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии теории прецедентности - уточнении критериев прецедентности и функций и способов акцентуации прецедентных феноменов в политическом дискурсе. В исследовании описана такая жанровая разновидность электронных дневников, как блоги политиков; выявлены интолерантные и толерантные тактики политической коммуникации.

Практическая значимость исследования заключается в разработке метода анализа прецедентных феноменов как когнитивного механизма ключевых стратегий и тактик российского политического дискурса, который может быть использован и в анализе другого материала, в том числе зарубежных источников. Практические разработки могут применяться для анализа любых форм агонального

дискурса, включая как блоги политиков, так и другие жанры политической коммуникации. Возможно применение результатов для решения прикладных задач квалификации политических текстов с точки зрения толерантности и интолерантности, в том числе и при проведении лингвистической экспертизы. Результаты исследования используются в преподавании курса «Функциональные и когнитивные модели в лингвистике» студентам 1 курса магистерской программы «Политическая лингвистика» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Нижний Новгород) и могут быть также востребованы в преподавании следующих научных дисциплин: когнитивная лингвистика, политическая лингвистика, лингвистический анализ текста, политическая риторика.

Структура работы:

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, насчитывающего 217 наименований, в том числе 22 на иностранном языке. Введение содержит сведения об объекте, предмете и материале исследования, его целях и задачах, теоретико-методологической базе, практической и теоретической значимости, апробации работы. В первой главе приводятся определения основных теоретических понятий (прецедентность, интертекстуальность, прецедентный феномен), уточняются критерии прецедентности и особенности функционирования прецедентных феноменов в политическом дискурсе, выделяются ядро и периферия прецедентности. Во второй главе обосновывается отбор материала, рассматривается жанровая и стилевая специфика блогов политиков, их отличия от блогов на политическую тему и возможности индивидуально-авторского варьирования жанровых параметров в связи с прецедентными феноменами. В третьей главе прецедентные феномены рассматриваются в контексте толерантности и интолерантности агонального дискурса, анализируются особенности прецедентных феноменов в составе ключевых стратегий и тактик блогов политиков, выявляются функции и

способы акцентуации прецедентных феноменов в политическом дискурсе. В Заключении подводятся итоги работы; формулируются результаты и определяются перспективы. Работа содержит 199 страниц, 2 таблицы.

Апробация исследования:

Материалы и результаты исследования были представлены на 43-й Международной филологической конференции (13 марта 2014 г., СПбГУ, г. Санкт-Петербург), I Международной научно-практической конференции «Корпусные технологии и компьютерные методы в современной гуманитарной науке» ConCorT Junior (11 апреля 2014 г., НИУ ВШЭ, г. Нижний Новгород), Круглом столе «Лингвистические технологии в гуманитарных знаниях» (17 ноября 2015 г., Институт языкознания РАН, г. Москва), Всероссийской научно-практической конференции «Естественно-научные методы исследований судебных экономических и речеведческих экспертиз» (20 апреля 2016 г., ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород), Научно-практической конференции с элементами научной школы «Когнитивно-дискурсивный подход к исследованию явлений языка и культуры» (30 мая 2016 г., НИУ ВШЭ, г. Нижний Новгород), Международной научно-практической конференции «Корпусные технологии. Digital Humanities и современное знание» (14 – 16 октября 2016 г., НИУ ВШЭ, г. Нижний Новгород) и Международной научной конференции «Речевое воздействие в политическом дискурсе» (1 – 3 декабря 2016 г., УГПУ, г. Екатеринбург). Работа обсуждалась на научно-методологическом семинаре департамента прикладной лингвистики и иностранных языков факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (октябрь 2016 г., НИУ ВШЭ, г. Нижний Новгород).

Всего по теме исследования опубликовано 12 статей, из них 4 – в ведущих научных изданиях, рекомендованных ВАК.

ГЛАВА I

КЛЮЧЕВЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ

1.1. Критерии прецедентности и типология прецедентных феноменов

1.1.1. Общеизвестность

Базовое для теории прецедентности понятие прецедентного текста в современной отечественной традиции принято возводить к работам Ю.Н. Караулова. Исследователем предложено широкое толкование термина: «Назовем прецедентными – тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и окружению данной личности, включая и предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 2010, с. 216]. Широкому пониманию прецедентного текста Ю.Н. Карауловым соответствует термин «прецедентный феномен», которому В.В. Красных дает следующее определение: «к числу *прецедентных* мы относим феномены:

- 1) *хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества <...>*
- 2) *актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане;*
- 3) *обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества»* [Красных, 1998, с. 51]. В настоящем исследовании представляется удобным в дальнейшем употреблять термин «прецедентный текст» исключительно в его узком значении, для широкого понимания выберем термин «прецедентный феномен», определенный выше. Подобное разграничение понятий, на наш взгляд, подчеркивает родо-видовые отношения между ними.

В современной отечественной науке прецедентность как феномен является объектом исследований таких передовых областей языкознания, как лингвистика

текста, лингвокультурология и когнитивная лингвистика (Н.А. Голубева, Д.Б. Гудков, В.В. Красных, Е.А. Нахимова, Н.В. Немирова, Т.Б. Радбиль, Т.В. Романова, Г.Г. Слышкин и др.). В рамках данных направлений происходит как расширение терминологии (терминов, обозначающих единицы прецедентности) и методологии теории прецедентности, так и осмысление феномена прецедентности как такового, уточнение критериев прецедентности, впервые перечисленных Ю.Н. Карауловым в классическом определении прецедентного текста.

Задача уточнения критериев прецедентности не теряет своей актуальности, являясь важным фактором определения круга прецедентных феноменов, разработки их классификации и решения прикладных задач, связанных с анализом их функционирования.

Одним из базовых признаков прецедентного феномена выступает общеизвестность. Данный критерий признается относительным в ряде работ [Нахимова, 2011; Слышкин, 2000]. В частности, Г.Г. Слышкин отмечает временные и социальные границы узнаваемости прецедентных феноменов: «Во-первых, можно говорить о текстах прецедентных для узкого круга людей (семейный прецедентный текст, прецедентный текст студенческой группы и т.д.). Во-вторых, существуют тексты, становящиеся прецедентными на относительно короткий срок и не только неизвестные предшественникам данной языковой личности, но и выходящие из употребления раньше, чем сменится поколение носителей языка (например, рекламный ролик, анекдот)» [Слышкин, 2000, с. 29]. Н.А. Кузьмина различает «сильные тексты», которые «испытаны временем и присутствуют в национальной культуре на протяжении жизни более двух поколений» (классическая художественная литература, религиозные книги, значимые имена и исторические события) и «ключевые тексты текущего момента», обращение к которым чрезвычайно активно в очень короткое время (реклама, популярные песни, сериалы, политические лозунги и т. п.) [Кузьмина, 2004]. О значимости временного критерия рассуждает и Д.Б. Гудков: «Тексты

определенного типа (например, рекламы) могут резко врывать в когнитивную базу и почти столь же стремительно ее покидать. Другие прецедентные тексты, относящиеся, вероятно к ядерной части когнитивной базы, гораздо более «устойчивы» и менее подвержены изменениям (например, тексты классической русской литературы прошлого века)» [Гудков, 2003].

На основании градуальности признака узнаваемости В.В. Красных была разработана классификация по степени «вхождения» в картину мира и бытования в ней. В.В. Красных выделяют следующие типы прецедентных феноменов.

- **Социумно-прецедентные** – феномены, известные любому среднему представителю того или иного социума (генерационного, социального, конфессионального, профессионального и т.д.).
- **Национально-прецедентные** – феномены, известные любому среднему представителю того или иного национально-лингвокультурного сообщества.
- **Универсально-прецедентные** – феномены, известные любому среднему современному *homo sapiens* [Красных, 1998, с. 53].

Границы между указанными группами необходимо признать условными: в частности, поиск «ядра» когнитивной базы национально-лингвокультурного сообщества неизбежно связан с проблемой учета индивидуальных и региональных различий в составе корпуса прецедентных феноменов [Сорокин, Гудков, Красных, Вольская, 1998], дискуссионным является и вопрос о включении в классификацию автопрецедентов, выделяемых Ю.Е. Прохоровым [Прохоров, 2004].

Важность признака узнаваемости для присвоения феномену статуса прецедентного порождает вопрос о текстовых (дискурсивных) маркерах узнаваемости. К таковым можно отнести, во-первых, возможность образного употребления прецедентного феномена без «опознавательных знаков» (указания

на источник, автора и т.д.) [Красных, 1998]; во-вторых, ввод прецедентных феноменов в дискурс в трансформированном виде. Необходимо отметить, что в обоих случаях речь идет о знакомстве самого автора с трансформируемым феноменом и его уверенности в узнаваемости данного феномена для аудитории.

Базовые структурные типы трансформаций описаны Д.Б. Гудковым:

1. *Замещение*: вместо «канонического» слова вставляется иное, как правило, совпадающее с первым по своим морфологическим характеристикам, ритмической структуре и синтаксической позиции, причем смысловая нагрузка падает именно на замещающее (новое) слово.

2. *Усечение*: или все ПВ оказывается незаконченным, или «усеченным» является какой-либо из его компонентов.

3. *Контаминация* - соединение двух или не скольких ПВ в одно.

4. *Добавление*: к исходному ПВ добавляется несколько новых компонентов, на которые и падает основная смысловая нагрузка [Гудков, 2003, с. 210].

Структурные трансформации, обозначенные Т.Б. Радбилом как «семантические аномалии», противопоставлены текстовым (дискурсным) аномалиям, предполагающим, что прецедентный феномен «вводится аутентично, без перестройки, но при этом помещается в контекст, неадекватный денотативно, ценностно (идеологически) или прагматически (коммуникативно)» [Радбиль, 1999, с. 31].

Наряду с узнаваемостью известность прецедентных феноменов обеспечивается их воспроизводимостью в дискурсе лингвокультурного сообщества. С точки зрения Г.Г. Слышкина, «воспроизводимость текста может рассматриваться как феномен того же порядка, что и воспроизводимость прочих единиц языка. Основой воспроизводимости текста является его коммуникативная функция как языкового средства крупного масштаба» [Слышкин, 2000, с. 28]. Большую значимость данному признаку придает С. Лещак, предлагая считать

прецедентными текстами «именно воспроизводимые предикативные знаки – клишированные предложения (сентенции, присказки, поговорки, пословицы, афоризмы, речевые штампы) и клишированные тексты (стихотворения, анекдоты, присяги, клятвы, молитвы и т.п.)», при этом разграничивая два способа употребления прецедентных текстов – формальный (механическая цитация) и содержательно-смысловой [Лещак, 2010, с. 32 - 33].

Итак, общеизвестность (узнаваемость и воспроизводимость) прецедентных феноменов является, без сомнения, сильным критерием прецедентности, однако ограниченность данного критерия временными, социальными и территориальными рамками, а также его немаркированность (узнаваемость и воспроизводимость присущи единице языка как таковой) не позволяют считать общеизвестность единственным основополагающим критерием прецедентности.

1.1.2. Образное употребление и отсылочность

В стремлении сузить понятие прецедентности, сделав более четкими границы круга прецедентных феноменов, исследователи [Радби́ль 1999; Слышкин 2000] выдвинули в качестве определяющего критерия образное (метафорическое, коннотативное, неденотативное) употребление. Как отмечает Д.Б. Гудков, прецедентные феномены «в коннотативном своем употреблении выступают, как правило, в качестве составляющих метафоры или сравнения, служат для уподобления или сопоставления разных по своей природе объектов» [Гудков, 2003, с. 146]. По мнению Т.Б. Радби́ля, «в функциональном смысле текст становится «прецедентным», только если он используется и интерпретируется не буквально, а в качестве средства символизации любой ситуации вне связи с содержанием исходного «пратекста» [Радби́ль, 1999, с. 27]. Следовательно, можно говорить о текстах, которые могут употребляться в качестве прецедентных, сохраняя в иных, «нормальных» условиях дискурса статус просто текста.

Стоит, однако, отметить, что для ряда прецедентных феноменов представляется затруднительным смоделировать оппозицию «денотативное – коннотативное употребление». В первую очередь это касается ряда прецедентных высказываний, обладающих значительной степенью клишированности, либо относящихся к фразеологизмам, образность которых не активизируется в языковом сознании среднего представителя национально-лингвокультурного сообщества, либо тяготеющих к генерализованным высказываниям, аккумулирующим «в виде формул, правил, афоризмов, сентенций сумму знаний о мире» [Караулов, 2010, с. 230 - 231]. В отношении прецедентных феноменов, имеющих и коннотативное, и денотативное употребление возникает проблема их разграничения, в частности, в заголовке, где прецедентный феномен зачастую намеренно употребляется без пояснений, в предваряющей, «интригующей» функции, обеспеченной именно за счет неразрешенной амбивалентности коннотативного и денотативного значения.

Итак, на основании критерия образного употребления можно сделать вывод о том, что для ряда текстов (например, фразеологизмов) прецедентность является постоянным свойством, в то время как прецедентность других текстов определяется в контексте, то есть выступает дискурсивным свойством [Радби́ль, 1999, с. 27].

В тесной связи с критерием образного употребления выступает критерий отсылочности, к которому принято возводить этимологию термина «прецедентность». Данный критерий понимается исследователями двояко. В узком понимании он связан с интертекстуальностью и проблемой соотношения категорий интертекстуальности и прецедентности, решаемой исследователями [Радби́ль, 1999; Романова, 2007] в терминах родовидовых отношений: «... интертекст, или межтекст, представляет по отношению к прецедентному тексту родовое понятие, определяющее, что смысл текста формируется полностью или частично посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе или в предшествующей литературе» [Романова, 2007, с. 21]. По мнению Т.Б. Радби́ля, в терминах современной лингвистики текста прецедентный текст можно рассматривать как знаковый элемент интертекста [Радби́ль, 1999, с. 27]. Однако отсылочность в данном понимании нерелевантна для фразеологизмов и так называемых «крылатых выражений», источник которых зачастую оказывается утерянным в лингвокультуре. Более того, возможность осмысления текста через другой не всегда используется адресатом и / или самим автором, действующим в речи прецедентный феномен. Как отмечает Д.Б. Гудков, в этом случае «та или иная речевая конструкция вызывает ассоциации (фонетические, словообразовательные, синтаксические...) с ПВ [прецедентным высказыванием – *М.Ф.*], что провоцирует употребление последнего. При этом ПВ оказывается практически лишено связи с ПС [прецедентной ситуацией – *М.Ф.*] и/или с ПТ [прецедентным текстом – *М.Ф.*],

глубинное значение и смысл высказывания не играют никакой роли, идет или апелляция к поверхностному значению, или ПВ оказывается практически асемантическим» [Гудков, 2003, с. 215]. Таким образом, можно говорить о двух уровнях прецедентности: на поверхностном уровне эксплуатируются формальные ассоциации и оказывается незадействованным глубинный уровень, формирующий интертекстуальные связи.

При расширенном (когнитивном) понимании отсылочность подразумевает способность вербальных прецедентных феноменов (прецедентного имени и высказывания) выступать символами вербализуемых феноменов - прецедентного текста или ситуации, точнее их инвариантов восприятия, хранящихся в когнитивной базе [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева, 1997]. При этом для данного вида отсылочности также имеются ограничения, затрагивающие не только прецедентные высказывание (описаны выше), но прецедентные имена: некоторые прецедентные онимы (Петр I, Наполеон, Суворов) сложно отнести к одному тексту или ситуации, они связаны с целым рядом прецедентных феноменов и соответствующих признаков [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева, 1997, с. 94].

Наибольшей степени обобщенности в когнитивной трактовке критерия отсылочности достигает Н.А. Голубева в монографии «Отсылочность – когнитивная компонента прецедентных единиц» [Голубева, 2009], в которой автор исходит из понимания прецедентности как когнитивного категориального признака языкового знака. Н.А. Голубева сужает трактовку термина «прецедентные феномены» до «феноменов, относящихся к национальному уровню прецедентности» [Голубева, 2009, с. 12], фактически приравнивая их к национально-прецедентным феноменам по классификации В.В. Красных, и вводит в качестве максимально обобщенного и всеобъемлющего новый термин – «прецедентные единицы». Последние определяются Н.А. Голубевой как «языковые элементы, объективирующие определенный когнитивный контекст,

который раскрывает их генетическую связь с языковыми и коммуникативными прототипами» [Голубева, 2009, с. 13]. По мнению автора, когнитивная сущность всякого языкового объекта может быть представлена прецедентом, прецедентом с определенной степенью феноменологичности и прецедентным феноменом. Понятию «прецедент» в представлении автора соответствуют простые (непроизводные) языковые знаки, закрепленные словарной системой языка; прецедент с определенной степенью феноменологичности отражает в своей структуре и семантике прецедентную деривацию, выражая менее яркий тип прецедентности, имеющий неполный характер, поскольку явления, к которому он отсылает, не осознаются как артефакт [Голубева 2009, с. 13 – 15].

В качестве объединяющего начала для прецедентных единиц как разнородных формальных, грамматических, лексических и прагматических средств языка Н.А. Голубева вводит термин «прецедентема» для обозначения лингвокогнитивной модели, служащей основанием <...> категории прецедентности. Автор определяет прецедентему как мельчайшую информационную величину, «сложный лингвокогнитивный знак, содержащий адаптированный Говорящим концепт «прецедент» и вербально передаваемый Адресату в прагматических целях». [Голубева, 2009, с. 19].

Таким образом, внимание к взаимосвязанным критериям образности и отсылочности обогащает теоретическое понимание прецедентности как многоуровневого феномена, имеющего как языковую, так и дискурсивную атрибуцию. Попытки определения круга прецедентных феноменов на основании одного фактора несправедливо ставят их в один ряд с традиционными единицами языка, что свидетельствует о необходимости учета комплекса факторов.

1.1.3 Когнитивная и культурная значимость

Культурная значимость прецедентных феноменов проявляется в их сопоставлении с единицами, отражающими категории культуры [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева, 1997, с. 94], а также с такими культурно-специфическими понятиями, как языковой менталитет и языковая картина мира [Радбиль, 1999, 2010]. Рассматривая функционирование прецедентности в контексте межкультурного взаимодействия, С.В. Иванова и З.З. Чанышева используют термин «ксенотекст» для обозначения инокультурных прецедентных феноменов [Иванова, Чанышева, 2014] – прецедентность, таким образом, может быть осмыслена в категориях «свой – чужой».

В рамках одной культуры усвоение прецедентного феномена может происходить добровольно либо принудительно. Как отмечает Г.Г. Слышкин, происходящее в последнем случае текстовое насилие может осуществляться в директивном ключе (например, в общеобразовательных учреждениях) или по принципу паразитической дополнительности, «который заключается в присоединении навязываемого текста к каким-либо значимым объектам человеческой деятельности» [Слышкин, 2000, с. 83]. Ярким примером в данном случае выступает реклама.

Когнитивная значимость прецедентных феноменов проявляется, во-первых, в их специфической когнитивной природе; во-вторых, в эпистемологической (познавательной) функции, в которой данные феномены сближаются с когнитивной метафорой.

Определяя место прецедентных феноменов в качестве **КОГНИТИВНЫХ единиц**, В.В. Красных отводит им ведущую роль в формировании когнитивной базы - определенным образом структурированной совокупности знаний и представлений, необходимо обязательных для всех членов того или иного национально-лингвокультурного сообщества [Красных, 1998, с. 99 - 100].

В.В. Красных принадлежит классическая типология прецедентных феноменов по когнитивному основанию.

Прецедентная ситуация (ПС) – некая «эталонная», «идеальная» ситуация, когда-либо бывшая в реальной действительности или принадлежащая виртуальной реальности созданного человеком искусства, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу. Примеры: *Ходынка*, *Смутное время*, *Монтекки и Капулетти*.

Прецедентный текст (ПТ) – законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. Примеры: *«Евгений Онегин»*, *«Бородино»*.

Прецедентное имя (ПИ) – индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (напр., *Печорин*, *Теркин*), или с прецедентной ситуацией (напр., *Иван Сусанин*). Д.Б. Гудков определяет ПИ как имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность эталонных качеств.

Прецедентное высказывание (ПВ) – репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. Примеры: *Кто виноват?*, *Что делать?*, *Тише едешь – дальше будешь* [Красных, 1998].

В.В. Красных подчеркивает, что прецедентные феномены «не строятся по оси «вверх/вниз», но соотносятся по шкале вербализованности/невербализованности: прецедентное имя и прецедентное высказывание входят в когнитивную базу не только в совокупности своих дифференциальных признаков и значений-смыслов, но и как таковые и являются, таким образом, вербальными, в то время как прецедентный текст и прецедентная ситуация входят в когнитивную базу как инварианты восприятия и являются,

следовательно, феноменами вербализуемыми. При этом чаще всего актуализация ПТ и ПС в речи происходит через вербальные ПФ, то есть ПИ [прецедентное имя – *М.Ф.*] и ПВ. Так, прецедентный текст вводится в речь через такие символы, как цитату, имя персонажа или заглавие» [Красных, 1998].

Когнитивное понимание метафоры, позволяющей, согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону, объяснять одни сущности в терминах других сущностей (“to comprehend one aspect of a concept in terms of another”) [Лакофф, Джонсон, 1980], то есть постигать новое через известное, делает возможным рассмотрение функционирования прецедентных феноменов в русле когнитивной теории метафоры. О близости двух механизмов образования смысла рассуждает О.С. Иссерс: «Разновидностью метафоры (если понимать метафору в широком смысле) можно считать аллюзию — особый прием текстообразования, заключающийся в соотнесении содержания текста с прецедентным фактом, историческим или литературным» [Иссерс, 2008, с. 171].

Подобное понимание прецедентных феноменов содержится в работе Е.А. Нахимовой «Прецедентные имена в массовой коммуникации» [Нахимова, 2007], где исследовательница рассматривает прецедентные имена (онимы) с точки зрения когнитивной метафорологии. Е.А. Нахимова вводит понятие метафорического значения прецедентных феноменов: метафора «представляет собой не просто украшение речи, отражает особый когнитивный процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов, первый из которых называется сфера-источник, а второй — сфера-мишень» [Нахимова, 2007, с. 54]. Прецедентный феномен в метафорическом употреблении предстает как маркированный член оппозиции в познавательном и образно-экспрессивном плане.

Можно говорить о сходстве прагматического эффекта прецедентного феномена и когнитивной метафоры в аспекте его социокультурной обусловленности. Прагматический эффект метафоры, по замечанию Э.В. Будаева,

опирается на лингвокультурный опыт социума [Будаев, 2006, с. 72]; метафора представляет собой выражение идеи посредством общего основания [Белт, 2007, с. 19], убеждение с помощью нее основано на общности восприятия объекта большинством людей. Наличие таковой в случае прецедентных феноменов обеспечивается инвариантом восприятия, укорененным в когнитивной базе национально-лингвокультурного сообщества.

Таким образом, для анализа прецедентных феноменов оказываются релевантными компоненты метафорической модели, перечисленные А.П. Чудиновым: сфера-источник, сфера-мишень, связующие их признаки, структурирующие сферы фреймы и соответствующие слоты, дискурсивные характеристики, показатели продуктивности [Чудинов, 2006].

Итак, культурная специфичность и когнитивная значимость выступают значимыми характеристиками прецедентных феноменов. Акцент на когнитивном измерении прецедентности лежит в основе одной из самых значимых в прикладном аспекте классификаций прецедентных феноменов и задает перспективу их рассмотрения в русле когнитивной метафорологии.

1.1.4. Осознанность использования и однозначность интерпретации

Критерии осознанности использования и однозначности интерпретации прецедентных феноменов в некотором смысле лежат за рамками анализа текста и даже дискурса, так как затрагивают когнитивные аспекты порождения и восприятия текста. По мнению Г.Г. Слышкина, «если адресант, используя в своей речи элементы ранее усвоенных текстов, делает это неосознанно, мы имеем дело не с прецедентным текстом, а с речевым стереотипом. У отправителя речи в подобных случаях отсутствует интенция использования ранее усвоенного текста для достижения своих коммуникативных целей» [Слышкин, 2000, с. 35]. Относительность данного критерия определяется его зависимостью от индивидуальных особенностей усвоения прецедентного феномена автором анализируемого текста, а также от его желания или нежелания специально маркировать наличие прецедентности в тексте (отсутствие такой маркированности может говорить об уверенности автора в знакомстве адресата с используемым прецедентным феноменом, что логично следует из предположения о его общеизвестности). Вопрос об осознанности может быть однозначно решен положительно лишь в случае наличия в тексте особых маркеров чужой речи и / или языковых рефлексивов с соответствующим значением, в остальных же случаях, на наш взгляд, он остается за пределами познавательных возможностей лингвиста.

Критерий однозначности интерпретации связан с особенностями воспринимающего сознания и такой важной характеристикой прецедентных феноменов, как способность выражать оценку. В отношении прецедентных феноменов Н.В. Немирова говорит о национальной культурной традиции в оценке и восприятии исторических событий и лиц, мифологии, памятников искусства, литературы, произведений устного народного творчества [Немирова, 2010, с. 129]. Однако многими исследователями вопрос о восприятии прецедентных феноменов отдельными представителями национально-лингвокультурного сообщества

решается в пользу его неоднозначности. Признавая наличие «эталонных признаков», составляющих инвариант восприятия прецедентного феномена, И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков и Д.В. Багаева выделяют «терминологичные» прецедентные имена, являющиеся символами одной характеристики или характера (например, *Обломов*) и «полисемичные» прецедентные имена (например, *Тарас Бульба*) [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева, 1997, с. 94]. Как отмечают исследователи, при использовании прецедентного имени *Обломов* происходит актуализация ограниченного набора дифференциальных признаков, а возможно, и только одного дифференциального признака – лени; прецедентное имя *Тарас Бульба*, в свою очередь, способно актуализировать целый комплекс дифференциальных признаков, включающий характер патриота, вольного казака, но и убийцы собственного сына.

Исследователи характеризуют аксиологичность прецедентных феноменов как скользящую шкалу оценок с возможностью актуализации в конкретном тексте полярных точек [Сорокин, Гудков, Красных, Вольская, 1998, с. 31]. Неоднозначность восприятия, наиболее характерная для прецедентных имен, находит отражение и в их дериватах: «внеконтекстное *по-пушкински* имеет некий инвариант восприятия для носителей русского языка, но не поддается однозначному истолкованию, что обусловлено концептуальной многомерностью национально-прецедентного имени *Пушкин*» [Савелова, 2008, с. 96]. Для направления воспринимающего сознания в нужное русло в этом случае автору необходимо использовать дополнительные средства выражения оценки.

Итак, осознанность использования и однозначность интерпретации прецедентных феноменов выступают скорее дискурсивными, чем языковыми показателями прецедентности. Будучи факультативными, данные признаки могут быть намеренно актуализированы автором при вводе прецедентных феноменов, что может свидетельствовать о намерении обеспечить восприятие прецедентного феномена в нужном ключе.

1.2. Совокупность прецедентных феноменов как полевая структура: ядро и периферия

С момента введения термина «прецедентный текст» в научный оборот исследователями предпринимаются попытки расширить круг феноменов, способных приобрести признак прецедентности. В частности, к прецедентным высказываниям и текстам Г.Г. Слышкин относит феномены, разнообразные по жанровой и временной атрибуции: «1) политические плакаты, лозунги и афоризмы (как социалистической, так и постсоциалистической эпохи); 2) произведения классиков марксизма-ленинизма и руководителей советского государства; 3) исторические афоризмы; 4) классические и близкие к классическим произведения русской и зарубежной литературы, включая Библию; 5) сказки и детские стихи; 6) рекламные тексты; 7) анекдоты; 8) пословицы, загадки, считалки; 9) советские песни; 10) зарубежные песни» [Слышкин, 2000, с. 77].

Как отмечает Ю.Н. Караулов, круг прецедентных текстов не ограничивается художественной литературой: к ним относятся мифы, предания, устно-поэтические произведения, а также библейские тексты, и виды устной народной словесности (притча, анекдот, сказка и т.п.), и публицистические произведения историко-философского и политического звучания. Таким образом, текст, имеющий предпосылки стать прецедентным, не обязательно имеет авторский характер (фольклорные тексты, лозунги, рекламные слоганы). К прецедентным текстам в широком понимании могут быть отнесены и кинофильмы, произведения живописи, музыки, то есть не тексты в строгом лингвистическом понимании (в том смысле, что они не закреплены средствами естественного языка) [Караулов, 2010, с. 216].

Появление термина «прецедентный феномен» открыло возможность распространения признака прецедентности на широкий круг разнородных явлений. Так, В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова говорят о прецедентной

композиции и прецедентном стихотворном размере [Костомаров, Бурвикова, 1994]. И.В. Высоцкая выделяет прецедентное событие, прецедентную дату, прецедентный знак (на графическом уровне), прецедентный стиль, предполагающий пародирование и намеренную стилизацию, прецедентный жанр как воспроизведение дискурсной формы в нехарактерном дискурсе, а также прецедентные феномены невербальной или поликодовой природы – прецедентное изображение, звучание и образ [Высоцкая, 2013].

Разнообразие классификаций прецедентных феноменов, относительность критериев, описанных нами выше, необходимость их комплексного учета при квалификации прецедентности, а также диффузность семантики самого термина «прецедентный феномен» не позволяют определить четкие границы круга прецедентных феноменов. В связи с этим представляется продуктивным рассмотрение совокупности прецедентных феноменов в качестве полевой структуры, в которой выделяются ядро и периферия. К ядру следует отнести прецедентные феномены, отвечающие наибольшему количеству критериев в наибольшей степени (с учетом градуальности критериев): это наиболее известные и востребованные единицы, обладающие значимым потенциалом в качестве когнитивной метафоры благодаря емкости культурной семантики и интертекстуальной соотнесенности. Периферия представляет, таким образом, зону индивидуальных различий, включающую феномены с неполным набором признаков (например, фразеологизмы со стертой метафоричностью) и явления, обладающие потенциалом прецедентности (например, авторские афоризмы).

1.3. Особенности функционирования прецедентных феноменов в политической коммуникации

Анализ прецедентных феноменов в политическом дискурсе предполагает внимание к таким параметрам, как способы ввода, критерии эффективности и функции прецедентных феноменов.

Ю.Н. Караулов концентрирует внимание на заглавии, цитате, именах собственных (автора и персонажа) как на основных приемах ввода прецедентных текстов, являющихся знаками непосредственной отсылки к прецедентному тексту в дискурсе, другими словами, на прямых способах ввода прецедентного текста [Караулов, 2010]. Однако наряду с прямыми, следует отметить и опосредованные способы. Под ними, как отмечает Т.Б. Радбиль, понимают скрытую цитацию, перифрастическое именование автора или персонажа, разного рода реминисценции и аллюзии, апеллирующие к общему культурному фонду говорящего (автора) и слушающего (читателя): прецедентный текст намеренно вводится без «опознавательных знаков». При этом по сравнению с прямой реминисценцией аллюзия предполагает более сложный способ ввода прецедентного текста, когда в дискурс включается не прямой источник цитирования, а его вольное переложение, «переогласовка» сюжетной ситуации, воспроизведение повествовательного строя «пратекста», отдельные вкрапления «чужого слова» в повествовательную ткань [Радбиль, 1999, с. 28].

По мнению Е.А. Нахимовой, обращение к прецедентным феноменам, являясь традиционной чертой отечественной политической коммуникации, позволяет ярче представить политическую позицию автора, привлечь внимание к историческим основам современных социальных теорий, усилить прагматическое воздействие текста [Нахимова, 2007, с. 120].

Прагматическая ориентированность прецедентных феноменов в политическом тексте опирается на основополагающие правила, обеспечивающие

максимальное использование воздействующего потенциала прецедентов. Е.А. Нахимова выделяет следующие критерии эффективности использования прецедентных феноменов в политической коммуникации.

1. Политическая уместность прецедентного феномена. Используемые автором прецедентные имена должны в полной мере соответствовать дискурсивным характеристикам текста и особенно представлениям адресата.

2. Интертекстуальная свехдетерминация прецедентного феномена. Чем обширнее детерминация, тем больше аллюзивный потенциал прецедентного феномена, тем эффективнее будет его использование.

3. Доступность используемого прецедентного феномена для читателей, на которых ориентируется соответствующее издание. Очевидно, что человек, не способный осознать тот или иной прецедентный феномен, оказывается вне зоны его прагматического воздействия.

4. Достаточная корректность и недвусмысленность использования прецедентного феномена. Не замеченная вовремя политиком возможность двоякого понимания фразы отвлекает внимание от авторского замысла [Нахимова, 2007, с. 120 - 122].

Итак, использование прецедентных феноменов в политическом дискурсе неизбежно связано с учетом экстралингвистических параметров дискурса, в первую очередь параметров адресата (аудитории) и коммуникативной ситуации.

Многоаспектность феномена прецедентности, разнообразие его признаков позволяет актуализировать в политическом дискурсе широкий спектр функций прецедентных феноменов в зависимости от интенций автора.

В качестве одной из основных функций прецедентных феноменов выделим образно-метафорическую, связанную с когнитивным измерением прецедентности и сближающую прецедентные феномены и когнитивную метафору. Данная функция соотносится с номинативным (номинативно-семиотическим) типом

бытования прецедентных феноменов, отмеченным Ю.Н. Карауловым в качестве ключевого: «При данном способе знак, вводящий прецедентный текст, указывает на какое-то характерное свойство, типовую примету, отождествляется с наиболее заметной, запоминающейся и потому всем известной чертой лица (персонажа, писателя) или всего произведения в целом. “Что Достоевский? Этажные администраторы гостиниц – вот лучшие психологи мира!”» [Караулов, 2010, с. 221 - 222]. От обычной номинации данный способ отличает обязательная эмоциональная нагруженность такого рода отсылок, а значит, наличие в этой номинации дополнительного экспрессивного оттенка, выраженного путем преувеличения, гротеска, гиперболизма, иронии. Аксиологичность прецедентности находит отражение в оценочной функции прецедентных феноменов. Необходимо отметить, что оценочная функция неотделима от номинативной, так как оценка практически всегда сопутствует коннотативному употреблению прецедентных феноменов [Гудков, 2003, с. 151].

Таким образом, образно-метафорической (номинативно-оценочной) функции прецедентных феноменов в дискурсе сопутствует экспрессивно-оценочная.

Значимой для политического дискурса оказывается и референтная функция прецедентных феноменов, связанная с «количественным увеличением числа лиц, к которым апеллирует языковая личность» [Караулов, 2010, с. 227], то есть с расширением референтной группы - группы, с которой индивид чувствует себя связанным наиболее тесно и в которой он черпает нормы, ценности и установки своего поведения. Антиреференция, противопоставленная референтной функции, подразумевает («остранение прецедентного текста как знака чуждой референтной группы, своего рода «отталкивание» от него»). Т.Б. Радбиль иллюстрирует данную функцию примером из поэмы «Москва – Петушки»: «Я согласился бы жить на земле целую вечность, если бы мне прежде показали уголок, где *не всегда есть место подвигам*» [Радбиль, 1999, с. 30]. Более сложный случай, по мнению

Т.Б. Радбиля, представляет псевдореферентная функция, когда под маской входа в референтную группу «большинства» на деле наличествует дистанцирование от этой группы: знак прецедентного текста употребляется в ироническом снижающем контексте. Т.Б. Радбиль для иллюстрации данного случая приводит пример из «Ювенильного моря» А. Платонова, где прецедентный текст в псевдореферентной функции используется «как средство сатирической дискредитации героя, который без ошибок усвоил стиль эпохи и пользуется им в недостойных целях <...> “Умрищев же сумел убедить кого-то в районном суде, что он может со временем, *по правилам диалектического материализма, обратиться в свою противоположность*”» [Радбиль, 1999, с. 30].

По утверждению О.А. Билан, прецедентные феномены могут рассматриваться с точки зрения достижения политкорректности и неpolitкорректности в политической коммуникации за счет выполнения ими функций эвфемизации и дисфемизации в рамках стратегий «белой» и «черной» риторики соответственно [Билан, 2014].

Немаловажную роль при вводе прецедентных феноменов в дискурс играет их текстообразующая функция. Как отмечает Е.А. Нахимова, «в целом ряде текстов важную роль играют группы прецедентных феноменов, восходящих к одному и тому же тексту или к одной и той же смысловой сфере. Эти единицы нередко занимают в тексте сильные позиции и воспринимаются как доминантные» [Нахимова, 2007, с. 200]. Вслед за Е.А. Нахимовой отметим особое значение персуазивной (функции убеждения) и прагматической функции, последняя из которых с учетом специфики предполагает расширенную трактовку. Как отмечают В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин, «при широком понимании прагматики оценка, парольность, игровой эффект и эвфемистичность выступают в качестве разновидностей прагматического смысла» [Карасик, Слышкин, 2011, с. 268].

При понимании прагматической функции как своего рода макрофункции ввода прецедентных феноменов в политический дискурс особенно актуальным становится вопрос о значимости прецедентных феноменов с точки зрения авторских интенций. С одной стороны, как отмечает Э.В. Будаев, прагматический потенциал метафор сознательно используется в политическом дискурсе для переконцептуализации картины мира адресата [Будаев, 2006, с. 74]. Следовательно, благодаря своей общеизвестности, прецедентные феномены могут рассматриваться как модели восприятия того или иного явления, которые автор транслирует реципиенту путем отсылок к определенному тексту или ситуации. С другой стороны, присутствие в тексте прецедентных феноменов обеспечивает соблюдение принципа информационной конгруэнтности политической коммуникации [Фурс, Чернышева, 2010], согласно которому конструирование ситуации в «я – позиции» и позиции «Другого» должно совпадать, - прецедентные феномены выполняют роль своеобразного «общего знаменателя» между автором и аудиторией, опорой для трансляции взглядов политика.

Выводы к главе I

Феномен прецедентности может быть определен через набор критериев, включающий общеизвестность, образность, отсылочность, культурную и когнитивную значимость, осознанность использования и однозначность интерпретации. Градуальность критериев служит основанием для типологии прецедентных феноменов.

Общеизвестность обеспечивается через узнаваемость и воспроизводимость и является основанием для классификации прецедентных феноменов по степени «вхождения» в картину мира, однако ограниченность данного критерия временными, социальными и территориальными рамками, а также его немаркированность не позволяют считать общеизвестность единственным основополагающим критерием прецедентности.

Внимание к взаимосвязанным критериям образности и отсылочности обнаруживает двойственную природу прецедентности, способной выступать выступать и в роли языкового, и в роли дискурсивного признака. Можно говорить о двух уровнях прецедентности: на поверхностном уровне эксплуатируются формальные ассоциации и оказывается незадействованным глубинный уровень, формирующий интертекстуальные связи.

Культурная значимость проявляется во взаимосвязи прецедентности с такими культурно-специфическими категориями, как языковой менталитет, языковая картина мира и категория «свой – чужой». Акцент на когнитивном измерении прецедентности лежит в основе базовой классификации прецедентных феноменов и задает перспективу их рассмотрения в русле когнитивной метафорологии.

Относительность критериев осознанности использования и однозначности восприятия обусловлена индивидуальными когнитивными особенностями порождения и восприятия текстов. Неоднозначность восприятия, свойственная многим прецедентным феноменам, связана с разницей – вплоть до

амбивалентности – оценки данных феноменов отдельными представителями национально-лингвокультурного сообщества.

Разнообразие классификаций прецедентных феноменов, относительность критериев, необходимость их комплексного учета при квалификации прецедентности, а также диффузность семантики самого термина «прецедентный феномен» не позволяют определить четкие границы круга прецедентных феноменов.

Продуктивным представляется рассмотрение прецедентных феноменов в качестве структурированной совокупности, в которой выделяются ядро и периферия. К ядру следует отнести прецедентные феномены, отвечающие наибольшему количеству критериев в наибольшей степени (с учетом градуальности критериев): это наиболее известные и востребованные единицы, обладающие значимым потенциалом в качестве когнитивной метафоры благодаря емкости культурной семантики и интертекстуальной соотнесенности. Периферия представляет, таким образом, зону индивидуальных различий, включающую феномены с неполным набором признаков и явления, обладающие потенциалом прецедентности.

Анализ прецедентных феноменов в политическом дискурсе предполагает внимание к таким параметрам, как способы ввода, критерии эффективности и функции прецедентных феноменов.

Многоаспектность феномена прецедентности, разнообразие его признаков позволяет актуализировать в политическом дискурсе широкий спектр функций прецедентных феноменов. Наиболее значимыми являются образно-метафорическая, экспрессивно-оценочная, референтная, антиреферентная, псевдореферентная, персуазивная, текстообразующая, прагматическая, функции эвфемизации и дисфемизации. При широком понимании прагматической функции в политическом дискурсе с ней соотносятся такие возможности прецедентных

феноменов, как моделирование картины мира адресата и обеспечение информационной конгруэнтности коммуникации.

ГЛАВА II

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА БЛОГОВ ПОЛИТИКОВ

2.1. Принципы отбора эмпирического материала

Стремительное развитие электронной коммуникации в современном мире делает закономерной растущую популярность интернета и сетевых коммуникаций среди политических акторов. И.А. Быков отмечает, что «сетевые коммуникации являются одним из самых перспективных направлений развития политической коммуникации в современном обществе» [Быков, 2013, с. 159]. Одним из динамично развивающихся интернет-жанров политического дискурса является жанр блога.

Для выявления наиболее актуальных блогов политиков необходимо определить, насколько тот или иной электронный дневник интересен для читателей, какова степень его востребованности в современной блогосфере. Подобный анализ блогов политиков проводился в рамках проекта «Гослюди» портала «Полит.ру», созданного «для популяризации и стандартизации ведения блогов и участия в социальных онлайн-проектах государственными людьми: членами правительства, губернаторами, мэрами, чиновниками, депутатами, руководителями государственных компаний, экспертами и аналитиками в области государства и электронного правительства» [Проект «Гослюди» URL: <http://www.goslyudi.ru/>]. Экспертами портала создавались рейтинги блогов политиков на основе количества публикаций за определенный период времени, по числу ссылок на блог и его записи, по числу читателей блога и его записей.

При подробном ознакомлении с проектом «Гослюди», однако, было выявлено, что его данные не обновлялись более двух лет и морально устарели, из-за чего не могут быть использованы в качестве основы отбора материала для настоящего исследования.

Было сделано допущение о том, что востребованность блогов политиков напрямую связана с интересом к персоналиям их авторов. В связи с этим базой

для отбора материала послужил рейтинг «50 самых популярных политиков РФ в Интернете» за декабрь 2014 г. (по версии портала «Биржевой лидер»). Рейтинг "Биржевого лидера" основан на двух объективных критериях в поисковой системе Яндекс:

- оценка частотности слов для Яндекс.Директа за месяц, рассчитанная с помощью сервиса wordstat.yandex.ru;

- количество упоминаний за тот же период о политиках в интернет-СМИ и электронных информационных агентствах, рассчитанное при помощи агрегатора Яндекс.Новости (news.yandex.ru);

- регион оценки – Россия [Портал «Биржевой лидер» URL: <http://www.profi-forex.org/novosti-rossii/entry1008241826.html>].

Базой для формирования материала исследования послужила платформа LiveJournal, характеризующаяся как центр политических дискуссий независимыми зарубежными исследователями [Etling B., Alexanyan K., Kelly J., Faris R., Palfrey J., Gasser U, 2010]. Для каждого политика, вошедшего в рейтинг, было определено наличие или отсутствие блога на платформе LiveJournal. В случае наличия дневника выяснялось его место в общем рейтинге LiveJournal, включающем 100000 пользователей и формируемом на основании социального капитала блога. Социальный капитал — показатель, отражающий степень влияния конкретного пользователя или сообщества. Социальный капитал формируется исходя из активности зарегистрированных пользователей, добавивших журнал в друзья или посетивших его. При расчете социального капитала учитывается не столько количество пользователей, сколько их поведение: как давно и насколько активно они ведут свои журналы, комментируют ли другие журналы или сообщества, как часто заходят в LiveJournal и множество других показателей [Служба поддержки LiveJournal URL: <http://www.livejournal.com/support/faq/303.html>].

В таблице представлен рейтинг «50 самых популярных политиков РФ в Интернете» за декабрь 2014 г. (по версии портала «Биржевой лидер»), дополненный данными о наличии у политика электронного дневника и его места в рейтинге LiveJournal.

Таблица 1

**Рейтинг «50 самых популярных политиков РФ в Интернете»
за декабрь 2014 г.**

Номер в рейтинге «50 самых популярных политиков РФ в Интернете» за декабрь 2014 г. (по версии портала «Биржевой лидер»)	Имя политика	Место в общем рейтинге популярности Livejournal (по состоянию на 13.02.2015 г.)
1	Владимир Путин	/
2	Дмитрий Медведев	*
3	Сергей Иванов	/
4	Рамзан Кадыров	-
5	Владимир Жириновский	21789
6	Михаил Прохоров	4877
7	Владислав Сурков	-
8	Алексей Навальный	**
9	Сергей Шойгу	/
10	Сергей Собянин	/
11	Татьяна Голикова	/
12	Дмитрий Песков	/
13	Борис Немцов	1888
14	Игорь Шувалов	/
15	Анатолий Сердюков	/
16	Алексей Кудрин	/
17	Дмитрий Рогозин	/
18	Геннадий Зюганов	/
19	Анатолий Чубайс	18581
20	Ирина Хакамада	39426
21	Сергей Минаев	-
22	Сергей Лавров	/
23	Олег Дерипаска	/
24	Герман Греф	/
25	Геннадий Онищенко	/
26	Валентина Матвиенко	/

27	Сергей Миронов	10539
28	Владимир Мединский	33162
29	Аркадий Дворкович	/
30	Эдуард Лимонов	305
31	Рустам Минниханов	/
32	Алексей Миллер	/
33	Андрей Воробьев	/
34	Георгий Полтавченко	/
35	Сергей Морозов	31606
36	Николай Федоров	/
37	Владимир Дмитриев	/
38	Виктор Иванов	90139
39	Сергей Степашин	/
40	Александр Жуков	/
41	Вячеслав Володин	/
42	Сергей Железняк	/
43	Елена Скрынник	/
44	Виктор Зубков	/
45	Александр Коновалов	/
46	Никита Белых	6056
47	Рашид Нургалиев	/
48	Николай Никифоров	/
49	Дмитрий Ливанов	/
50	Сергей Удальцов	/

/ - политик не ведет блог на платформе LiveJournal.

- - политик ведет электронный дневник на платформе LiveJournal, однако блог, в силу низкого социального капитала, не включен в рейтинг LiveJournal.

* - электронный дневник Дмитрия Медведева представляет собой видеоблог, что выходит за рамки данного исследования, в фокусе которого находятся вербальные тексты блогов, имеющие письменную фиксацию.

** - на момент начала исследования (январь 2015 года) блог Алексея Навального был недоступен для прочтения на территории РФ; в процессе исследования доступ к блогу Алексея Навального на платформе LiveJournal был открыт, однако данный электронный дневник политика не является функционирующим, предлагая посетителям перейти на персональный сайт <https://navalny.com/>.

На основании сопоставления двух рейтингов были определены имена 11 политиков, популярность которых коррелирует с востребованностью их электронных дневников (выделены в таблице жирным шрифтом). Однако, как видно из таблицы, блоги данных представителей власти существенно различаются по количественному выражению степени интереса к ним, то есть по месту в рейтинге Livejournal (от 305 до 90139), причем блог Виктора Иванова находится в рейтинге существенно ниже остальных. По этой причине блог был исключен из конечной выборки.

Имена российских политиков, чьи блоги на платформе Livejournal за 2014 года были выбраны в качестве материала исследования, представлены в таблице в алфавитном порядке.

Таблица 2

Блоги политиков, составившие материал исследования

Имя политика	Место в общем рейтинге популярности Livejournal (по состоянию на 13.02.2015 г.)
Эдуард Лимонов	305
Борис Немцов	1888
Михаил Прохоров	4877
Никита Белых	6056
Сергей Миронов	10539
Анатолий Чубайс	18581
Владимир Жириновский	21789
Сергей Морозов	31606
Владимир Мединский	33162
Ирина Хакамада	39426

В результате первичного анализа материала на предмет выявления прецедентных феноменов, использованных авторами блогов, была отмечена разница в активности политиков в ведении электронных дневников (количестве записей, их размере) и в степени насыщенности записей блогов прецедентными

феноменами. Так, низкая активность в ведении блогов характерна для таких политиков, как Анатолий Чубайс, Ирина Хакамада, Михаил Прохоров и Владимир Мединский. В связи с небольшим количеством записей и использованных прецедентных феноменов данные блоги не оказались показательными для исследования. Для другой микрогруппы политиков, объединяющей Никиту Белых и Сергея Морозова (губернаторов Кировской и Ульяновской областей соответственно), характерна высокая пользовательская активность вплоть до ежедневного обновления блога. Однако, несмотря на большой объем проанализированного материала, для электронных дневников данных действующих представителей исполнительной власти характерно весомое преобладание информационной составляющей, цель блогов можно охарактеризовать как отчет о проделанной работе. В связи с этим записям свойственна низкая степень оценочности, экспрессивности, почти полное отсутствие средств выразительности – как следствие, в каждом из двух блогов было обнаружено менее десяти случаев употребления прецедентных феноменов. Таким образом, основой анализа выступил материал, взятый из записей электронных дневников представителей оппозиции: Владимира Жириновского [Блог Владимира Жириновского URL: <http://zhirinovski.livejournal.com/>], Эдуарда Лимонова [Блог Эдуарда Лимонова URL: <http://limonov-eduard.livejournal.com/>], Сергея Миронова [Блог Сергея Миронова URL: <http://sergey-mironov.livejournal.com/>] и Бориса Немцова [Блог Бориса Немцова URL: <http://b-nemtsov.livejournal.com/>] - за 2014 – 2015 годы.

2.2. Блоги политиков как особая жанровая разновидность блогов

Как известно, блог – это совокупность регулярно обновляемых интернет-страниц, объединенных с помощью специального программного шаблона в кластеры, каждый из которых включает дневниковую запись-пост (от англ. post) и комментарии к ней, оставляемых как самим автором записи, так и иными посетителями блога. Учитывая степень развития и внутренней разнородности жанра блога, можно говорить о назревшей необходимости классификации жанровых разновидностей блога. В фокусе данного исследования находится проблема выявления специфических жанровых характеристик блогов политиков и выделения на этом основании блогов политиков в отдельную жанровую разновидность электронных дневников.

Актуальными представляются жанрообразующие признаки, выделенные еще М.М. Бахтиным, который определил речевые жанры как «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [Бахтин, 1996]. Значимой представляется и модель жанра, разработанная Т.В. Шмелевой [Шмелева, 1997]. Эта модель включает следующие параметры: коммуникативная цель, образ автора, образ адресата, образ коммуникативного прошлого, образ коммуникативного будущего, тип событийного содержания и языковое воплощение. Среди черт, определяющих специфику блогов политиков, на основании данных моделей выделим тематику, коммуникативную цель, образ автора, образ коммуникативного будущего и языковое, в том числе стилистическое, оформление.

В характеристике **коммуникативной цели** блогов политиков была выявлена контаминация, взаимодополнение двух составляющих – информативности и оценочности. Отправной точкой, или информационным поводом, записи, как правило, служит некое сообщение о событии в обществе, внутренней или внешней политике, о знаменательной дате и т.д. Информативная целевая установка подчеркивается в названии одного из блогов – «Вести от

Сергея Миронова». Однако конечной целью является оценочная, что подтверждается вынесением оценочных высказываний в сильные позиции текста, в частности, в заголовок: *Кодекс профессиональной этики нужен, но совесть кодексом не заменишь* - заголовок записи о вынесении проекта Кодекса профессиональной этики журналистов на обсуждение Федеративного совета Союза журналистов России; *Торговля юбилейными медалями – это торговля историей страны** - запись о лишении юбилейных медалей статуса государственных наград; *Реформа по-ливановски ни к чему хорошему не приведет* – запись о реформировании педагогического образования (примеры из блога Сергея Миронова); *Названная Путиным цифра является абсолютным враньем* – запись, комментирующая заявление Президента РФ о расходах на Олимпиаду; *В экстазе* – запись о состоянии российского общества после присоединения Крыма (примеры из блога Бориса Немцова); *Любые подарки развращают чиновника!* – запись, содержащая предложение запретить подарки чиновникам; *Украинская революция – это нашествие на русских* – запись об угрозе для России, таящейся в событиях на Украине (примеры из блога Владимира Жириновского); *Базарные наглецы !* – запись об издателях, приписывающих политику авторство книги; *БЕДА* – запись, содержащая прогноз развития событий на Украине (примеры из блога Эдуарда Лимонова). Как видно из примеров, в качестве информационного повода записи блога политики, как правило, выбирают событие, подлежащее отрицательной оценке, часто сопровождаемой экспрессией. Среди средств выражения последней в примерах представлены стилистически маркированная лексика (*вранье, базарные, наглецы*), восклицательные предложения (*Любые подарки развращают чиновника!; Базарные наглецы!*); графическое выделение слова прописными буквами (*БЕДА*).

* В иллюстративном материале мы сохраняем орфографию и пунктуацию источников.

Образ коммуникативного будущего предполагает наличие представлений о последующем эпизоде общения, заложенных в жанре. Образ коммуникативного будущего блога напрямую связан с такой композиционной составляющей, как комментарии. По мнению Л. С. Савицкой, конвенция обязательности комментария к записи в блоге является одной из детерминирующих конвенций данной формы дискурса [Савицкая, 2011]. Однако в противовес типичным электронным дневникам, где, согласно наблюдениям исследователя, эксплицируются ожидания комментария автором и автор зачастую сам принимает в них участие, в блогах политиков нами не отмечено случаев добавления комментариев авторами, ответов на комментарии читателей блога, а в электронном дневнике Эдуарда Лимонова вовсе отсутствует возможность оставления комментариев. Случаи эксплицированной заинтересованности в комментариях единичны и в основном встречаются в блоге Сергея Миронова: *Мне интересно ваше мнение. Считаете ли вы, что торговля юбилейными медалями – это торговля нашей историей?; буду рад прочитать вашу точку зрения о будущем Евразийского Союза.* Политик подчеркивает важность комментариев читателей, обосновывая их содержанием выбор темы записи блога: *Читая ваши комментарии, понимаю, что эти вопросы волнуют очень многих читателей моего блога, поэтому предлагаю поговорить о них.* Таким образом, авторами почти или вовсе не задействуется интерактивный потенциал жанра, продиктованный электронной средой коммуникации, «общение» с аудиторией является подчеркнуто однонаправленным, что сближает блоги политиков с традиционными каналами трансляции политических взглядов.

Термин **«образ автора»** используется нами, вслед за Т.В. Шмелевой, применительно к теории речевых жанров в понимании, отличном от литературоведческого, хотя и отталкивающимся от него: образ автора – «сложное, многоплановое понятие, подлежащее "реконструкции" при анализе художественных текстов и систем. Тем не менее есть смысл "заимствовать" это

понятие для изучения РЖ [речевых жанров – М.Ф.], видя в нём один из жанровых признаков. Образ автора проявляется в РЖ в таких параметрах, как полномочия, авторитет, информированность, заинтересованность <...> это обязательный компонент смысловой структуры РЖ, он конструируется автором, "разыгрывается" им в соответствии с его замыслами и речевым мастерством» [Шмелева, 1990, с. 25 - 26].

Образ автора, несомненно, является одним из определяющих критериев блогов политиков. При этом исследуемые блоги объединяет не только профессиональная принадлежность авторов, но и другой важный параметр: в блогах политиков отсутствует обозначение автора в виде ника (интернет-псевдонима). Анонимность, характерная для электронной коммуникации в целом и жанра блога в частности, в случае с блогами политиков оказывается невозможной, так как противоречит стратегии самопрезентации как создания позитивного политического имиджа, широко эксплуатируемой авторами. Это заставляет политиков не только не скрывать своего имени, эксплицитно обозначая его в названии блога, но и дополнительно апеллировать к нему, подчеркивая свою индивидуальность: *И это есть суровая, спокойная, не запальчивая правда. Я, Эдуард Лимонов.*

В связи с принадлежностью рассматриваемых электронных дневников к политическому дискурсу возникает проблема возможного несоответствия реального автора текста декларируемому. Без привлечения методов автороведческой экспертизы, находящихся за рамками данного исследования, данный вопрос решается в пользу негласного правила политического дискурса, сформулированного А.П. Чудиновым: «Тот, на кого ложится ответственность за текст, является его автором» [Чудинов, 2012, с. 54].

2.3. Блоги политиков и блоги на политическую тему

В отличие от жанра блога в целом, предполагающего максимальное тематическое разнообразие, блоги политиков имеют строго ограниченную тематику, продиктованную образом автора. При этом необходимо разграничить блоги политиков и блоги на политическую тему, исследование которых проведено Н.Б. Рогачевой [Рогачева, 2009]. По ее мнению, блоги на политическую тематику отличает интерактивность, неформальность, непрофессиональный статус коммуникантов, а также ярко выраженная субъективность подачи информации об общественно-значимых событиях. Как отмечает Н.Б. Рогачева, происходит разрушение оппозиции «личное – публичное», политические события освещаются сквозь призму личности автора. Данную оппозицию дополняет дихотомия «личное – профессиональное», отмеченная Е. Йохансон в качестве характерной черты блогов [Johansson, 2014]. Что касается блогов политиков, здесь очевидно доминирует публичная составляющая, связанная с профессиональной и являющаяся обязательной. Востребованность личностной составляющей обусловлена скорее установками автора в конкретном тексте, чем его политической ориентацией. Каждый из авторов блогов, будучи лидером партии, нередко транслирует общепартийные взгляды, используя местоимение «мы»: *Мы требуем запретить яд под видом газировки* (блог Сергея Миронова); *Так называется доклад партии РПР-ПАРНАС, который мы представили 4 февраля* (блог Бориса Немцова); *Единственная партия, которой не стыдно смотреть всем в глаза, это ЛДПР. И царя мы бы защищали, и Советский Союз, и сейчас мы защищаем Януковича* (блог Владимира Жириновского); *Мохнаткин что называется гражданский активист, он не член партии "Другая Россия", и близко не стоял... Но как бы там ни было, мы будем защищать Мохнаткина как можем, как своего* (блог Эдуарда Лимонова). С другой стороны, в ряде записей каждый политик говорит от собственного «я» с целью подчеркнуть неангажированность и

самостоятельность взглядов и суждений: *Я говорю о том, что судить майданных и пост-майданных авантюристов будут сами украинцы* (блог Сергея Миронова); *Редакция сайта предложила убрать слова " братоубийственная война", неадекватный чекист" и " вурдалак жаждет народной крови". Я посчитал, что подобные правки сильно искажают мою позицию* (блог Бориса Немцова); *Вот я запрещаю делать мне любые подарки* (блог Владимира Жириновского); *Я ой какой не простой человек, но даже я, думаю, а может они все безумны !* (блог Эдуарда Лимонова).

Другое отличие блогов политиков от блогов на политическую тему состоит в разной степени задействованности интерактивных ресурсов жанра: как было отмечено выше, у блогов политиков она минимальна. Также вызывает вопросы релевантность для блогов политиков таких признаков, как неформальность и непрофессиональный статус коммуникантов, благодаря которым, по мнению Н.Б. Рогачевой, обсуждение политических вопросов в сетевых дневниках может быть сопоставлено с «разговором о политике на кухне» [Рогачева, 2009, с. 99]. Очевидно, что в случае с блогами политиков блогер является профессионалом в обсуждаемой сфере, что означает статусное неравноправие участников коммуникации, в ряде случаев обозначаемое авторами эксплицитно – например, в блоге Владимира Жириновского: *Если депутаты занимаются внутренней и внешней политикой, их преимущество перед простыми гражданами в том, что они должны давать правильный прогноз.*

Говоря о стилевом оформлении блогов на политическую тему, Н.Б. Рогачева утверждает, что «для политической дискуссии в сетевом дневнике (и шире – в Интернет-коммуникации) характерно стремление придать своей точке зрения объективность (большое количество цитат, ссылки на фотографии, статистические данные, другие Интернет-ресурсы), что сближает сетевой дневник с традиционными жанрами СМИ» (Там же). Стремление к фактографичности и документальности характерно и для блогов политиков: для подтверждения своей

точки зрения авторы приводят разные виды данных. Например, в записи «Слишком жаркая Олимпиада» Борис Немцов для доказательства аномально высокой температуры в Сочи включает в текст снимки экрана метеорологического сайта, кадр трансляции лыжной гонки в виде фотографии, видео с обзором рисков сочинской олимпиады, а также цитаты иностранных СМИ со ссылками на источник и переводной вариант. Благодаря этому запись блога предстает как гетерогенный текст, интегрирующий в одно целое вербальные, визуальные и звуковые элементы, задействованные в видеоряде. Впрочем, использование возможностей, предоставляемых электронной средой коммуникации, не является неотъемлемой чертой блогов политиков и в конечном счете остается выбором автора. В этом смысле можно сказать, что большинство других авторов проанализированных блогов остаются более консервативными в выборе средств: ими выбираются в основном традиционные для СМИ фотографии, цитаты и статистические данные официальных источников со ссылкой или без: *Если в 2011 году доля экспорта сырья (в первую очередь той же нефти и газа) в общем объеме составляла 70,3 %, то в 2012-м она выросла до 74%, а в 2013-м (по данным за январь-октябрь) уже до 75%* (блог Сергея Миронова); *Мы уже правильно начали регулировать некоммерческие организации, потому что в России их более 2000, и в прошлом году они получили 36 миллиардов рублей* (блог Владимира Жириновского); *Предприятия продавались по цене, не превышающей 10% от их подлинной стоимости* (блог Эдуарда Лимонова).

Итак, блоги политиков в разной степени отражают тенденцию к подтверждению объективности своей точки зрения, характерную для жанра блога в целом. Однако существенным моментом, отличающим блоги политиков от большинства других электронных дневников, является почти полное отсутствие средств письменной передачи устной речи, характерных для электронной среды коммуникации в целом: удвоение, утроение и т.д. гласных и согласных,

написание слов прописными буквами, ненормативные знаки препинания и их разнообразные сочетания, дефисное написание слов. Встретившиеся примеры носят нерегулярный характер и являются скорее исключениями, низкая частотность и спорадичность которых не позволяет присвоить им статус индивидуальных особенностей идиостиля конкретного автора и тем более характерного признака жанра. Примеры из блога Бориса Немцова: ненормативные знаки препинания (*Гуляем за чей счет??; Совет Ярославской Думы (!!!!)поддержал решение Совета федерации о вводе войск на территорию Украины*); графические средства передачи эмоций (*Это, конечно не 50 млрд долларов))), но не в деньгах дело*); использование прописных букв (*Но они СВОБОДНЫ и главное-они правы*). Подобные «вкрапления» средств неформального общения в сети Интернет могут свидетельствовать о попытках внедрения политиком элементов личностно-ориентированного дискурса в записи блога.

2.4. Лингвостилистические особенности блогов политиков

Т. В. Шмелева считает параметр лингвостилистического оформления приоритетным в определении жанра: «Если говорить об иерархии жанрообразующих параметров РЖ, то надо сказать, что лингвистически наиболее важен именно параметр языкового воплощения, все остальные нужны нам настолько, насколько они влияют на него» [Шмелева, 1997, с. 88]. Как было отмечено выше, все блоги содержат в себе отдельные черты публицистического стиля, однако в случае с блогами политиков можно говорить не об отдельных стилевых элементах, а о предельной близости стиля блогов политиков публицистическому. В данном аспекте блоги российских политиков отражают тенденцию, очевидно, имеющую кросскультурный характер: в частности, О.Н. Морозова отмечает, что близость к публицистическому стилю свойственна персональным сайтам британских политиков [Морозова, 2011, с. 147].

Основные функции публицистического стиля – сообщение и воздействие – находят отражение в информативно-оценочной природе коммуникативной цели блогов политиков. Что касается языковых средств, то представляется целесообразным выделить наиболее ярких из них на отдельных уровнях.

В частности, на уровне лексики характерно использование политической и экономической терминологии, обусловленной тематикой блогов (*законопроект, Федеральный Закон, уполномоченный по правам человека; малое предпринимательство, свободная экономическая зона, инфляция*), в том числе экспрессивно окрашенных терминов (*оккупация, аннексия, репрессии*); жаргонизмы (*пахан, шестерка, крышевать*); языковые клише, типичные для публицистики (*писать историю, исторический день, нарушение обязательств, двойные стандарты*). Весьма частотны характерные для публицистического стиля фразеологизмы (*с гулькин нос, ради красного словца, для отвода глаз*) и другие виды прецедентных высказываний, часто в трансформированном виде: *Все*

новое – это хорошо забытое старое; Единожды солгавши, кто тебе поверит?; По ком звонит последний звонок? (примеры из блога Сергея Миронова).

Среди синтаксических средств следует отметить достаточное количество восклицательных (*Да он целый месяц будет их оформлять!*) и вопросительных предложений (*кто будет следить за этими за подарками — когда и кому они преподносятся?*), в том числе риторических вопросов: *Если мы разрешим подарки стоимостью 3 тыс., сколько времени нужно на оценку, на оформление бумаг?!* (примеры из блога Владимира Жириновского). Также весьма характерна парцелляция: *4 июля 2007 года, выступая в Гватемале на сессии МОК Путин заявил, что Россия готова потратить на подготовку к Играм 12 миллиардов долларов. Сам заявил. На английском* (блог Бориса Немцова) - и синтаксический параллелизм: *Это день начала собирания земель русских. Это день воссоединения разделенного народа* (блог Сергея Миронова).

Для всех авторов характерно использование разнообразных средств выразительности – тропов и фигур. Помимо синтаксического параллелизма, парцелляции и риторических вопросов следует отметить частотность метафор, в том числе развернутых: *власть безнаказанно потешается над Прохоровым, дергая его длинное тело за ниточки, поскольку у него есть ахиллесова пята, - его богатства, которые можно отобрать, можно припугнуть "Отберём!" И он как миленький. как шёлковый пойдёт в нужном направлении - рука-нога, нога-рука...* (блог Эдуарда Лимонова).

Итак, несмотря на формальную принадлежность к электронной коммуникации, блоги политиков отличается некоторая консервативность, проявляющаяся в недостаточной задействованности ресурса интерактивности и фактической принадлежности записей к публицистическому стилю при минимальном присутствии черт электронной коммуникации.

Специфика блогов политиков с точки зрения тематики, коммуникативной цели, образа автора, образа коммуникативного будущего и функционально-

стилевой принадлежности делает возможным предоставление блогам политиков статуса особой жанровой разновидности.

2.5. Индивидуально-авторское варьирование жанровых параметров и прецедентные феномены

Несмотря на наличие таких характеристик, как тематика, коммуникативная цель, образ автора, образ коммуникативного будущего и лингвостилистическое оформление, обосновывающих общность блогов политиков в качестве жанровой разновидности электронных дневников, проанализированные блоги имеют различия, продиктованные личностью и интенциями автора. Наиболее ярко данные различия проявляются в стилистическом оформлении записей блога и интержанровом взаимодействии, в которое вступают электронные дневники политиков в дискурсе конкретного автора.

Варьирование публицистического стиля в блогах и его степень связаны не только с идиостилем политика, но и с его представлениями о предполагаемом адресате. Данный вопрос является принципиально важным для политической коммуникации, так как в конечном счете определяет ее эффективность. Образ целевой аудитории влияет не только на наличие иностилевых элементов в блогах политиков, но и на отбор авторами прецедентных феноменов, вводимых в текст записи блога. По утверждению Е.А. Нахимовой, рассмотрение сфер-источников прецедентности может предоставить интересный материал «как для оценки эрудиции, жизненного опыта, политических предпочтений, прагматических установок и речевого мастерства автора, так и для оценки авторского представления об аналогичных качествах адресата» [Нахимова, 2007, с. 88].

Источниками прецедентности, эксплуатируемыми всеми авторами, являются фразеология и история. Популярность соответствующих прецедентных высказываний и ситуаций, очевидно, вызвана наибольшим соответствием критерию доступности, то есть отсутствием у авторов сомнений в знакомстве адресата с данными прецедентными феноменами. Л.Н. Синельникова характеризует соблюдение рамок читательского культурного и языкового тезауруса как норму оппозиционного дискурса (думается, впрочем, что данная

норма распространяется на политический дискурс в целом): «адресат должен почувствовать себя включённым в «свой круг», а адресант всячески стремится утвердить это чувство» [Синельникова, 2010, с. 35]. Наиболее популярным источником прецедентных феноменов является фразеология: *пожинать плоды, кусать локти, смешать карты, прятать голову в песок; насильно мил не будешь* и др. Высокую частотность данного типа феноменов можно объяснить тем, что фразеологизмы, как правило, вводятся в текст целиком и не предполагают интертекстуальных отсылок, что и обуславливает их эффективность.

Особый интерес вызывает история как сфера-источник прецедентности. Авторы обращаются к одним прецедентным ситуациям исторического происхождения независимо от разницы в оценке текущих событий в России и на Украине, которые чаще всего являются сферой-мишенью прецедентности. В качестве прецедентных ситуаций авторами блогов, как правило, выбираются ключевые и переломные моменты истории России: революция 1917 года (*Новая политическая сила на Ближнем Востоке – это как в 17 году большевики* (блог Владимира Жириновского)); Великая Отечественная война (*Нам повторения 22 июня не надо* (блог Владимира Жириновского); *Наступаем! С 1945-го не наступали, пора !* (блог Эдуарда Лимонова); *Так что тревожимся, но победа-то будет за нами, вот что!* (блог Эдуарда Лимонова)); Холодная война (*Мы живем в новой реальности, дорогие мои. Реальности второй холодной войны* (блог Бориса Немцова)), распад СССР (*Вот две ошибки — надо двигаться на юг и не включать в состав России народы, которые нас ненавидят и будут изнутри трясти государство, вплоть до того, что произошло в 1991 году* (блог Владимира Жириновского)). История является источником прецедентных ситуаций, вербализуемых описательно (*Мы надеемся, что те грузы, которые мы направляем, машины, медикаменты, принесут какую-то пользу. Но надо понимать главное — план «Барбаросса» подписан, и дата нападения на Россию определена* (блог Владимира Жириновского)), через прецедентные высказывания

– как правило, лозунги (*Медсестры зря пишут Путину письма. Пушки вместо масла-это его выбор* (блог Бориса Немцова)), прецедентные имена (*Он украинский Горбачев, только еще хуже* (блог Владимира Жириновского)), комбинацию средств (*Или придётся на вопрос американского корреспондента "Что случилось с Украиной?" отвечать "Она утонула." ?* (блог Эдуарда Лимонова)). В последнем примере используется словесное описание интервью В.В. Путина о подводной лодке «Курск» и ответ президента, представляющий собой трансформированное прецедентное высказывание. Помимо обеспечения информационной конгруэнтности, история как сфера-источник прецедентности раскрывает метафорический потенциал прецедентных феноменов: как видно из примеров, прецедентные ситуации, связанные с поворотными моментами российской истории, используются авторами блогов для осмысления текущей ситуации (кризиса на Украине и его восприятия в России) и ее гипотетических последствий.

Авторов блогов объединяет и почти полное игнорирование таких сфер-источников прецедентности, как кино и телевидение. К наименее частотным источникам прецедентных феноменов следует отнести кинофильмы и сериалы: *Вернем участкового Анискина?; А еще впереди – суд истории. Он не «самый гуманный суд в мире», как говаривал персонаж известного фильма* (примеры из блога Сергея Миронова); *Президент был похож на бледного Фантомаса* (блог Эдуарда Лимонова). При этом почти вовсе отсутствуют прецедентные феномены из телевизионных передач и рекламы. Непопулярность массовой культуры в качестве сферы-источника прецедентности может свидетельствовать о прагматических установках создания имиджа интеллектуала и находится в русле общей отрицательной оценки российского телевидения авторами рассмотренных блогов, в разной степени относящими себя к оппозиционным силам. Телевизионные СМИ России упрекаются в необъективности, ярко выраженной проправительственной ориентации. Показателен пример из блога Бориса

Немцова: *Российское ТВ находится на 100% под контролем Путина (Дождь не в счет, так как это теперь Интернет-ресурс), то есть все как во времена нацистской Германии... Ровно это не позволяет создать в Украине Геббельс-ТВ по примеру Путина, хотя кое кому этого хочется.*

Что касается других сфер-источников прецедентности, степень их задействованности авторами блогов строго индивидуальна и, как было отмечено выше, параллельно со стилистическими особенностями обеспечивает нужное прочтение текста целевой аудиторией.

Лексика электронного дневника **Бориса Немцова** демонстрирует его нацеленность на низкообразованные слои населения, скорее всего, имеющие связи с криминалом: политик использует в своем блоге сниженную, грубую и даже обценную лексику (*Проблема Запада в отсутствии воли и яиц; Ну не м...ки??*), в том числе неологизмы (*Пропагандонам и одурманенным ими, истина не важна*), а также разнообразные арготизмы (*шестерки, крышевать, подментованный провокатор, вертухаи, терпилы позорные, кремлевские лошады*). Примечательно, что наряду с общеизвестными арготизмами, перечисленными выше, Борис Немцов употребляет и лексемы, значение которых в криминальной среде вряд ли знакомо среднему представителю лингвокультурного сообщества: *Примерно то же самое вслед за Путиным, как попы на толковище повторяют Медведев, Козак и все остальные чиновники.* Арготизмы *поп* в значении ‘заместитель начальника исправительно-трудового учреждения по политико-воспитательной работе’ и *толковище* в значении ‘сборище преступников’ [Словарь блатного жаргона URL: <http://baks-moniyak.narod.ru/slovar.html>] выполняют в тексте записи блога эзотерическую функцию, указывая на подлинную аудиторию электронного дневника. Ориентированность на подобную аудиторию поддерживается и характерным употреблением прецедентных феноменов: Борис Немцов практически не выходит

за рамки «обязательного минимума» прецедентности фразеологического и исторического происхождения.

Социальная немаркированность единиц, используемых **Владимиром Жириновским**, говорит о его нежелании исключать какую-либо часть населения из круга своих потенциальных читателей. Об этом же свидетельствует стабильное соответствие записей блога политика публицистическому стилю с использованием в экспрессивных целях наиболее доступных среднему читателю лексем и конструкций разговорного синтаксиса: *По нелегальной миграции тоже закон лежит... Черные списки авиапассажиров — мы же внесли, но 2 года валяется, уже кто-то начинает проявлять инициативу от другой фракции: давайте такие списки сделаем. А наша инициатива что? Вот опять сняли двух пассажиров.* При этом традиционным приемом автора является нагнетание вопросительных предложений, часто в функции риторических вопросов: *В случае подписания Ассоциации с Евросоюзом это ударило бы по экономике Украины. Ну и что мы сопротивляемся этому? Да пусть подпишут. Пусть рухнет украинская экономика — мы при чем здесь? Что же мы спасаем чужую экономику? А они будут все ближе к нам кричать, что мы москали?* Как и Борис Немцов, Владимир Жириновский избегает прецедентных феноменов литературного происхождения, одна из единичных попыток в этом направлении оборачивается вероятной коммуникативной неудачей, вызванной нарушением критерия недвусмысленности: *Выражаю благодарность жителям и защитникам юго-востока за то, что они смело выступают против Запада и отважно отстаивают права русских. Вы сегодня вершите историю, вы - герои нашего времени.* Двусмысленность прецедентного высказывания *герой нашего времени* создается неоднозначностью образа персонажа соответствующего романа М.Ю. Лермонтова при условии осознания интертекстуальной отсылки реципиентом.

Блог **Сергея Миронова** рассчитан на образованных читателей, знакомых с классическими произведениями русской и зарубежной литературы, о чем

свидетельствуют прецедентные феномены со сферой-источником «литература», восходящие к произведениям А.С. Пушкина (*русский бунт, бессмысленный и беспощадный; опыт, «сын ошибок трудных»*), И.А. Крылова (*Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать*), Ф.М. Достоевского (*чтобы те, кто сегодня пытаются решать судьбы Украины, вспомнили в конце концов об огромной цене даже одной-единственной «слезинки ребенка», про которую когда-то писал Ф.М. Достоевский*), Э. Хемингуэя (*По ком звонит колокол?*). Перечисленные источники, как правило, входят в обязательную школьную программу, что обеспечивает соблюдение критерия доступности прецедентных феноменов. Предполагаемый интеллектуальный уровень адресата позволяет Сергею Миронову насыщать тексты политической, экономической и юридической терминологией без опасения быть непонятым: *А начинать надо с принятия базового федерального закона о промышленной политике, который должен заложить необходимые предпосылки для концентрации финансовых ресурсов в приоритетных отраслях промышленного производства.* Адресат блога – не только интеллектуал, но и интеллигент: в текстах записей блога политика практически отсутствует грубая, сниженная лексика, при необходимости экспрессивно выразить негативную оценку выбирается лексика с умеренным градусом пейоративной коннотации (*халтурищик, бездарный, хамство, мерзости, наплевательское отношение*). Умеренность в выборе языкового оформления электронного дневника Сергея Миронова проявляется и в тяготении к стандарту книжного стиля. Блог политика лидирует по средней длине предложения среди рассмотренных электронных дневников; для него характерен прямой порядок слов, разнообразные виды осложненных и сложных предложений: *В наше непростое время, полное конфликтов и социального разобщения, Рождество остается тем светлым праздником, который объединяет людей, помогая им чувствовать себя причастными высокому духовному началу.*

Блог **Эдуарда Лимонова** можно назвать самым разнообразным по арсеналу задействованных языковых средств, отражающих противоречивые черты имиджа политика и нацеленных на отдельные сегменты аудитории: подобно Сергею Миронову, Эдуард Лимонов использует интеллектуальные отсылки к классическим текстам И. Ильфа и Е. Петрова, Ф.М. Достоевского, Т. Драйзера, сосуществующие в дискурсе политика с англицизмами, явно нацеленными на молодежную аудиторию (*speech-writer*, *мэсидж*) и грубо-просторечной лексикой с максимальным радиусом воздействия (*муйня*, *скоты*, *дрянь*, *тётка*, *ублюдочный*). Большое значение для имиджа автора имеет роль писателя, согласно которой Эдуард Лимонов не только рассказывает читателям о своих новых произведениях, но и воплощает писательское мастерство на страницах блогах, включая в свои записи элементы художественного стиля в виде ярких образов, метафор и сравнений: *Украина вцепится России в рукав окровавленными руками...; а потом выкинул Каспарова и из Солидарности, как тот переросток - кукушённок, выкидывает соперников из гнезда, движимый прожорливостью всего навсего; Делают поблажки либералам, выборочная такая лужицами точечная теплота*. Зачастую стиль политика приближается к разговорному, длина предложений резко сокращается: *ВВП всё-таки полетел из Хабаровска в Волгоград. Сразу нужно было. В Хабаровске всё давно высохло. А Волгоград весь в кровище*.

Особый интерес при рассмотрении блога Эдуарда Лимонова вызывают частотные прецедентные феномены со сферой источником «религия», не только поддерживающие имидж интеллектуала, но и моделирующие новую компоненту образа политика – роль проповедника – в контексте интержанрового взаимодействия. Подавляющему большинству записей блога за редким исключением в сильной позиции конца текста эксплицитно присвоен статус проповеди: *Это была утренняя проповедь 1 января 2014 года; Это была проповедь о Мохнаткине. Сегодня 2 января 2014 года. Я - Эдуард Лимонов; Это*

была моя вторая проповедь за день. Сегодня 13 марта. Я - Эдуард Лимонов. Вас, прихожан, в моей церкви, я заметил становится всё больше и больше. Спасибо что интересуетесь. Интержанровое взаимодействие поддерживается соответствующими обращениями к читателям («дети мои», «прихожане моей церкви») и многочисленными прецедентными феноменами религиозного происхождения: Обыватели всегда Фомы-неверующие; Sic transit gloria mundi ! Это как если бы расследование по делу Христа провёл бы Иуда; "Не убий!" учит нас христианская цивилизация. Исходя из заповедей - совершенно злодеяние. Роль проповедника маркируется подчеркнуто эксплицитно, давая повод для самоиронии, снимающей излишний пафос. Пример находим в записи "Простираемся у ног твоих, отец Эдуард !": Что я проповедую в своём Живом Журнале, я не отрицаю, напротив - подчёркиваю, я проповедник. И агитатор. Веду пропаганду и агитацию, проповедую здоровый взгляд на окружающий нас мир.

Прецедентные феномены со сферой-источником «религия» погружают записи блога Эдуарда Лимонова в религиозный контекст, который направляет читательское восприятие текстов в нужное русло. Ярким примером создания такого контекста является следующая запись.

Городу и Миру

Сообщаю Городу и Миру, что сегодня оргкомитет Стратегии-31 вновь подал уведомление о проведении 31 января сего года митинга на Триумфальной площади с 18.00 до 20.00. Заявители те же. Буковский, Кузьмин ("Левый Фронт"), Лимонов, Цария.

Я слышал от товарищей, что некоторые из них намереваются прийти на площадь с портретами Сергея Мохнаткина, задержанного на Триумфальной 31 декабря 2013 года, арестованного, в настоящее время держащего голодовку в штрафном изоляторе Бутырской тюрьмы.

<...>

Капля долбит камень. Везде так. Триумфальная площадь - не исключение. На ней также, капли годами долбят камень.

Для полноценного восприятия данного текста необходимо учитывать экстралингвистический параметр, а именно источник прецедентных высказываний, маркирующих сильные позиции текста – начало и конец. Оба высказывания принадлежат служителям церкви, при этом прецедентное высказывание *Городу и Миру* актуализирует фрейм «благословение папы», что соотносится с ситуацией, описанной в тексте, создавая для нее модальную рамку: Эдуард Лимонов «благословляет» планируемый митинг и его участников. Прецедентное высказывание *Капля долбит камень* введено автором в усеченном виде, полная версия *Капля долбит камень не силой, а частым паденьем* принадлежит английскому епископу Латимеру и присутствует в тексте имплицитно, актуализируя скрытый призыв к читателям прийти на митинг.

Интержанровое взаимодействие блога Эдуарда Лимонова и проповеди, служащее смысловому обогащению содержания электронного дневника, может быть противопоставлено формальному взаимодействию жанров в блогах других политиков. В частности, в качестве очередной записи блога Сергей Миронов выкладывает видео или текст своего интервью, статью для СМИ за собственным авторством или письмо очевидца событий на Украине. В основном в таких случаях автор ограничивается кратким сопроводительным комментарием к внедряемому материалу, таким образом, записи блога политика тяготеют к структурному, но не семантическому взаимодействию с жанрами вставок.

В связи с вопросом об интержанровом взаимодействии неизбежно требует рассмотрения проблема взаимоотношения блогов политиков и жанра политической исповеди. Истоки рассматриваемого нами жанра, связанные с ведением личного дневника, указывают на возможные пересечения с данным жанром. Как отмечает Т.В. Романова, в политических исповедях прослеживается коммуникативная цель (эксплицитная – пролить свет на ход исторических

событий; имплицитная – скорректировать или реанимировать свой публичный имидж), очерчено коммуникативное прошлое (рефлексивная ретроспекция имевших место событий профессиональной и частной жизни автора) и будущее (изменение отрицательных и усиление положительных диспозиций адресата по отношению к персоне автобиографа), воплощено событийное содержание (проникновение интимного в социальное и наоборот, связь настоящего с прошлым и будущим) [Романова, 2009, с. 111].

Для блогов политиков характерна сосредоточенность на общественно значимых событиях сегодняшнего дня; частота записей дает политику возможность сконцентрироваться на каждом интересующем его событии и не просто рассказать о нем, но – что более важно – разъяснить его истинный смысл читателям. В данной целевой установке заложен корень статусного неравенства коммуникантов и, как следствие, основного отличия блогов политиков от политической исповеди. Читатель электронного дневника политика выступает не свидетелем интимных излияний автора, его сожаления и раскаяния (искренность которых, однако, следует считать условной). Политик в своем блоге максимально отстраняется от собственных ошибок, умалчивает о неудачах с целью придать вес своей трактовке событий. Присвоение записям блога статуса проповедей в электронном дневнике Эдуарда Лимонова создает наглядную оппозицию с жанром политической исповеди, отрицая предпосылки любого – даже мнимого – покаяния.

Перечисленные индивидуально-авторские особенности рассматриваемых электронных дневников, затрагивающие стилистическое оформление, интержанровое взаимодействие и задействование определенных сфер-источников прецедентности, с одной стороны, тесно связаны с целевой аудиторией каждого блога.

С другой стороны, указанные особенности не находятся в противоречии с интегральными признаками блогов политиков и позволяют говорить о

существовании рассматриваемых блогов в русле жанровой разновидности электронных дневников.

Выводы к главе II

Для рассмотренных блогов характерна разница в активности политиков в ведении электронных дневников (количестве записей, их размере) и в степени насыщенности записей блогов прецедентными феноменами. Наибольшая пользовательская активность в комбинации с высокой степенью задействованности прецедентных феноменов характерна для электронных дневников представителей оппозиции: Владимира Жириновского, Эдуарда Лимонова, Сергея Миронова и Бориса Немцова.

Жанровая специфика блогов политиков выявляется по таким параметрам, как тематика, коммуникативная цель, образ автора, образ коммуникативного будущего и языковое, в том числе стилистическое, оформление.

Необходимо различать блоги политиков и блоги на политическую тему. Блоги политиков отличают такие признаки, как доминирование публичной составляющей, минимальная степень задействованности интерактивных ресурсов жанра, статусное неравноправие участников коммуникации.

Можно говорить о предельной близости стиля блогов политиков публицистическому стилю как в функциональном отношении (основные функции публицистического стиля – сообщение и воздействие – находят отражение в информативно-оценочной природе коммуникативной цели блогов политиков), так и в отношении языковых средств разных уровней.

Несмотря на формальную принадлежность к электронной коммуникации, блоги политиков отличает некоторая консервативность, проявляющаяся в недостаточной задействованности ресурса интерактивности и фактической принадлежности записей к публицистическому стилю при отсутствии языковых черт электронной коммуникации.

Проанализированные блоги имеют различия, продиктованные личностью и интенциями автора. Индивидуально-авторские особенности рассматриваемых электронных дневников, включающие стилистическое оформление,

интержанровое взаимодействие и сферы-источники прецедентности, связаны не только с неотъемлемой индивидуальностью идиостиля политика, но и с его представлениями о предполагаемом адресате.

Источниками прецедентности, эксплуатируемыми всеми авторами, являются фразеология и история. Популярность соответствующих прецедентных высказываний и ситуаций вызвана наибольшим соответствием критерию доступности. Авторы блогов объединяет и почти полное игнорирование таких сфер-источников прецедентности, как кино и телевидение, связанное с разделяемой всеми авторами негативной оценкой массовой культуры. Степень задействованности политиками прецедентных феноменов из сфер литературы и религии строго индивидуальна и параллельно со стилистическими особенностями обеспечивает нужное прочтение текста целевой аудиторией.

В контексте интержанрового взаимодействия прецедентные феномены из сферы-источника «религия» моделируют компонент образа политика – роль проповедника. Присвоение записям блога статуса проповедей автором создает наглядную оппозицию с жанром политической исповеди, отрицая предпосылки любого – даже мнимого – покаяния.

Выявленные индивидуально-авторские особенности рассмотренных электронных дневников не находятся в противоречии с интегральными признаками блогов политиков. Специфика блогов политиков с точки зрения тематики, коммуникативной цели, образа автора, образа коммуникативного будущего и функционально-стилевой принадлежности делает возможным предоставление блогам политиков статуса особой жанровой разновидности.

ГЛАВА III.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В АГОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ БЛОГОВ ПОЛИТИКОВ

3.1. Толерантность и интолерантность как качества агонального дискурса

В связи с основополагающей функцией политического дискурса как инструмента политической власти (борьбы за власть, овладения властью, ее сохранения, осуществления, стабилизации или перераспределения) [Шейгал, 2000, с. 48] закономерно рассмотрение блогов политиков как площадки агональной коммуникации. Термин «агональная коммуникация» происходит от греч. «борьба, состязание» и представляет собой свойство дискурса выражать дух соперничества. Формообразующим элементов агональной коммуникации выступает и защита, понимаемая широко - как попытка отстоять собственные взгляды и убеждения, а также повлиять на мнение адресата, изменив его суждения [Цыцулина, 2010, с. 119]. В современной публичной коммуникации толерантность и интолерантность выступают значимыми характеристиками политического дискурса, позволяющими определить степень его агональности.

В настоящее время в русской лингвокультуре толерантность предстает в роли новой коммуникативной нормы, декларируемой в первую очередь для официальной коммуникации, к которой можно отнести большинство текстов политического дискурса. Теоретическим и прикладным вопросам толерантности уделяют внимание многие специалисты в области политической лингвистики (В.Н. Базылев, О.С. Иссерс, А.Г. Кудрявцев, В.В. Майба, Е.А. Маклакова, И. Милевич, Т.В. Романова, Л.Н. Синельникова и др.). Для анализа блогов политиков на предмет (ин)толерантности и роли прецедентных феноменов в ее реализации необходимо определить содержание терминов «толерантность» и «интолерантность», а также установить взаимоотношения смежных терминов «толерантность» и «политкорректность».

В отечественных гуманитарных науках сложилась традиция понимания толерантности как терпимости к чужому, в том числе к инакомыслию (при возможности оставаться при своем мнении), как стремлению к согласию, предупреждению конфликтов [Стернин, Шилихина, 2000, с. 13]. Такое сложное понятие, как толерантность, вступает в гиперо-гипонимические отношения с целым рядом других понятий (вежливость, культурность, бесконфликтность, миролюбие, сочувствие, уступчивость, веротерпимость, сдержанность, не являясь, однако тождественным ни одному из них [Романова, 2015, с. 42]. В частности, вежливость, отражая лишь один аспект толерантности, определяется как особая стратегия речевого поведения, направленная на предотвращение конфликтов в общении и на построение гармоничных межличностных отношений. В основополагающей работе теории вежливости "Politeness: Some Universals in Language Usage" П.Браун и С.Левинсон различают два типа вежливости: позитивная и негативная. Негативная вежливость, мотивированная стремлением совершать действие без помех, обеспечивает независимость личности человека, сохранение ее границ. При такой вежливости возникает сдержанность, официальность и определенная дистанция между собеседниками. Позитивная вежливость служит для выражения говорящим своей симпатии к адресату и получения одобрения. В качестве примеров позитивной вежливости можно привести комплименты, стремление к отсутствию конфликтов и разногласий, проявление внимания, образование комфортной атмосферы [Brown, Levinson, 1987].

Толерантность может быть описана как через смежные понятия, так и через набор признаков. В «желаемый перечень когнитивных признаков политической толерантности» Л.Н. Синельникова включает следующие пункты: готовность к принятию иных взглядов; цивилизованный компромисс; готовность власти допускать инакомыслие в обществе; стремление согласовывать позиции на основе справедливости, закона и права человека на собственный выбор; не навязывать

единый стандарт, стремиться к поиску нескольких вариантов решений; умение решать противоречия открыто, конструктивно и позитивно; соблюдать чувство меры, быть уравновешенным; находясь в состоянии конкуренции, не забывать об ограничениях этического характера; действовать по позитивному сценарию; не культивировать образ врага; избегать и противодействовать любым проявлениям ксенофобии; не делить общество на выигравших и проигравших, на победителей и побеждённых [Синельникова, 2010, с. 60]. Нельзя не заметить, что содержание данного списка представляет собой некий идеал толерантности, ее абсолютное выражение, практически недостижимое в политическом дискурсе. Тем не менее важным выводом из перечисленных признаков является обязательная активность субъекта толерантности, направленная на объект в виде усилий по достижению компромисса, налаживанию диалога и т.д. Т.В. Романова отмечает, что, в отличие от терпимости, предполагающей пассивное восприятие субъектом реальности, толерантность подразумевает активное отношение к «другому» [Романова, 2015, с. 41].

Толерантность как новая коммуникативная норма оказывается не востребовавшей в политическом дискурсе и лингвокультуре в целом. О несформированности толерантного сознания рассуждает Л.Н. Синельникова: номинация декларируется, но общественное сознание её не атрибутировало, и поступки – как речевые, так и неречевые – далеко не всегда соответствуют принципам толерантности [Синельникова, 2010, с. 56].

Причины подобного расхождения декларируемых принципов и реалий коммуникации, с одной стороны, мотивируются имманентными свойствами самой толерантности: коммуникативным позитивом, правом на альтернативную позицию, отрицанием попыток вторжения в ценностный мир личности, - данные свойства не актуальны для политики. С другой стороны, истоки непоследовательного освоения толерантности русским лингвокультурным сообществом связаны с рядом социально-исторических факторов, среди которых

характерное для постсоветского времени обострение борьбы за власть и появление новой политической элиты, существенно изменившее политический язык в целом и представление об отдельных понятиях, на которые ему рекомендуется опираться [Синельникова, 2010, с. 57]. А.Г. Кудрявцев говорит о последовательном действии нескольких факторов: 1) смена власти и национальной идеологии в начале XX в. и мощное влияние новой идеологии на все аспекты жизни общества, включая лингвокультурный; 2) эскалация межнациональной розни на базе локальных дипломатических и вооруженных конфликтов на Северном Кавказе в конце XX в.; 3) отказ ратифицировать 12-й протокол Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в 2000 г., обязывающий государство гарантировать любые права без какой-либо дискриминации и предусматривающий механизм наказания в случае невыполнения обязательств; 4) разработка федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» [Кудрявцев, 2012, с. 102]. Низкая эффективность пропаганды идей толерантности в политическом дискурсе связана с негативным статусом политика в качестве информационной группы [Милевич, 2007].

На данный момент в отечественной науке отсутствует однозначное решение вопроса о соотношении терминов «толерантность» и «политкорректность». В исследованиях, посвященных этой проблеме, данные термины выражают близкие, но не тождественные понятия. Политкорректность принято трактовать двояко: «мы считаем возможным говорить о политкорректности как интернациональной, надкультурной идеологии, различая при этом национальные языки политкорректности» [Майба, 2012, с. 102]. Широкая трактовка термина, близкая к сфере социальных наук, предполагает понимание политкорректности как идеологии: согласно определению Л.Г. Ионина, это «идеология современной массовой демократии, служащая, с одной стороны, обоснованию внутренней и внешней политики западных государств и союзов, а с другой – подавлению

инакомыслия и обеспечению идейного и ценностного консенсуса» [Ионин, 2012, с. 5]. Более узкая, лингвистическая трактовка подразумевает понимание политкорректности как культурно-поведенческой и языковой тенденции, состоящей в замене прямого наименования, способного задеть честь и достоинство, нейтральным или положительным эвфемизмом [Билан, 2014, с. 21]. Язык политкорректности содержит исключительно выражения, которые будут эмоционально положительно восприняты представителями всех или большинства групп адресатов и подвергает табуизации целый ряд слов и выражений, которые могут привести к негативным ассоциациям [Базылев, 2007, с. 8].

В качестве терминов-синонимов политкорректности называют «языковой такт» [Тер-Минасова, 2000] и «коммуникативная / культурная корректность» [Киселева, 1998, с. 115]. Как и в случае с толерантностью, востребованность политкорректности определяется действием экстралингвистических факторов, среди которых В.Н. Базылев выделяет следующие: господствующая политическая и общественная идеология, актуальные или популярные социально-культурные и политические ориентиры, смена политических систем, идеологий, направлений общественного развития; поиск поддержки у той или иной категории населения; необходимость отвечать требованиям других культур при возрастании поликультурности общества; необходимость удовлетворять международной политической конъюнктуре [Базылев, 2007].

Содержание терминов «толерантность» и «политкорректность» демонстрирует их сходство, способность выступать в качестве синонимов. Тем не менее в научной среде сложилась традиция разграничения терминов. По мнению Л.Н. Синельниковой, политкорректность входит в круг аттрактивных слов-понятий толерантности наряду с лояльностью, корректностью и эмпатией [Синельникова, 2010, с. 58]. Тем самым демонстрируется неравенство объемов понятий. Популярным вариантом разграничения терминов выступает соотношение по принципу «содержание – форма»: толерантность является

содержанием, принципом, основой определенного социального регулятива (толерантность предполагает наличие идеи, взглядов, которым необходимо следовать), а политкорректность — формой, в том числе и речевой, его проявления, существования [Романова, 2015, с. 47]. Политическая корректность предполагает регламентацию принципов толерантности на практике, предписывает строгое следование стандартам лингвистического поведения [Маклакова, 2010, с. 93].

Итак, толерантность предстает как более абстрактное понятие, подразумевающее совокупность принципов, стратегию речевого поведения. Политкорректность в лингвистическом понимании означает языковое воплощение принципов толерантности. Следует, однако, заметить, что соотношение терминов по принципу «содержание – форма» не представляется вполне точным в контексте данного исследования. Во-первых, политкорректность затрагивает не все уровни языка: политическая корректность оказывает наиболее ощутимое воздействие на лексический состав языка, в особенности на те слова и словосочетания, которые используются для обозначения наименований лиц [Маклакова, 2010, с. 94]. Стандартизированность политкорректных единиц подразумевает потенциально, если не реально ограниченный список, подлежащий фиксации, - «под языком политкорректности естественно понимать словарь» [Майба, 2012, с. 102]. Очевидно, что толерантность, при всем разнообразии проявлений, описанных выше, не ограничивается закрепленным набором слов и выражений и собственно языковых единиц, выходя на уровень речевых стратегий и тактик, подразумевающих свободный выбор средств реализации.

Во-вторых, обязательным компонентом политической корректности является эвфемизация, при этом «политически корректный эвфемизм - это всегда эвфемизм, введенный с целью избежать того или иного оскорбления какой-либо группы населения» [Киселева, 1998, с. 115]. Таким образом, политкорректность

подразумевает обязательный статус социальной группы для своего объекта, тогда как толерантность допускает адресацию индивидууму.

Указанные различия позволяют говорить о невозможности использования термина «политическая корректность» для охвата всего многообразия языковых воплощений принципов толерантности. Принимая во внимание данное обстоятельство, а также неудобство параллельного использования двух терминов, в данном исследовании представляется целесообразным отказаться от использования термина «политкорректность» в пользу более емкого термина «толерантность», понимаемого как единство соответствующих принципов и средств их выражения – как языковых, так и дискурсивных.

Говоря о многоаспектности понятия «толерантность», нельзя не затронуть вопрос об уровнях толерантности. В.В. Майба выделяет два пласта лексики в структуре языка политкорректности: 1) собственно политкорректная лексика, которая включает в свой состав «правильные», «допустимые» наименования социальных явлений; 2) лексика, которая используется для непосредственного формирования политкорректной картины мира. Отличие этого пласта политкорректной лексики заключается в том, что она задает и закрепляет установки и принципы. И если идеологемы политкорректности выражают принципы и установки политкорректности, то собственно политкорректная лексика непосредственно реализует эти принципы и установки [Майба, 2012, с. 102 - 103]. Опираясь на данную классификацию, можно выделить два уровня толерантности в политическом дискурсе – соблюдение принципов толерантности в коммуникации, с одной стороны, и их пропаганда, с другой; при этом уровни независимы друга от друга.

Интолерантность, как прямая оппозиция толерантности, также является сложным многоаспектным феноменом. Т.В. Романова выделяет следующие проявления интолерантности, которые условно составляют компоненты фрейм-

структуры «интолерантность»: этноцентризм, предубеждение, предрассудок, дискриминация, ксенофобия, экстремизм, национализм, терроризм [Романова, 2015, с. 43].

К смежным терминам можно также причислить язык вражды и речевую / вербальную агрессию. Согласно широкой трактовке термина, вербальная агрессия понимается как эксплицитно выраженная оппозиционность говорящего по отношению к собеседнику [Басовская, 2004]. Более узкое толкование термина предполагает жесткое, подчеркнутое средствами языка выражение негативного эмоционально-оценочного отношения к кому-, чему-либо, нарушающее представление об этической и эстетической норме, а также перенасыщение текста вербализованной негативной информацией, «вызывающее у адресата тягостное впечатление» [Петрова, Рацибурская, 2011, с. 16]. В данном понимании вербальная агрессия соотносится с сильной степенью проявления интолерантности.

Язык вражды в самом широком понимании представляет собой способ языкового конструирования моделей и практик социального неравенства [Понарин, Дубровский, Толкачева, Акифьева, 2007, с. 91]. А.В. Евстафьева выделяет два обязательных компонента языка вражды - негативное значение выражения и его обязательная адресация [Евстафьева, 2009, с. 12]. Несмотря на наличие интегральных компонентов семантики, термины «интолерантность» и «язык вражды» нельзя отождествлять, так как интолерантность, подобно толерантности, подразумевает разнообразие средств реализации.

Л.Н. Синельникова приводит следующие признаки интолерантности в политических дебатах: «передёргивание» смыслов, неадекватная личная интерпретация, потеря самоконтроля, отход от конкретности в сторону бездоказательной оценки, акцент на внутриличностном конфликте, вызывающем нездоровый интерес, но отнюдь не способствующем социальному прогрессу, насилие над слушателями, принуждение принять именно эту точку зрения,

игнорирование полемичности как множественности аргументированных позиций, решений, предложений [Синельникова, 2010, с. 59]. Представляется возможным экстраполировать данные признаки на политический дискурс в целом.

Интолерантность выступает закономерным выражением агональности политического дискурса; все многообразие явлений, обозначаемых данным термином, может быть сведено к реализации бинарной оппозиции «свой – чужой». Установлено, что оппозиция «свой – чужой» имеет универсальный характер и является неотъемлемой составляющей онтологических представлений о бинарной структуре мира. В частности, для этнической картины мира категория «свой – чужой» является ядерной [Иссерс, Рахимбергенова, 2007, с. 91].

Существует принципиальное различие между категориями «чужой» и «другой» как оппозиции «своему». Если толерантность строится как приятие «другого», признание равенства прав «своего» и «другого», то ключ к пониманию интолерантности лежит в признании «чуждости» «другого». По замечанию Л.В. Баевой, «важнейшей причиной экстремистского, интолерантного, агрессивного отношения выступает именно психологический барьер «свой — чужой», страх перед непохожим на себя. Формирование установки на агрессию по отношению к Другому происходит в том случае, если человек привык некритично относиться к своим взглядам и поступкам и считает себя несравнимо выше других» [Баева URL: http://www.aspu.ru/images/File/ilil/Bayeva_extremizm.pdf]. Таким образом, наличие в сознании автора и продуцируемом им тексте границ между «своим» и «не своим» само по себе не означает интолерантности – интолерантное отношение начинается там, где «другой» становится «чужим». Как отмечает В. Каган, утрата баланса между своим и чужим и выход в пространство самодовлеющего страха перед чужим и есть ксенофобия в том негативном смысле, в котором это слово обычно используется. Защитой от него становится

ксенофобическая агрессия на разных уровнях [Каган URL: <http://www.lebed.com/art2121.html>].

Связь интолерантности с бинарной оппозицией «свой – чужой» определяет воздействующий потенциал интолерантного политического текста: по мнению О.С. Иссерс, продуктивность категории «свой – чужой» объясняется ее гибкостью, удобством и простотой в плане манипуляции сознанием [Иссерс, 1999, с. 45 – 46]. И. Милевич связывает воздействующую силу данной категориальной пары с бинарным архетипом «добро – зло»: «Оппозиция «свой – чужой» – один из важнейших культурных концептов, во многом формирующий картину мира различных народов, поскольку вместе с другими бинарными противопоставлениями (верх - низ, правое - левое, далеко - близко) в конечном счете реализуют архетипическую оппозицию – «доброе – злое» (благоприятное - неблагоприятное)» [Милевич, 2003, с. 110 – 112].

Воздействующая сила интолерантности, в том числе в контексте манипуляции сознанием, закономерно приводит к ее доминированию над толерантностью в агональном политическом дискурсе, где борьба за власть принципиально несовместима с установками на сотрудничество и компромисс. Однако вопрос об актуальности толерантности для политического дискурса далек от однозначного решения. Рассматривая толерантность как сложное, неопределенное и противоречивое понятие, исследователи обнаруживают его манипулятивный потенциал [Романова, 2015]. По мнению Л.Н. Синельниковой, толерантность в манипулятивном аспекте «оказывается способом поиска союзников через выявление и осуждение тех, кто не может или не хочет быть таковым» [Синельникова, 2010, с. 58]. Е.И. Шейгал подчеркивает манипулятивную природу эвфемизации в политическом тексте: «эвфемизацию можно рассматривать как прием устранения неприятного факта путем изменения способа его констатировать» [Шейгал, 2000, с. 243]. Таким образом, в отличие от подлинной толерантности, выступающей в качестве стратегии поиска

компромисса и предупреждения конфликтов, толерантность в агональном политическом дискурсе может рассматриваться как манипулятивная тактика, реализующая ключевые стратегии дискурса.

Подобно толерантности, интолерантность подразумевает активное отношение к объекту (следовательно, можно говорить о некоторой «пассивной», нейтральной зоне, где не реализуется ни одна из этих стратегий). Е.Ю. Кольцова и Е.Е. Таратута, обобщая научный опыт осмысления толерантности, выделяют следующие компоненты реализации интолерантности в дискурсе:

1) Текст содержит признаки **поляризованного иерархического деления** на две или более групп. Это значит, что все люди делятся на «хороших» и «плохих», «нормальных» и «патологичных». Чаще всего «хорошие» обозначаются как «наши», а «плохие» как «не наши», «чужие». Эти группы непримиримо противопоставляются по каким-то признакам или без них. Признаки, если они есть, считаются постоянными и присущими всей группе в целом (сверхообобщение): напр., «все женщины — дуры»; «все русские — высокодуховны». Одна из групп (чаще всего «не наши») оказывается неизменно хуже, чем другая.

2) Текст может содержать **побудительные конструкции**, призывающие к определенным действиям в отношении тех, кто признан неисправимо «плохими» [Кольцова, Таратута, 2003].

В обобщенном и трансформированном виде данная точка зрения находит отражение в модели семиотического пространства политического дискурса, разработанной Е.И. Шейгал: «в семиотическом пространстве политического дискурса будем разграничивать три типа знаков: знаки ориентации, интеграции и агональности. Эта функциональная триада проецируется на базовую семиотическую оппозицию политического дискурса «свои - чужие»: ориентация есть не что иное, как идентификация агентов политики (кто есть кто? где свои и

где чужие?), интеграция - сплочение «своих», агональность - борьба против «чужих» и за «своих» [Шейгал, 2000, с.149].

С опорой на данную модель можно говорить о поэтапном создании интолерантного дискурса с использованием знаков ориентации, интеграции и агональности. Нужно заметить, что первый и второй этапы сами по себе не реализуют интолерантность: ориентация и интеграция могут присутствовать в нейтральном и даже толерантном тексте (при условии, что в качестве оппозиции «своему» выбирается «другой», а не «чужой»). Необходимым условием интолерантности текста или дискурса выступает агональность как совокупность негативных действий против «чужого», в том числе речевых.

Ориентация, интеграция и агональность как последовательное выстраивание оппозиции «свой – чужой» будут рассмотрены нами в связи с ключевыми стратегиями блогов политиков – стратегиями самопрезентации и дискредитации. Анализ функционирования прецедентных феноменов будет произведен в аспекте интолерантности и толерантности с учетом специфики политического дискурса.

Итак, в связи с невозможностью использования термина «политическая корректность» для охвата всего многообразия языковых воплощений принципов толерантности, в данном исследовании представляется целесообразным отказаться от использования термина «политкорректность» в пользу более емкого термина «толерантность», понимаемого как единство соответствующих принципов и средств их выражения – как языковых, так и дискурсивных.

Можно выделить два уровня толерантности в политическом дискурсе – соблюдение принципов толерантности в коммуникации, с одной стороны, и их пропаганда, с другой; при этом уровни независимы друга от друга. В политическом дискурсе толерантность также реализует манипулятивный потенциал.

Толерантность и интолерантность могут рассматриваться в аспекте бинарных архетипических оппозиций «свой – другой» и «свой – чужой» соответственно. Можно говорить о поэтапном создании интолерантного дискурса с использованием знаков ориентации, интеграции и агональности. Необходимым условием интолерантности текста или дискурса выступает агональность как совокупность негативных действий против «чужого», в том числе речевых.

3.2. Прецедентные феномены в стратегии самопрезентации

В рамках стратегии самопрезентации реализуются такие этапы построения интолерантного дискурса, как ориентация и интеграция, значимые для моделирования оппозиции «свой – чужой». В рассмотрении данной стратегии нами будут проанализированы способы создания компонентов имиджа политика, в том числе знаки ориентации и интеграции, и место прецедентных феноменов среди них.

Стратегия самопрезентации представляет собой создание имиджа, под которым подразумевается «обобщенный портрет личности, создающийся в представлении общественности на основании заявлений и практических дел личности» [Романова, 2009, с. 110]. Данная стратегия понимается нами как основополагающая макростратегия дискурса блогов политиков, подчиняющая себе другие стратегии.

Ключевую роль стратегии самопрезентации в агональном политическом дискурсе подчеркивает О.В. Атьман, характеризуя создание имиджа как универсальную стратегию, используемую всеми политиками без исключения [Атьман, 2011]. Значимость стратегии самопрезентации в блогах политиков определяется важностью коммуникативных функций, среди которых Т.В. Романова выделяет следующие: облегчить аудитории восприятие информации о политике; обеспечить режим наибольшего благоприятствования восприятию личности политика, проецируя на аудиторию те его характеристики, которые являются наиболее предпочтительными в конкретной электоральной среде; подготовить почву для формирования установки на избрание именно этого кандидата.

Имидж политика имеет сложную структуру, в которой Т.В. Романова выделяет коммуникативную роль и автоимидж, включающий, в свою очередь, такие компоненты, как «собственно я», «я со стороны» и «я идеальное». Н.Б.

Руженцева использует понятие образа (лика) автора, конструируемого через доминирующие речевые действия [Руженцева, 2015].

При анализе средств самопрезентации были выявлены как обязательные средства, задействованные всеми политиками, так и факультативные способы создания имиджа, востребованность которых строго индивидуальна, при этом прецедентные феномены эксплуатируются авторами электронных дневников в абсолютном большинстве случаев.

Анализ доминирующих речевых действий позволил определить группу ключевых образов (ликов) автора для каждого политика. Так, **Владимир Жириновский** реализует себя в следующих образах.

- Разъясняющий автор: *Это хитрая уловка всех правителей Украины — ласковый теленок двух маток сосет. Из Европы высосать все, что можно, из Америки, из России, и свою линию продолжать. А из-за этого страдают люди (о Викторе Януковиче). С помощью прецедентного высказывания — пословицы, перерастающей в развернутую зооморфную метафору, автор раскрывает истинные мотивы поведения Виктора Януковича.*

- Разоблачающий автор: *Нас с вами стравливают, им нужна война на территории Украины, чтобы увеличить бюджет НАТО. Без войны не выйти из кризиса. Нас возвращают в 17-ый год, в Гражданскую войну.* Владимир Жириновский использует прецедентную ситуацию Гражданской войны с отрицательной оценкой для наглядного представления тайных планов, носитель которых не назван в качестве субъекта (все предложения односоставные глагольные), но присутствует косвенно в придаточном цели.

- Автор, предлагающий решение проблемы или реформирование: *Предлагаю ввести ограничение на законодательном уровне - не более двух Олимпиад; Любая власть, государство зиждется на двух китах — или винтовка, или деньги. Нам же сегодня не надо заключать соглашений и оказывать материальную*

помощь другим государствам. Если же они сами обратятся - принять в состав России на уровне губернии или федерального округа. Во втором примере авторский афоризм с потенциалом прецедентности, содержащий клишированное прецедентное высказывание (*зиждется на двух китах*), используется в качестве обоснования пути решения проблемы, обозначенного автором.

- Автор, предлагающий альтернативный сценарий в прошлом: *За все эти годы деньги оставались бы у нас, мы не держали бы на своем горбу Украину, Кубу, Прибалтику, Конго, Никарагуа, Китай, Вьетнам – триллионы долларов потеряли, вся страна была бы как новый Сочи*. Альтернативный сценарий, как правило, служит для отрицательной оценки последствий реальных действий власти в прошлом. В данном примере негативная оценочность проявляется в утверждении негативных последствий (*триллионы долларов потеряли*) и их контрасте с последствиями альтернативного развития событий (*вся страна была бы как новый Сочи*), а также в использовании пейоративного разговорного фразеологизма (*держат на своем горбу*).

По речевым действиям для Владимира Жириновского также характерны следующие образы: прогнозирующий автор (*С нами американцы не будут никогда воевать. Они будут нас подначивать, укалывать через наши национальные окраины*); обличающий автор (*Экспертный совет — вся эта мафия около фигурного катания*); обещающий автор (*Если Плющенко в Сочи проиграет, мы сделаем все, чтобы разогнать эту федерацию*); назидательный автор (*в каждой школе нужен штатный воспитатель-психолог, поработавший в детских колониях, психиатрических больницах*).

Для **Владимира Немцова** характерен следующий набор образов.

- Прогнозирующий автор. Как правило, в своих прогнозах Борис Немцов рисует негативную перспективу для российской власти. *В Кремле могут радоваться импотенции Киева, но Донецком и Луганском Путин подавится. Убыточные шахты, масса социальных проблем восточных регионов, кризис в*

металлургии и миллионы новых пенсионеров раздавит **путиномику** быстрее, чем многие думают. Экспрессивность данного отрывка обусловлена антропоморфной метафорой с концептуальным вектором отклонения от естественного порядка вещей (импотенция, подавится), а также новообразованием от прецедентного имени Путин, которому свойственна устойчивая отрицательная оценка в дискурсе автора. Метафора и прецедентный феномен обуславливают закономерность негативных последствий, прогнозируемых автором. *План Кремля приходится корректировать еще из-за грандиозного международного резонанса. И дело не в санкциях только. Пахнет Гаагой.* В планы Путина повторить судьбу Милошевича явно не входит. Милошевич тоже туда ехать не хотел.. Но пришлось. В данном примере Борис Немцов использует прецедентную ситуацию Гаагского трибунала для метафоризации неизбежных, по мнению автора, последствий, угрожающих В.В. Путину.

- Обещающий автор. Типичным содержанием обещаний Бориса Немцова является борьба: *Поэтому я буду решительно бороться с раскольниками, чтобы партию сохранить; Мартынюк - несомненно политзаключенный и еще одна жертва политических репрессий, развязанных режимом. Будем всю эту "судебную" мерзость обжаловать. Дойдем до Страсбурга. Там я уже у Путина выигрывал. И Мартынюк выиграет. Свободу политзаключенным!* В последнем примере твердость намерений автора бороться за справедливость подкрепляется прецедентным высказыванием – лозунгом.

- Констатирующий автор: *Пушки вместо масла-это его выбор. И нечего писать ему письма. Глупость полная. А вот участвовать в акциях протеста надо. Они только такой язык понимают.* В данном примере автор с помощью прецедентного лозунга констатирует настроенность В.В. Путина на войну, его непреклонность в своем выборе, служащую, в свою очередь, обоснованием соответствующих способов общения с ним населения.

Владимиру Немцову также свойственны следующие образы: разоблачающий автор (*Кто же сбил самолет МН-17? Этот пост специально для сторонников Путина, которые верят ему, его СМИ и его сторонникам*); изобличающий автор (*иначе он уже удержать власть, видимо, не может. Вурдалаку нужна война. Ему нужна народная кровь*); разъясняющий автор (**ВЫГОДНА ЛИ РОССИИ ПОБЕДА СЕПАРАТИСТОВ НА ВОСТОКЕ УКРАИНЫ?** *Для одурманенного имперского мозга ответ ясен. Конечно, да. Так что пишу для остальных*). Для разъяснения читателям сути происходящего на Украине автор использует характерную для данного речевого действия вопросно-ответную форму изложения, отвергая нежелательную интерпретацию с помощью неподтвержденных посылок.

В результате анализа электронного дневника **Сергея Миронова** были выявлены следующие доминирующие речевые действия автора.

- Разъясняющий автор: *Когда-то строка «против всех» «Единой России» сильно мешала, потому что в отсутствии административно подавляемой политической конкуренции кандидат «против всех» приобретал все больший вес. Но теперь, когда протестные настроения стали выражаться в голосовании на неприемлемых для «партии власти» кандидатов, единороссы развернулись на 180 градусов. **Из крайности в крайность** люди **бросаются** тогда, когда **теряют почву под ногами**. Видимо, это с единороссами сейчас и происходит..* Автор разъясняет читателям причины заинтересованности «Единой России» в возвращении строки «против всех» в бюллетени с использованием логической аргументации, дополненной визуализацией с помощью пространственной метафоры (*развернулись на 180 градусов*), на которой основаны и последующие прецедентные высказывания (*бросаться из крайности в крайность и терять почву под ногами*), выступающие в контаминации. Метафора и прецедентные феномены, таким образом, поддерживают основную аргументацию, облегчая ее восприятие читателем.

- Прогнозирующий автор: *Надо быть очень наивными, чтобы, говоря о выполнении Женевских соглашений, забывать о печальной судьбе другого столь же важного документа – соглашений от 21 февраля. Все прекрасно помнят, как они были подло и вероломно попораны. Спрашивается, где гарантии, что точно с таким же вероломством не будет растоптано и все, о чем договаривались в Женеве? Мудрый афоризм Козьмы Пруtkова «Единожды солгавши, кто ж тебе поверит?» в данной ситуации очень даже к месту, тем более что нынешние украинские правители успели солгать не единожды, а много-много раз.* В данном отрывке автор предстает политиком с трезвым взглядом, лишенным иллюзий. Как и в предыдущем примере, прецедентное высказывание в персуазивной функции поддерживает основной, иллюстративный аргумент в обосновании негативной перспективы, обозначенной автором для Женевских соглашений.

- Автор, предлагающий реформы: *Вот почему я лично поддерживаю требования ученых, подписавших письмо Председателю Правительства РФ об отмене «срока давности» в отношении липовых диссертаций. Вести **страусиную** политику, пытаться прикрывать и покрывать тех, кто замешан в диссертационных скандалах, – это последнее дело. Куда разумнее было бы наоборот – инициировать создание прозрачных и объективных механизмов <...> Без этого по-настоящему оздоровить ситуацию в данной сфере вряд ли получится.* Реформирование обозначено Сергеем Мироновым с помощью частотной для дискурса автора морбиальной метафоры. Объект реформирования также дан метафорически: прагматический смысл метафоры **страусиная политика** раскрывается через ассоциативную связь с прецедентным высказыванием **прятать голову в песок**, метафора становится многоуровневой.

Сергей Миронов выступает и в качестве разоблачающего автора: *Если называть вещи своими именами, это была вооруженная атака на гражданское судно, в ходе которой пострадали капитан и ряд других членов экипажа.*

Анализ блога Эдуарда Лимонова позволил выделить широкий спектр доминирующих образов автора.

- Прогнозирующий автор. Как позитивная, так и негативная перспектива обосновывается автором с использованием прецедентных феноменов: *Я склонен считать, что **нет добра без худа**, и всё обернётся для России удачей; А пока Киев не будет так потрёпан и истощён, как **грелка, которой упорно и долго играл Тузик**. Только дойдя до состояния **грелки Тузика**, Киев пересилит свою гордыню и отведёт свои войска из колоний, которые принадлежали ему только во времена советской власти.* Зачастую речевое действие прогнозирование оказывается обозначенным эксплицитно в составе формулы, претендующей на статус социумно-прецедентной для автора блога и его читателей: *Это было предсказание от 26 января 2014 года. Я - Эдуард Лимонов.* Пугающий, зловещий образ будущего изображается автором с помощью ярких креативных метафор, часто развернутых: *Из всего из этого родится большой кровавый бордель, расхлёбывать который придётся множеством жизней украинских и русских парней. Более того, я уверен, что борделя не избежать, Украина вцепится России в рукав своими окровавленными руками и втащит нас.*

- Разоблачающий автор. Постпозитивными маркерами данного речевого действия зачастую выступают прецедентные высказывания, активизирующие соответствующий фрейм: *Увы, это так, если **смотреть на мир не сквозь розовые глупые очки; Вот где собака-то зарыта**.* Прецедентные феномены могут и предварять разоблачающую информацию: *Широкая публика (ну, общественность!) на самом деле не знает как похабно проводилась залоговая приватизация. (Ваучерную многие испытали на себе, но ваучерная, - **это были ещё цветочки**, мощной было залоговая приватизация).* Прецедентное высказывание в усеченной форме используется для стимуляции интереса читателя к последующему тексту.

- Наставляющий автор: *Вообще кто сказал "а", должен сказать и "б", это мудрость наших предков, с виду нехитрая, но глубокая. Главе государства нужно теперь быть мужественным, иначе его не станут принимать всерьёз; **Надо ковать железо, Владимир Владимирович, пока оно горячо.** Мой совет. Возьмём и эти регионы в состав России!* Как видно из примеров, прецедентные высказывания фольклорного происхождения используются автором в персуазивной функции для обоснования советов.

Эдуард Лимонов также эксплуатирует следующие образы: разъясняющий автор (*Поймите, там от майдана, расползается опасность для русских в Украине и русских в России*); автор, анализирующий ошибки других политиков (*Зачем было ехать в Хабаровск, ВВП, где тяжёлое время уже миновало? Ошибка. Нужно было высадиться в Волгограде*); вразумляющий автор (*Но мир устроен более сложно, глупые дети, вот в чём всё дело! И ваши критерии не выдерживают сложности мира*).

Итак, анализ доминирующих речевых действий выявил три образа (лика), характерные для всех политиков: каждый из них выступает как разъясняющий, разоблачающий и прогнозирующий автор. Индивидуальные различия могут объясняться экстралингвистическими факторами. В частности, предложения реформ свойственны Владимиру Жириновскому и Сергею Миронову – профессиональным законодателям, депутатам Государственной Думы. В блоге Бориса Немцова, настроенного более оппозиционно, заметное место занимает изобличение пороков российской власти. Устойчивая дискурсивная роль проповедника обуславливает наличие назидания и вразумления в электронном дневнике Эдуарда Лимонова. Будучи задействованными в ключевых речевых действиях в качестве самодостаточных единиц или в корреляции с метафорой, прецедентные феномены облегчают восприятие читателем сути происходящего, используются автором в качестве самостоятельного обоснования или поддержки

основной аргументации, моделируют перспективу развития событий, как правило, негативную.

Компоненты имиджа политика могут быть представлены им через эксплицитные автохарактеристики, проиллюстрированы примерами из жизни, сконструированы через отсылки к референтной и антиреферентной группе, «я со стороны» и «я идеальное».

Единственным универсальным способом, задействованным во всех проанализированных блогах, является использование примеров из жизни для иллюстрации ролей – компонентов имиджа. Биографический материал, представленный в электронном дневнике **Владимира Жириновского**, позволяет вычленить следующие роли политика.

Скромный и неподкупный политик: *Вот я запрещаю делать мне любые подарки. Сейчас, слава Богу, все уже это поняли. Все подарки у меня в музее в Центральном аппарате представлены, мне они не нужны.*

Человек, умудренный опытом: *Я пешком прошел всю Западную Украину.*

Человек дела: *Готов проводить в школах открытые уроки <...> В одной школе я провел беседу. Лекцию никто не показывает, ученики ее впервые слышали, я готов прочесть подобную лекцию в любой школе Москвы.*

Примеры из жизни **Бориса Немцова** иллюстрируют следующие компоненты имиджа.

Принципиальный и непримиримый борец за свои убеждения: *Впервые Эхо отказалось поставить мой текст на свой сайт. Редакция сайта предложила убрать слова " братоубийственная война", неадекватный чекист" и " вурдалак жаждет народной крови". Я посчитал, что подобные правки сильно искажают мою позицию. Так что пишем теперь в ФБ.*

Жертва гонений: *Пока я под арестом, Совет Ярославской Думы (!!!!)поддержал решение Совета федерации о вводе войск на территорию Украины.*

Опытный реформатор: *Золотой уголь России не нужен. Скажите спасибо нам реформаторам. После болезненных реформ угольная отрасль страны стала преуспевающей, а зарплаты на российских шахтах и разрезах в 5, а кое-где и в 10 раз выше, чем в Донбассе.*

Борец за справедливость: *Обращение с требованием отправить в отставку Сенина я уже отослал губернатору Ястребову.*

Борец с коррупцией: *Прекрасная новость из Ярославля. Сенин написал заявление об отставке. Поздравляю всех кто боролся с коррумпированной системой в здравоохранении! Когда-нибудь я расскажу чего мне стоило добиться этого решения.*

В блоге **Сергея Миронова** иллюстративно даны следующие компоненты имиджа.

Компетентный политик: *Я в свое время тщательно изучил вопрос появления ЕГЭ в России, много общался со специалистами, и меня прихорашиванием и приукрашиванием единого госэкзамена не обманешь.*

Благотворитель: *Я очень рад, что мне удалось помочь этой талантливой и замечательной девушке. Я в свое время подарил Наташе Брайлевский дисплей для компьютера, и на недавней встрече в Москве она рассказала мне, каким активным пользователем она стала и сколько радости ей это приносит.*

Труженик на благо народа: *Отпуск для депутата – понятие условное <...> Было время спокойно поработать над новыми законодательными предложениями.*

Эдуард Лимонов иллюстрирует примерами из жизни следующие роли.

Опытный оппозиционер, участник митингов: *Мне, к примеру, 31 октября 2010-го сломали палец. Я не стал жаловаться, поскольку сломали не намеренно,*

но в общей свалке, и к тому же я твёрдо выучил, что если ты жалуешься на полицейских, то они пожалуются на тебя и суд решит дело в их пользу.

Сильная личность, закаленная обширным жизненным опытом: В 2001 - 2002 я сидел в Лефортово во время следствия, и написал там шесть книг, потому знаю эту тюрьму очень хорошо. Если бы были рейтинги у тюрем, как у отелей, то Лефортово получила бы статус тюрьмы пятизвёздочной, это лучшая тюрьма в России. Если уж и сидеть где, так это в Лефортово.

Писатель. Следуя поверью, что как год начнёшь, то таким он и будет, сию пишу с утра. Пять страниц уже сделал.

Интеллектуал: Живя в Париже я его много читал по-французски

Принципиальный человек, верный своим убеждениям: И честное слово я бы и в пропаганде участвовал, за правое дело -то не грех, я только не смог привыкнуть что слева от меня - депутат, который вчера "переобулся" в патриота, справа - бывший либерал, а напротив - продажная шкура, просто приспособленец и карьерист. И чтоб меня считали одним из этой компании ? Мой отец был честным советским офицером. Моя мать была во всех отношениях достойной женщиной. Нельзя позорить семью.

Как видно из примеров, в блогах политиков иллюстративно представлены самые разнообразные компоненты имиджа. Невостребованность прецедентных феноменов в данном типе самопрезентации обусловлена его сугубой фактографичностью.

Автохарактеристика, утверждающая наличие у автора черты характера либо компонента опыта, задействуется Сергеем Мироновым и Эдуардом Лимоновым и частично дублирует роли, введенные иллюстративно.

Сергей Миронов, говорящий от лица партии, признается в наличии у себя и всех ее членов скромности, о приоритете интересов народа: *Мы работаем ради людей, ради развития нашей страны. Нам важен результат, а формальное авторство законов – вещь хотя и важная, но все же второстепенная.*

Эдуард Лимонов утверждает наличие у себя следующих качеств.

Патриот: *Мой компас - Россия, пусть он будет и вашим! Лично моя магнитная стрелка безошибочно указывает мне верный путь всегда на север, и этот "север" - Россия. Полезно для России или вредно для России. - вот критерий.* Как и в предыдущем случае, Эдуард Лимонов использует метафорическое указание на свои приоритеты, употребляя развернутую метафору компаса. В дискурсе автора приоритет интересов государства над личными конфликтами с представителями власти выражается и с помощью лозунга: ***Россия – все, остальное – ничто!***

Авторитетный писатель. *В то время как современники по большей части пишут статьи (в которых неуверенно выступают "с одной стороны", "с другой стороны"), такие как я, убедительно действуют тяжелым оружием - книгами. А что статья по сравнению с книгой, она как пистолетик по отношению к гаубице. <...> И что написано моим пером не вырубишь топором.* С помощью метафорической антитезы с агрессивным концептуальным вектором и прецедентного высказывания, прагматический смысл которого «присвоен» автором за счет расширения притяжательным местоимением, автор утверждает значимость своего творчества, его актуальность в будущем.

Опытный оппозиционер:

Таковы мои будни

Что зимой, что летом одним цветом, - коридоров судов.

Вообще-то я в судах, как рыба в воде.

Да и в тюрьме я был как рыба в воде.

Автор подчеркивает, что привык к судам и тюремному заключению, они – составная часть его жизни. Соответствующее отношение маркировано не только с помощью прецедентного высказывания и лексемы будни, но и с помощью прецедентного текста загадки, приносящего оттенок иронии и снимающего ложный пафос.

Проницательный человек:

*За большие деньги пойду работать **Шерлок Холмсом***

Ну как вам, новость? Спасатели самолёта AirAsia сообщили сегодня что самолёт мог взорваться в воздухе. Но проницательный Эдуард Вениаминович (я) повторяет вам уже столько времени, что повидимому все три малайзийских самолёта или по крайней мере два, были взорваны.

Помимо эксплицитного обозначения проницательности, автор использует прецедентное имя, примеряя на себя роль детектива.

Предсказатель, носитель эзотерического знания. Прогнозирующий автор приобретает в дискурсе Эдуарда Лимонова черты автора-пророка. Соответствующая роль маркируется как эксплицитно (*Мне вообще-то надо верить, когда я говорю про будущее. У меня есть скромный дар его чуют...; Но вообще, у меня злой и верный глаз пророка*), так и с помощью прецедентного имени (*Зацените мой талант **Нострадамуса**; Вот еще вам доказательство крупицы **Нострадамуса** во мне*).

Сторонник агрессивной внешней политики. *Если меня судить по моим внешнеполитическим взглядам, то я что-называется ястреб. <...> ВВП в сравнении со мной - чуть ли не голубь, ну вы знаете эту общепринятую политическую терминологию* Политические взгляды автора представлены через устойчивую метафору в комбинации с антитезой с В.В. Путиным.

Как видно из примеров, Эдуард Лимонов более активно, чем другие авторы блогов, задействует прецедентные феномены с целью построения компонентов имиджа.

Интересно, что правдоподобие политического имиджа Сергея Миронова и Эдуарда Лимонова достигается не только разнообразием ролей, но и таким важным компонентом, как близость к адресату. Данное качество предполагает наличие компонентов личностно-ориентированного дискурса, актуализирующих «человеческие» черты автора. Близость к адресату достигается, во-первых, за счет

поздравлений с праздниками: в блоге Сергея Миронова праздник оказывается окрашен личными переживаниями (*Сегодня один из моих самых любимых праздников, праздник моей армейской юности – День ВДВ*). В электронном дневнике Эдуарда Лимонова маркером лично-ориентированного дискурса выступает неофициальный праздник: *Это была предвечерняя проповедь понедельника 13 января, старый Новый год сегодня. Я - Эдуард Лимонов. Во-вторых, близость к адресату достигается через упоминание обыденных, часто бытовых деталей, близких каждому читателю. Подобное упоминание является скорее исключением для блога Сергея Миронова, что подтверждается явным намерением обмануть читательские ожидания: Не буду оспаривать расчеты статистиков, но по своим личным впечатлениям (а я регулярно бываю в магазинах) и по информации из различных регионов страны ситуация с ценами в конце года сложилась гораздо более драматичная. В блоге Эдуарда Лимонова упоминания личных, бытовых деталей представлены в избытке, близость к читателю достигается путем активизации в его сознании знакомых сценариев: бессонницы (Ночью я встал в четвёртом часу и лунариком прочёл в Википедии три биографии), приготовлений к важному событию (Стоит крепкий мороз. Вот приготовил тёплую одежду, чтобы отправиться завтра на Триумфальную площадь. Вытащил отцовскую чёрную шапку с кожаным верхом, вспомнил отца), прогулок с возлюбленной (А этой ночью, то есть через сутки - стрельба в Харькове на улице Рымарской (я там с девушками гулял, Господи !) и тоже двое убитых в столкновении с оккупантами из Правого сектора).*

Указание на референтную и антиреферентную как ценностно близкую и чуждую группы в той или иной мере задействовано каждым политиком. Примечательны случаи использования прецедентных феноменов в данных способах создания имиджа. Так, Сергей Миронов использует прецедентные высказывания фольклорного происхождения для обозначения антиреферентной группы: *Это равнодушие – лучшее средство для того, чтобы ставить в*

головах некоторых *«иванов, не помнящих родства»* все на свои места и пробуждать в них чувство моральной ответственности; А в итоге мы дошли до жизни такой, что фраза из анекдота – *«Я матом не ругаюсь, я матом разговариваю»* – кое для кого превратилась из юморной гиперболы в обыденную реальность. В данном случае моделирование имиджа происходит по принципу контраста: сам автор предстает как воспитанный человек, бережно относящийся к исторической памяти.

Интересный пример выстраивания референтной группы находим в блоге Бориса Немцова.

ВО ВСЕМ ВИНОВАТ СОЛЖЕНИЦЫН?

Я ждал этого!

Ждать пришлось недолго.

Верный путинец-едрос депутат Федоров обвинил в трагедии в метро американскую компанию Mckinsey.

Она неправильно советовала руководству метрополитена и поэтому погибло столько людей.

Версия насквозь параноидальна и лжива. <...>

Один из руководителей этой компании Ермолай Солженицын-старший - сын великого писателя - вряд ли подходит на роль злобного дяди Сэма, который решил уничтожить московское метро. Он сам живет в Москве и им пользуется. Ермолай - мой товарищ.

В заголовке фамилия писателя представлена не в образном употреблении, однако именно узнаваемость данного имени, наряду с вопросительной формой, обеспечивает функцию привлечения внимания. В качестве ценностного ориентира референтной группы данное имя выступает в тексте записи блога, где близость автора к данной группе выстраивается посредством звена *Ермолай – мой товарищ*. Эксплуатация критерия общеизвестности в сильной позиции текста, а также использование имени *Солженицын* в характерной для прецедентных

феноменов референтной функции позволяют говорить о присвоении данному имени статуса прецедентного в контексте записи блога.

Референтная группа Сергея Миронова формируется за счет идеологически окрашенного прецедентного высказывания: *Помнится, раньше Первомайские праздники не обходились без лозунга «Мир – Труд – Май». Прошло время, он стал «не модным», потом его стали употреблять даже иронически, потом забыли. А лозунг, если подумать, очень хорош. И близок нам, социал-демократам СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ.* За ложным развенчанием следует «присваивание» лозунга партией «Справедливая Россия». Референтная группа оказывается открытой всем читателям, для которых данное прецедентное высказывание связано с жизненным опытом.

Воздействующий потенциал таких компонентов автоимиджа автора, как «я со стороны» и «я идеальное», оказывается востребованным лишь Эдуардом Лимоновым. «Я со стороны» объективизирует имидж автора, делает его укорененным в реальности. В создании данного компонента автоимиджа Эдуард Лимонов активно задействует прецедентные феномены: *Вчера выход книги поприветствовал Лев Данилкин в "Афише", немногими словами, но заметно, сравнил меня с Лениным, что ударяет в голову, конечно. Спасибо, Лев!* В данном примере «я со стороны» представлено через сопоставление с В.И. Лениным. Несмотря на отсутствие эксплицитного указания на набор дифференциальных признаков прецедентного имени, распространяемых на политика, читательская интерпретация направлена в нужное русло с помощью положительной оценки данного сравнения самим Эдуардом Лимоновым (*ударяет в голову*). В другой записи представлено противоположное отношение политика к мнению других: *Пишу роман. И сам над собой издеваюсь : "Ты же поносил и поносишь жанр романа последними словами, а вот пишешь ! Непоследовательно, непоследовательно... введливые читатели заметят эту белую нитку на твоём*

поэтическом фраке и назовут сумасшедшим злобным стариком, как они любят. Кроме моего возраста им же нечего мне предъявить." (Был такой француз - писатель **Вольтер**, его тоже называли сумасшедшим злобным стариком...) Автор и Вольтера объединяет восприятие со стороны, однако данное восприятие имплицитно развенчивается Эдуардом Лимоновым за счет актуализации таких дифференциальных признаков прецедентного имени, как писательский талант и гениальность. Отталкиваясь от «я со стороны», Эдуард Лимонов проецирует на свой имидж выгодные характеристики Вольтера, используя для подтверждения своего писательского мастерства яркую креативную метафору (*замечают эту белую нитку на твоём поэтическом фраке*).

«Я идеальное» наиболее ярко представлено в записи «Народный герой Мохнаткин».

Мы все эти годы ждали прихода народа на Триумфальную.

А он пришёл уже.

Народ зовут Сергей Мохнаткин.

Неуживчивый, заросший бородой мужичок с двумя высшими образованиями, но разносчик пиццы.

Одинокий, упрямый, живущий по своей несгибаемой морали и логике, он лучше нас с вами.

Он ни в чём и никому не делает уступок. <...>

Это наш с вами народ в его лучшем и символическом виде. <...>

Главное в нём, что он безкомпромиссно несгибаемый, несгибаемый себе во вред. В тюрьмах администрация называет таких как Мохнаткин - " дерзкими". Его мэсидж простой - справедливость.

В данной записи автор рисует идеал не только для народа, но и для себя (*он лучше нас с вами*), эксплицитно обозначая качества, являющиеся для него особенно ценными: мораль, несгибаемость, бескомпромиссность. Наличие идеала

дает политику возможность стать ближе к читателям, объединиться с ними в стремлении стать лучше.

Итак, авторы блогов в разной степени задействуют разнообразные способы самопрезентации - автохарактеристики, элементы автобиографии, отсылки к референтной и антиреферентной группе, «я со стороны» и «я идеальное». Прецедентные феномены оказываются актуальными средствами моделирования компонентов имиджа через обозначение принимаемых и отвергаемых ролей в автохарактеристике и «я со стороны» и конструирование референтной и антиреферентной группы.

В контексте бинарной оппозиции «свой – чужой» в рамках стратегии самопрезентации происходят ориентация и интеграция: маркируя политических акторов как «своих» или «чужих», автор расставляет для читателя ориентиры на политической арене и закладывает основу для агональности – ключевого компонента интолерантного дискурса.

Зачастую в блогах политиков ориентация и интеграция неотделимы друг от друга и от агональности, однако существуют тексты, где доминирует та или иная составляющая, позволяющие выявить особенности ее моделирования автором.

Анализ материала не позволяет согласиться с выводом О.С. Иссерс и М.Х. Рахимбергеновой, сделанным на основе изучения этнической ксенофобии, о том, что враг («чужой») представляет собой нечто денотативно расплывчатое и абстрагированное [Иссерс, Рахимбергенова, 2007]. Можно говорить о том, что в блогах политиков основные усилия автора направлены именно на конкретизацию образа «чужого», определение его четких границ.

Рассмотрим пример записи из блога **Владимира Жириновского**.

*Законопроекты ЛДПР опять **под сукном**?*

Сегодня на пленарном заседании напомнил о целом ряде наиважнейших законодательных инициатив ЛДПР, которые.

У нас в портфеле Государственной Думы от ЛДПР лежит более ста законов. Поэтому я прошу при озвучивании плана указывать, какие законы вошли. Они лежат по несколько лет. 2014-й — год культуры. Вот закон о русском языке. Об этом говорит не только ЛДПР, уже и Президент говорит, и известные деятели. <...> Это же родной язык! Во всех странах мира прошло очищение родного языка от иностранных заимствований. Почему мы всегда на последнем месте?

Деофшоризация. Мы давно внесли закон, это звучало и в Послании Федеральному Собранию, а Госдума не рассматривает, значит, здесь есть лоббисты, чтобы наши деньги оставались там. Америка с этим борется, а мы еле-еле дышим в этом вопросе. Мы не говорим: резко вернуть и больше ни копейки за рубеж. Но создать льготный коридор, чтобы вернуть деньги сюда и создать условия. У нас деньги лучше работать будут.

В данном тексте в качестве «чужой» представлена группа бездеятельных членов Государственной Думы, создающих препятствия на пути законодательных инициатив ЛДПР (*нижняя палата парламента всё никак не может рассмотреть; Госдума не рассматривает*). Данные помехи являются намеренными (*здесь есть лоббисты, чтобы наши деньги оставались там*) и отрицательно оцениваются с помощью метафорического обозначения прецедентным высказыванием в заголовке (*Законопроекты ЛДПР опять **под сукном?***). Примечательно, что президент подчеркнуто исключается из «чужой группы»: к нему, как и к другим странам (*Во всех странах мира; Америка с этим борется*) автор апеллирует как к авторитету, включая В.В. Путина в свою референтную группу.

В последующих записях образ законодателей, создающих помехи полезным нововведениям и инициативам, конкретизируется и до представителей партии «Единая Россия»: *Дети видят, как можно стать знаменитым сразу, тем более несовершеннолетние - ответственность низкая. Я предлагал уголовную*

ответственность ввести с 12 лет. В мировой практике с 9 лет полностью отвечают за убийство. Не хочет «Единая Россия» снижать возраст; сидите в определенных точках управления и мешаете мою лекцию тиражировать по всей стране. Вам не нравится, что растет рейтинг Жириновского, ну давайте кого-то из ваших, «Единая Россия». В первом примере отсутствует причина отказа членов «Единой России» от реформирования законодательства, необходимость самих реформ оправдывается традиционной для Владимира Жириновского отсылкой к опыту других стран. Во втором случае препятствия, создаваемые «Единой Россией», объясняются обеспокоенностью членов партии собственным рейтингом и завистью к автору.

Примечательно, что авторитетность опыта других стран вступает в некоторое противоречие с отказом Владимира Жириновского перенимать этот опыт: *Когда ставят вопрос, чтобы мы, как в Европе, зарабатывали много и тратили много – это не годится. У нас **тульский мастер подковал английскую блоху**. Он не за деньги это делал, а доказать, что русские мастера лучше английских. Сержант **Калашников** изобрел **автомат** не потому, что хотел огромных денег, он их и не получил. Это позыв души - можно совершать какие-то дела, становиться героем или просто автором каких-то нововведений.* Автором создается оппозиция «Россия («мы») – Европа («они»)», при этом маркированным членом оппозиции оказывается Европа, жители которой предстают меркантильными. Для доказательства отсутствия у россиян данного признака автор использует культурно значимые примеры, представленные в прецедентных ситуациях с дифференциальными признаками инварианта восприятия 'народный умелец' и 'талантливый изобретатель' соответственно.

Основным «чужим» политическим актором для **Бориса Немцова** является В.В. Путин, выступающий постоянным объектом обвинений: президент обвиняется во лжи (*названная Путиным цифра является абсолютным враньем*), кумовстве (*Вообще, это стиль Путина — назначить своих друзей по Питеру и*

*КГБ на ключевые должности в государственных компаниях и дать им неслыханную зарплату), попустительстве (Путину, которые не собирается заниматься расследованием), нарушении закона (именно он несет полную ответственность за оккупацию и грубейшее нарушение международных обязательств России). Происходит своеобразное семантическое заражение имени президента от permanently сопутствующего ему негативного оценочного фона, в результате чего имя приобретает прецедентный потенциал и употребляется для проекции приобретенных им негативных характеристик на события, явления и других людей: Кроме того, структуры **друга Путина** Аркадия Ротенберга освоили на олимпийских объектах 229 миллиардов государственных рублей, о чем с радостью сообщают в своих годовых отчетах; Главная претензия у нас совсем не к нему [Путину], а к **его другу** Якунину, который отдал астрономический подряд приближенным компаниям без конкурса; Про коррупцию, откаты и распилы как-то забыли. Теперь этим занимается **племянник Путина**; Кадыров-верный **ученик Путина**. Тот тоже врал, что в Крыму нет российских военных; Южный поток стал золотой жилой для **дружка Пу** по фамилии Ротенберг. Ввод в дискурс словосочетаний, построенных по одной модели (*друг / племянник / ученик +Путина*), производится с целью подрыва доверия к людям, которым приписывается связь с президентом, денотативное употребление имени, таким образом, отходит на второй план. В последнем примере отрицательная оценочность дополняется экспрессивностью за счет употребления пейоративной лексики *дружок* и замены имени на унизительное прозвище.*

Прецедентный потенциал имени президента в дискурсе блога Бориса Немцова реализуется в разнообразии деривационных процессов, базой для которых оно является, при этом новообразование приобретает двойную степень отрицательной оценки за счет ингерентной отрицательной заряженности имени Путин и адгерентной негативной оценки, как правило, присутствующей в контексте: Показано, что **путинские** стройки в два с половиной раза дороже,

чем в среднем в мире; Причина их лжи понятна - открытое участие **путинско-кадыровских** боевиков в войне в Донецке неминуемо ведет к новой волне санкций. Некоторые **путиноиды** пытаются обосновать **путинское** безумие отменой арендной платы за Черноморский флот; **Путинизм** главной целью ставит обогащение приближённых к Кремлю и удержание власти; Дети Януковича стали миллиардерами за время его правления, а по уровню коррупции Украина обгоняет даже **путинскую** Россию В последнем примере отрицательная оценка новообразования задана в том числе через направляющую пресуппозицию, то есть самого факта помещения в подобное сравнение, и усилительную частицу даже.

Как было отмечено выше, основным объектом разоблачения для Бориса Немцова является коррупция, следовательно, частотной «чужой» группой выступают коррупционеры. Их образы предельно конкретны, как правило, названы имена. В частности, в записи **КОРРУПЦИЯ КАК СИСТЕМА. НА МАТЕРИАЛЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ** автор причисляет к коррупционерам губернатора Ярославской области Сергея Ястребова и его заместителя Александра Сенина.

Губернатор и Сенин под напором неопровержимых разоблачающих их деятельность фактов провели два брифинга. Брифинг Сенина длился пять минут, вопросы ему задавать запретили. Он успел поведать две вещи: что уходит в отпуск, и что подает на меня в суд. Губернатор встретился с журналистами, чтобы сообщить, что он отпускает Сенина в отпуск. Но самое главное, он заявил, что у него с Немцовым разное представление об этике. Абсолютно согласен с Сергеем Николаевичем. Я бы Сенина **выгнал поганой метлой** уже давно и не мешал следственным органам проверять его деятельность.

<...> Противостоять этой системе крайне сложно, но можно. Для этого необходимо, чтобы был хотя бы один оппозиционный депутат/гражданский

активист, хотя бы одно, а лучше несколько, независимых СМИ и хотя бы один комиссар Мегрэ)))

<...> А пока сенины и ястребовы по всей стране кроме Ярославля чувствуют себя вполне комфортно. Борьба с ними будет продолжена.

Заголовок текста, подражающий научному стилю, придает объективность точке зрения автора. Непримируемая позиция Бориса Немцова по отношению к коррупционерам выражена с помощью стилистически маркированного прецедентного высказывания (*Я бы Сенина выгнал поганой метлой*). Прецедентное имя *комиссар Мегрэ* актуализирует дифференциальные признаки «принципиальность и непреклонность, необходимые для борьбы с коррупцией», однако в тексте отсутствует референт – возможный носитель таких качеств, поэтому эффективная борьба с коррупцией, по замыслу автора, мыслится в ирреальном ключе. Использование имен участников коррупционного скандала в качестве нарицательных (со строчной буквы и во множественном числе) подчеркивает их образное, прецедентное употребление для символизации коррупционера и распространения описанной ситуации на контекст всей страны.

Своеобразный пример конструирования оппозиции «свой – чужой» находим в следующей записи блога Бориса Немцова.

ОБРАЩЕНИЕ К ТЕМ, КТО ПРОТИВ

Многие несогласные с Путиным чувствуют себя в России как August Landmesser. Он на снимке - единственный на нацистском митинге, отказавшийся зиговать. О непростой судьбе этого человека можно прочитать здесь. (August даже состоял в нацистской партии до 35 года, но потом ее покинул)

Быть в меньшинстве, быть против агрессивной, опьяненной толпы крайне дискомфортно и психологически очень тяжело. И опасно. По себе знаю.

Оскорбления, нападки, угроза ареста, потеря работы, гнусная компания в прессе-вот неполный перечень проблем, с которыми сталкивается каждый

независимый человек, вслух отстаивающий свою позицию в современной России. Не все это могут выдержать. Одни уезжают, другие замыкаются в себе-уходят во внутреннюю эмиграцию, третьи малодушно пытаются приспособиться к жестокой реальности. Я не осуждаю таких людей. Не у всех есть воля и яйца, чтобы все это вытерпеть.

Гораздо приятней чувствовать себя в общем тренде победителей, в безопасности, комфорте. <...>

Не скрою, мне понятней и ближе совсем другие люди. Смелые, бесстрашные пассионарии, готовые ценой свободы и потери благ и комфорта бороться за вашу и свою свободу. Они в меньшинстве, они гонимы, над ними издеваются и высмеивают. Но они СВОБОДНЫ и главное-они правы.

Именно убежденность в своей правоте делает пассионариев сильными и заставляет восхищаться ими даже врагов.

*Собственно, вся надежда России именно на бесстрашных свободных людей. Они и останутся в истории, а все **зигующие** в показном экстазе будут вскоре стыдиться этого и канут в небытие.*

Истоки оппозиции «свой» - «чужой» заложены автором в заголовке, впоследствии в тексте каждый член оппозиции наполняется содержанием: *несогласные с Путиным, каждый независимый человек, вслух отстаивающий свою позицию, смелые, бесстрашные пассионарии* – развернутые номинации, характеризующие «свой» круг. При этом «чужая» группа – Путин и его сторонники (**зигующие**) – представлена в тексте довольно конкретно с помощью глагола *зиговать* и соответствующего причастия, являющихся дериватами от прецедентного высказывания - нацистского лозунга **Sieg Heil** («Да здравствует победа!»). Ценности, приписываемые «чужой» группе, однозначно осуждаются с помощью проецирования на современную Россию элементов прецедентной ситуации нацистской Германии, в то время как за перечислением качеств, свойственных «своему» кругу, и констатацией наличия собственной позиции

отсутствует какое-либо конкретное содержание. Автор концентрирует внимание читателя на образе врага, в то время как «свой» круг остается денотативно и ценностно размытым.

Блог **Сергея Миронова** характеризуется четкой оппозицией правительству, о чем свидетельствует запись *Непраздничный сюрприз «под елочку»*.

Вспоминается анекдот времен тотального дефицита, когда многое из жизненно необходимого гражданам приходилось приобретать по талонам. Хозяева, принимая гостей, предупреждают: «Те, кто помыл руки с мылом, будут пить чай без сахара. А с сахаром пьет тот, кому мыла не досталось». Можно ли представить в нынешние времена подобный абсурд? Казалось бы, абсолютно невозможно. Между тем весьма похожие ситуации способна породить затеянная Правительством РФ реформа по внедрению так называемых «социальных норм» потребления электроэнергии. Если эта реформа будет проведена в том виде, каком ее настырно продвигают сейчас, то вскоре во многих домах можно будет услышать примерно такие диалоги:

- Дорогая, ты сегодня стирала белье в стиральной машине? Тогда электрочайник включать не будем. Попьем холодной водички.

-А ты, дорогой, два часа просидел в Интернете? Тогда телевизор уже не включай. Накладно будет.

Подобное «квотно-пайковое мышление» в минувшем году уже испробовали жители семи российских регионов, в которых проводился эксперимент по расчетам за электроэнергию с применением «социальных норм». Каковы итоги? Судить об этом сложно, потому что в обобщенном виде они общественности не представлены. Но в любом случае уже ясно, что под видом красивой идеи об «энергосбережении» нам навязывают хитрую схему, создающую безбрежные возможности для тарифного произвола чиновников и энергетических монополистов.

Опыт тестовых регионов показал, что «социальные нормы» часто устанавливаются, как говорится, «от балды». <...> Более того, подтвердилось, что «социальные нормы» бьют не только по состоятельным семьям, но в не меньшей степени – по бедным, малоимущим. Дело в том, что в большинстве таких семей бытовые электроприборы старые, с весьма высоким уровнем энергопотребления. Ну а на то, чтобы купить современные, более экономичные, у них просто нет средств. Вот и получается, что людей загоняют в тупик. <...>

Весьма характерно, что многие губернаторы и мэры, понимающие это, дают негативную оценку идее «социальных энергопайков». Казалось бы, вполне четко высказал свою позицию по данному вопросу и Президент России В.В.Путин. <...>

Одним словом, точку в этой истории ставить рано. Вряд ли общество безропотно смирится с очередной антинародной реформой. Нам предстоит очень серьезная борьба против нее. Позиция партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в этой ситуации может определяться только одним – защитой интересов простых граждан. Мы – против необоснованных повышений энерготарифов, под каким бы соусом это ни преподносилось. А в том, что вся эпопея с «социальными нормами» затеяна именно для завуалированного повышения тарифов, сомневаться уже не приходится. В ходе предстоящей весенней сессии Госдумы мы намерены ставить эту проблему самым принципиальным образом.

*В тексте автор предпринимает попытку разоблачения истинной - антинародной – сути реформы, предпринятой правительством. Тактика разоблачения, маркированная в тексте лексемами *под видом, под соусом, завуалированный*, находит воплощение в заголовке записи. Используемая в нем метафора подарка обыгрывается иронически с помощью кавычек и оксюморона, соответствующий эмоциональный фон поддерживается в начале текста сатирическим анекдотом из советских времен. Ситуация проецируется на*

современную действительность с помощью пародирования данного прецедентного текста автором. Помимо множества негативных характеристик правительства в тексте присутствует отрицательная характеристика авторов реформы с помощью прецедентных высказываний *«от балды»* и *загоняют в тупик*. Как и в случае с Владимиром Жириновским, в блоге Сергея Миронова специально маркируется особый статус президента: он не включается автором в «чужую» группу, а присоединяется к референтной группе. В конце текста автор говорит от лица партии, составляющей «свой» круг и обозначенной с помощью местоимения *мы*. Характерно, что население России не включено ни в один полюс бинарной оппозиции, а представлено в качестве внешнего по отношению к конфликту третьего лица (*они, люди, россияне, общество*).

Зачастую автор намеренно уходит от конкретизации «чужой» группы: *Сегодня, 18 января 2014 года, был последний день сбора подписей в поддержку проведения референдума в городе Москве по платным парковкам. <...> Я могу ответственно сказать: наша партия, мои товарищи по партии - никто не занимался фальсификациями подписей. Но из штаба мне стали докладывать регулярно, что фальшивые подписи приносят не только те, кто работает за деньги, но и волонтеры, люди, которые денег за это не получали. Зачем же они это делали? Я не буду говорить, к каким молодежным организациям относились молодые люди, которые этим занимались. Сейчас не время политических разборок. Я хочу сказать о другом. Мы стали понимать, что среди наших подписей находится явно «троянский конь». Причем размер этого коня абсолютно неизвестен.*

С помощью красноречивого умолчания (*Я не буду говорить, к каким молодежным организациям относились молодые люди*) автор намекает на наличие заговора, направленного против круга «своих» - «Справедливой России». Фрейм заговора актуализируется и с помощью отсылки к прецедентной ситуации, развернутой в метафору: *размер этого коня абсолютно неизвестен.*

Эдуард Лимонов использует своеобразные знаки ориентации, которую можно охарактеризовать как косвенную. Рассмотрим отрывок из записи блога политика.

*Сейчас увидел почти к полуночи, на сайте "Лимонов вне политики" анонс книги, предлагаемой издательством "Алгоритм", якобы написанной мною, под названием "Нео-Большевизм". Там же, **ни к селу ни к городу** приплетён Путин, который видимо издательству **спать не даёт**.*

Прецедентные высказывания в данном отрывке используются для негативной характеристики личности и деятельности представителей «чужой» группы – недобросовестных издателей. При этом В.В. Путин не включен Эдуардом Лимоновым в круг «чужих», наоборот, политики оказываются объединены общей ролью жертвы игры на громком имени, что уравнивает их в статусе в глазах читателя.

Интересен в отношении ориентации и другой отрывок из блога Эдуарда Лимонова.

Там было несколько протестных волн....

Одна случилась где-то в 18.15, люди вышли с лозунгами, полиция стала людей брать.

Затем вышел я, там уже было несколько больших групп протестующих, мне дали мегафон и я стал произносить речь. Народ сбегался ко мне.

Взяли меня. Тотчас увезли, просто умчали. Меня всегда изолируют от людей. И протоколируют отдельно, и содержат отдельно. <...>

Поэтому оставьте свой тон, такой покровительственный, "разогнала" там, ещё нехватает "обратила в бегство".

Мы тоже кое-что умеем, но московская полиция нам не враг.

Мы умные и не истеричные.

В качестве представителей «чужого» круга в тексте представлена полиция, прервавшая выступление автора на митинге. Однако дальнейшее утверждение *московская полиция нам не враг* содержит импликацию, предоставляющую читателю возможность самому сделать вывод о том, кто на самом деле является врагом, «чужим» для Эдуарда Лимонова. Под местоимением *мы* подразумевается круг «своих» - партия «Другая Россия», возглавляемая Эдуардом Лимоновым; народ представлен в третьем лице, однако косвенно утверждается о взаимном стремлении народа и автора: *я стал произносить речь. Народ сбегался ко мне*. Для воплощения данного стремления, однако, создаются намеренные препятствия: *Меня всегда изолируют от людей. И протоколируют отдельно, и содержат отдельно*. Неопределенно-личные предложения позволяют автору уйти от прямых номинаций представителей группы «чужих», поддерживая импликацию.

Знаки ориентации в блогах политиков в большей степени обращены на конкретизацию круга «чужих», чем на ограничение «своего» круга. В проанализированных блогах политиков используются как прямые, так и косвенные способы обозначения круга «чужих». К последним можно отнести перечисление характеристик и импликацию. Прецедентные высказывания и прецедентные ситуации используются авторами для отрицательной оценки действий круга «чужих»; имена политиков, входящих в круг «чужих», приобретают прецедентный потенциал, проявляющийся в нарицательном использовании, несобственно-денотативном употреблении для передачи отрицательной оценки и деривационных процессах.

Как и ориентация, интеграция, то есть объединение с кругом «своих» имеет индивидуальные особенности для каждого политика. Помимо интеграции с партией, обязательной для каждого автора блога и рассмотренной выше, наиболее типичной является кооперация с обществом.

Владимир Жириновский моделирует интеграцию с обществом через наиболее характерный прием – инклюзивное местоимение «мы», а также через признание совместной вины: *Мы бросили молодое поколение, не даем им никем гордиться. Шквал агрессивной информации сформировал сознание, что это хорошо - Брейвик, Майдан. Общество должно дать положительных героев и дать отрицательную оценку всем остальным.* Разделяя вину с обществом, автор использует прецедентные имена для символизации ложных ценностей, представляющих угрозу для молодого поколения.

Помимо инклюзивного «мы», **Борис Немцов** задействует средства косвенной интеграции: *А у Путина получается, что в Гватемале объявили 12 миллиардов, а потратили 6,5 миллиардов. То есть сэкономили. Вопрос: есть хоть один человек на земле кроме Путина и Козака, который в это может поверить? За кого он нас принимает?* Интеграция читателя с политиком происходит путем манипуляции: реципиенту с помощью риторических вопросов навязывается желательный для автора вывод – словам В.В. Путина верить нельзя. Прием риторического вопроса с пресуппозитивной интеграцией, обозначенной местоимением «мы», является излюбленным способом интеграции, используемым Борисом Немцовым: *Задайте каждый себе вопрос: Что вы лично выигрываете от аннексии Крыма?? И увидите. Ничего. Сплошные проблемы. И последнее. Нам нужен вечный враг рядом? Я имею ввиду Украину и ее замечательный и близкий нам народ.* Если ответ на первый вопрос автор дает сам, то решение второго вопроса направляется с помощью еще одной пресуппозиции – читателю навязывается интеграция с народом Украины.

Подобно Владимиру Жириновскому, **Сергей Миронов** для интеграции задействует прием разделения вины с обществом: *И тут невольно начинаешь думать еще и о вине каждого из нас. За то, что мы так и не создали пока страну, в которой таким заслуженным людям жилось бы спокойно, комфортно,*

безопасно... Не смогли мы пока этого сделать. Не уберегли вас, Рауза Ахмедовна! Простите нас!

Интеграционные возможности жанра поздравления сполна используются автором блога: *В наше непростое время, полное конфликтов и социального разобщения, Рождество остается тем светлым праздником, который объединяет людей, помогая им чувствовать себя причастными высокому духовному началу. <...>*

Надеюсь, что в светлый день Рождества Христова россияне сполна ощутили единство. Уверен, это позволит всем нам преодолеть любые разногласия и осознать, что все мы – единый народ.

Маркером интеграции выступает не только местоимение «мы», но и однокоренные лексемы (*объединяет, единство, единый*). Автор высказывает надежду на преодоление разногласий, что позволяет говорить о том, что в данном тексте интеграция выступает базой скорее толерантности, чем интолерантности.

Специфичным приемом интеграции для Сергея Миронова выступает языковой рефлексив, сопровождающий инклюзивное «мы»: *Мы (я позволю себе говорить от имени России) хотим видеть Украину сильной и независимой страной*

Эдуарду Лимонову в меньшей степени, чем другим авторам, свойственна интеграция через инклюзивное «мы», уступающее место средствам косвенной интеграции: *На что я разумно довёл до его сведения, что Лимонов в плацкартном вагоне народ не удивил, а вот ещё свежий тогда экс премьер-министр это был бы хороший удар по народным, всегда пессимистическим, верованиям.* Кооперация с обществом достигается с помощью направляющей пресуппозиции (*Лимонов в плацкартном вагоне народ не удивил*), таким образом достигается не декларируемая, а фактическая близость к адресату.

В качестве средства косвенной интеграции выступает и изображение одинаковых поступков и речевых действий: *Непонятно, по какой причине, на*

площади не было полицейских ограждений и мне, впервые можно сказать за последние пару лет, удалось пройти к памятнику Маяковскому, где народ уже вовсю скандировал "Свободу собраний всегда и везде!"

Лица у народа были весёлые, кое-кто кричал что мы победили.

Мне сунули в руки мегафон, и я успел проскандировать "Свободу собраний всегда и везде!" и начал было произносить речь, но полицейские 2-го оперативного набросились сзади.

Народ и автор оказываются объединены присутствием на митинге и прецедентным высказыванием – лозунгом.

Для интеграции с читателем Эдуард Лимонов задействует потенциал частотных метафорических моделей политического дискурса: Еще одно средство – метафора: *Давайте рассмотрим сценическую площадку, где всё происходило повнимательнее. <...> Самое драматическое место, это вход в автобус, двери.* В данном отрывке для описания задержания участников митинга автор задействует метафору театра, которая поддерживает эффект совместности действия, переданный формой *Давайте рассмотрим*: автор и читатели объединены статусом зрителей.

Таким образом, для интеграции с обществом авторами блогов задействуются прямые (инклюзивное «мы», тематическая лексика, языковые рефлексивы) и косвенные средства – риторические вопросы, направляющие пресуппозиции, прием признания общей вины, метафора театра и жанр поздравления. В качестве средства интеграции используются прецедентные высказывания – лозунги, выражающие позицию, разделяемую политиком и аудиторией.

Итак, прецедентные феномены задействуются авторами блогов в трех доминирующих речевых действиях политиков – разъяснении, разоблачении и прогнозировании - в качестве самодостаточных единиц или в корреляции с

метафорой и облегчают восприятие читателем сути происходящего, используются автором в качестве самостоятельного обоснования или поддержки основной аргументации, моделируют перспективу развития событий, как правило, негативную. Авторы блогов в разной степени задействуют разнообразные способы самопрезентации - автохарактеристики, элементы автобиографии, отсылки к референтной и антиреферентной группе, «я со стороны» и «я идеальное». Прецедентные феномены оказываются актуальными средствами моделирования компонентов имиджа через обозначение принимаемых и отвергаемых ролей в автохарактеристике и «я со стороны» и конструирование референтной и антиреферентной группы.

В контексте бинарной оппозиции «свой – чужой» в рамках стратегии самопрезентации происходят ориентация и интеграция: маркируя политических акторов как «своих» или «чужих», автор расставляет для читателя ориентиры на политической арене и закладывает основу для агональности – ключевого компонента интолерантного дискурса.

Знаки ориентации в блогах политиков в большей степени обращены на конкретизацию круга «чужих», чем на ограничение «своего» круга. В проанализированных блогах политиков используются как прямые, так и косвенные способы обозначения круга «чужих». К последним можно отнести перечисление характеристик и импликатуру. Прецедентные высказывания и прецедентные ситуации используются авторами для отрицательной оценки действий круга «чужих»; имена политиков, входящих в круг «чужих», приобретают прецедентный потенциал, проявляющийся в нарицательном использовании, употреблении для передачи отрицательной оценки и деривационных процессах.

Для интеграции с обществом авторами блогов задействуются прямые (инклюзивное «мы», тематическая лексика, языковые рефлексивы) и косвенные средства – риторические вопросы, направляющие пресуппозиции, прием

признания общей вины, метафора театра и жанр поздравления. К косвенным средствам интеграции примыкают прецедентные высказывания — лозунги, выражающие позицию, разделяемую политиком и аудиторией.

3.3. Прецедентные феномены в интолерантных стратегиях и тактиках

В обеспечении ключевого компонента интолерантности – агональности – определяющую роль играет речевая стратегия дискредитации, нацеленная на подрыв доверия к объекту через оскорбление, издевку, осмеяние и др., что полностью противоречит принципам толерантности. При реализации стратегии дискредитации в политическом дискурсе высока продуктивность прецедентных феноменов, отсылка к которым, по мнению О.С. Иссерс, «создает предпосылки для возникновения многообразных ассоциаций, служит средством выражения оценки и создания комического эффекта» [Иссерс, 1999, с. 172]. Данное высказывание релевантно и для блогов политиков, где прецедентные феномены связаны с ключевыми тактиками рассматриваемой стратегии.

Тактика оскорбления

Яркий пример реализации тактики оскорбления представлен в отрывке записи Бориса Немцова о взаимоотношениях предпринимателей и власти: *Как бы вы себя не вели - лояльно, как Евтушенков, или нелояльно, как Ходорковский, власть вас арестовывает и грабит. Все как в анекдоте: "Дочь приходит к маме перед свадьбой и спрашивает, как себя вести в первую брачную ночь? Как хочешь вести себя, доченька, все равно лишат девственности". Так может вести себя достойно?*

У власти алчные шакалы и мародеры.

В отрывке использован коммуникативный ход прямого оскорбления, подразумевающий непосредственную отрицательную характеристику объекта (представителей власти), осуществляемую через приписывание объекту оскорбления агрессивных действий (*арестовывает, грабит*) и оскорбительную лексику – зооморфизм (*шакалы*) и обозначение лиц, совершающих морально осуждаемые действия (*мародеры*). Оскорбление усилено параллелью с ситуацией прецедентного текста – грубого анекдота.

Наряду с прямым оскорблением, в реализации рассматриваемой тактики участвует коммуникативный ход косвенного оскорбления – наделения объекта отрицательным качеством не непосредственно, а через отношение к другому носителю данного качества. При использовании данного коммуникативного хода авторами блогов широко задействован метафорический потенциал прецедентных имен. Владимир Жириновский активно использует прецедентные имена с интегральным компонентом «диктатор» для осмысления современных событий на Украине: *Им надо подготовить народ Украины к диктатору, к украинскому Пиночету; Тягнибок, Ярош – это внуки тех украинских националистов, которые под флагом Бендеры, этого украинского Гитлера, и Шукевича, полностью повторяют фашистскую Германию.* В последнем примере происходит многоступенчатая отсылка к прецедентной ситуации фашистской Германии, через которую политические деятели современной Украины предстают наследниками фашистского режима. Для Бориса Немцова, чей взгляд более сфокусирован на внутренней политике России и ее отдельных регионов, в косвенном оскорблении и сфера-источник, и сфера-мишень, как правило, представляют собой современный российский политический процесс: *Здорово получается. В Ярославле есть свой Сердюков и своя Васильева. Это соответственно Ястребов и Ленин. И судьба у них, сдаётся мне, будет схожей.* В данном примере губернатору Ярославской области и его заместителю через параллель с национально-прецедентными именами Сердюков и Васильева приписывается признак «представитель власти, совершивший крупное хищение, и его пособник». Неденотативное употребление прецедентных имен в приведенных примерах подчеркивается использованием при них несвойственных именам собственным прилагательных (*украинский, свой*).

Рассмотрим тактику косвенного оскорбления с использованием потенциала прецедентных ситуаций на примере записи блога Сергея Миронова «Черная книга» киевской клики.

Сразу после государственного переворота на Украине в политический лексикон вошло выражение – «нелегитимные украинские власти». Но после преступлений, совершенных в последние дни, становится ясно, что это слишком мягко и неадекватно масштабам зла. Сегодня, я считаю, следует говорить о «кровавой клике», «преступном режиме», «фашистской диктатуре».

<...> Эти деятели, выступающие в роли **«адвокатов дьявола»**, все лепечут о «свободолюбивом Майдане», о «европейских ценностях», о «рождении украинской нации» и т. д. Но, думается, теперь, после страшной трагедии в Одессе, где в Доме профсоюзов были заживо сожжены десятки активистов Антимайдана и сотни пострадали, всей этой болтовне – **грош цена**. Такое оправдать невозможно. И неслучайно, словно сама собой, возникла параллель с сожженной в годы войны гитлеровскими карателями белорусской деревней Хатынь. Нынешняя **«Одесская Хатынь»** сотворена по тем же фашистским лекалам.

Сегодня надо четко ставить диагноз: бациллы нацизма поразили Украину. В самом центре Европы он вовсю возрождается и уже демонстрирует свой звериный лик. Чем, спрашивается, ныне культивируемый лозунг **«Украина – по над усе»** («Украина превыше всего») отличается от лозунга Третьего рейха – **«Дойче юбер аллес»**? То, что в США и в странах ЕС смотрят сквозь пальцы на эту опасность, действуя по принципу **«цель оправдывает средства»** и заиклившись на стремлении во что бы то ни стало разыграть «украинскую карту» против России, – крайне близорукая политика, которая может привести к тяжелейшим последствиям.

Цепь преступлений с каждым днем умножает широкомасштабная карательная операция, проводимая киевской хунтой в Донбассе. Само по себе применение армии против собственного народа является безусловно преступным и противоречит всем международным нормам. Но вызывают возмущение и те методы, на которые идут эти безумцы, осуществляя вооруженное насилие.

*Полностью блокировать войсками Славянск и перед этим даже не позаботиться о создании гуманитарных коридоров для вывода женщин, детей и стариков! Не давать подвозить в город даже хлеб! Они что, собираются уморить жителей Славянска голодом, как морили фашисты жителей **блокадного Ленинграда**? Преступными являются и циничные расстрелы безоружных мирных жителей, и применение при штурме городов авиации и артиллерии, и использование «зондеркоманд», составленных из неонацистов «Правого сектора», и тем более – иностранных наемников.*

К сожалению, события на Украине развиваются по наихудшему сценарию. Женевские соглашения растоптаны. Киевская клика, чтобы удержаться у власти, судя по всему, готова утопить в крови и бунтующий Донбасс и всех несогласных на Юго-Востоке Украины. А что потом? А на потом, как мы уже знаем из СМИ, готовятся концлагеря. Опять же – по нацистскому рецепту.

*Есть такой известный афоризм: **«Можно прийти к власти на штыках, но усидеть на штыках невозможно»**. Те, кто пришел к власти через кровь на Майдане, пытаются именно усидеть «на штыках», принося в жертву новые и новые человеческие жизни. Убежден: их надо останавливать, применяя весь арсенал мер – политических, дипломатических, экономических и, видимо, как это ни тяжело, – военных. <...>*

*Рано или поздно украинский народ сумеет излечить страну от этой **бандеро-фашистской чумы** и призовет к ответственности тех, кто способствовал ее распространению. Рано или поздно мировая общественность, которая сегодня, увы, не очень-то информирована о том, что творится на Украине, узнает все, ужаснется кровавым бесчинствам и потребует суда над теми, кто их совершил.*

Сопоставление нацистской Германии и современной Украины заложено в заголовке: автор отсылает читателя к соответствующему историческому периоду с помощью включения в заголовок названия фильма о нацистском режиме –

«Черная книга». Далее в тексте происходит наложение сценария «нацистская Германия» на современные события на Украине, при этом отдельные элементы сценария также являются прецедентными ситуациями: *Нынешняя «Одесская Хатынь» сотворена по тем же фашистским лекалам; Они что, собираются уморить жителей Славянска голодом, как морили фашисты жителей блокадного Ленинграда?* Прецедентные высказывания - лозунги поддерживают аналогию: *Чем, спрашивается, ныне культивируемый лозунг «Украина – по над усе» («Украина превыше всего») отличается от лозунга Третьего рейха – «Дойче юбер аллес»?* Прецедентное высказывание *адвокаты дьявола* включена автором в синонимический ряд ключевых номинаций украинской власти: *кровавая клика – преступный режим – фашистская диктатура - безумцы– киевская хунта*. Данная прецедентная единица изобличает лицемерие украинских властей и нивелирует защищаемые ими принципы. Подрыв доверия к заявлениям Киева усиливается употреблением другого прецедентного высказывания: *всей этой болтовне – грош цена*. Принцип, которым, по мнению автора, руководствуются власти США и Европы, обозначен в тексте прецедентным высказыванием в антиреферентной функции (*цель оправдывает средства*) и уравновешен афоризмом в прогностической функции: *Можно прийти к власти на штыках, но усидеть на штыках невозможно*. Косвенное оскорбление украинских властей за счет соотнесения с лидерами фашистской Германии подкрепляется использованием гиперболы (*утопить в крови*) метафор из разнообразных сфер-источников, использования для описания действий Киева и их отрицательной оценки: метафора шитья (*«Одесская Хатынь» сотворена по тем же фашистским лекалам*), театра (*события на Украине развиваются по наихудшему сценарию*), кулинарии (*готовятся концлагеря*. Опять же – *по нацистскому рецепту*), игры (*на стремлении во что бы то ни стало разыграть «украинскую карту» против России*), болезни и лечения (*надо четко ставить диагноз: бациллы нацизма поразили Украину; украинский народ сумеет излечить страну*

от этой бандеро-фашистской чумы). Желаемый прагматический эффект использования такого многообразия сфер-источников для концептуализации одной сферы-мишени – событий на Украине – может состоять, во-первых, в провоцировании у адресата ощущения хаоса; во-вторых, благодаря разнообразным социоморфным метафорам авторская интерпретация событий распространяется на все сферы человеческой жизни, концептуальный вектор оказывается направленным на создание эффекта «всеохватности зла». Таким образом, в данном тексте наблюдается конвергенция прецедентных феноменов, когнитивных метафор и языковых приемов в стратегии дискредитации.

Коммуникативный ход развенчания притязаний заключается в утверждении необоснованности претензий лица на обладание статусом или определенными качествами, выраженными, как правило, через отношение к прецедентному имени. Рассмотрим пример из записи блога Эдуарда Лимонова: *Он наверное чувствует себя **Иисусом Христом**, Ходорковский. Или римским Папой. Однако он не Христос и не Папа.* В данном отрывке развенчание притязаний Михаила Ходорковского на роль миротворца происходит эксплицитно, в дальнейшем усиливаясь за счет насмешки (*смешна*) и иронии (разговорная конструкция не *хухры-мухры*): *Вообще мессианская задача помирить Украину с Россией, несколько смешна в исполнении этого человека. Ну да, десять лет за решёткой это вам не хухры-мухры, можно и **Христом** себе показаться.* Ирония в качестве средства развенчания представлений используется и в другой записи блога: *Тимошенко Юлия, принимая себя за великую **Клеопатру** обронила в Германии, мол никогда Украина не смирится с потерей Крыма.* Коммуникативный ход развенчания представлений в приведенном примере имеет следствием нивелирование значения слов Юлии Тимошенко.

Прием «навешивания ярлыков» реализует коммуникативный ход, связанный с подчеркиванием, вплоть до гиперболизации, одной незначительной черты личности, по которой о персоналии предлагается судить читателю.

Востребованными в данном аспекте являются прозвища политиков: *И в самом деле, зачем Айфончику вмешиваться, когда речь идет о серьезных вещах* (пример из блога Бориса Немцова). Неспособность Дмитрия Медведева заниматься серьезными делами, по мнению автора, подчеркивается с помощью прозвища с уменьшительно-ласкательным суффиксом, выражающего чрезмерную увлеченность политика техническими новинками. «Навешивание ярлыков» может происходить и через использование прецедентных имен. Рассмотрим пример из записи Эдуарда Лимонова о законе, вызвавшем неодобрение автора блога: *Зотов присутствовал и неубедительно защищал свой закон. Зато убедительной была его внешность. Такая себе статуя Командора из грубого камня. Шеи у человека нет, похож на **Вия**. что ли из знаменитой повести Гоголя*. В приведенном примере с помощью антитезы (*неубедительно – убедительной*), с одной стороны, нивелируется политическая роль депутата, с другой стороны, абсолютизируется значимость его внешности: сопоставление с прецедентным именем призвано подчеркнуть в облике Зотова его «нечеловеческие» черты, а следовательно, его бесчеловечность.

Ярлыками зачастую становятся прецедентные имена политиков, использованные в функции нарицательных, показателями чего служат написание со строчной буквы и множественное число; в этом случае происходит наведение отрицательной экспрессивно-оценочной семы: борющимися против беспредела *порошенко и коломойских* (пример из блога Сергея Миронова); *Янукович под каблуком экономических структур - украинские абрамовичи, гусинские, березовские* (пример из блога Владимира Жириновского).

В контексте оскорбления особо следует выделить тактику оскорбления по национальному признаку, являющуюся специфической для блога Эдуарда Лимонова и занимающую в этом блоге значительное место. Рассмотрим пример записи блога Эдуарда Лимонова *Про Украину, Америку и Лимонова*.

Кэйтлин Хейден какая-то задрипаная, представляющая Совет Национальной безопасности Соединённых Штатов требует, заметьте, эта тётка **ТРЕБУЕТ** вывести спецназ из Киева, а иначе, Соединённые Штаты, рассердившись, введут против Украины санкции.<...>

Америкосы просто скоты, отвратительные ханжи, прикрывающиеся демократией, всякий раз когда сами совершают преступления против человечности или эти преступления совершают их союзники, или всякая дрянь, которая им нравится.

Казалось бы, где Америка, и где Украина, чего вам **своё свиное американское рыло совать** в Украину ?

Я вот комментирую события на Украине, так я там прожил детство и юность, до 23 лет, я право имею, обо мне у них на Украине даже книжка вышла в серии "Знаменитые украинцы", а кто такая *Кэйтлин Хейден* ? Кто она такая, эта тётка ? И что знает чёрный президент Барак об Украине ?

Авторитет мнения Кейтлин Хейден оказывается подорванным за счет просторечных характеристик ее внешности (*тетка, задрипанная*). И она, и Барак Обама противопоставляются автору как носителю авторитетного мнения с помощью риторических вопросов: *а кто такая Кэйтлин Хейден ? Кто она такая, эта тётка ? И что знает чёрный президент Барак об Украине ?* При этом в последнем примере расовая принадлежность пресуппозитивно оказывается фактором неосведомленности о ситуации на Украине. Открытая интолерантность к Кейтлин Хейден и Бараку Обаме перерастает в неприятие всех американцев: метафорический потенциал оскорбительной зооморфной лексемы *скоты* реализуется через контаминацию в риторическом вопросе *чего вам своё свиное американское рыло совать в Украину ?* двух прецедентных высказываний – *совать свой нос и со свиным рылом в калашный ряд*.

Оскорбление Барака Обамы по расовому и этническому признаку поддерживается в дискурсе блога Эдуарда Лимонова устойчивой ассоциацией

фигуры президента США с прецедентным топонимом *Гарлем*. Данный топоним активизирует в сознании читателя фрейм «образ жизни афроамериканца», включающий слоты, связанные со стереотипными представлениями русских об афроамериканцах: агрессивное поведение по отношению к чужакам (*Отзынь, Украина тебе не Гарлем, там иди, заблудившихся белых туристов пугай!*), грубая, бескультурная манера общения (*прямо бы ему сказал "You wanna rip me off, man ? No way, man, get lost,man!"* (Перевод этой ньюйоркской уличной фразы, - вверху, вынесен в заголовок [*Ты хочешь ободрать меня,мэн, не выйдет, исчезни!]*). Обама поймёт).

Неприятие отдельных личностей как представителей нации перерастает в дискурсе Эдуарда Лимонова в интолерантность ко всему народу: *Сегодня быть американцем, - это преступление; За кого они себя принимают, эти наглые люди из Северной Америки, пора бы их осадить как-нибудь*. Помимо американцев, объектом речевой агрессии выступают украинцы:

Хохлы - сказочные люди.

Сказочной наивности, невиданной ненависти к нам,сказочной жестокости.

Нет ? А Одесса,когда вручную добивали обожжѐнных,прыгавших из окон?
Сплошные "Страшная месть" и "Вий" Гоголя, эти хохлы...

Помимо оскорбительной лексики *хохлы*, приписывания украинцам нелицеприятных характеристик (ненависти и жестокости), автор обыгрывает в тексте разные значения слова *сказочный*, неоднократное повторение которого создает атмосферу ирреального, фантастического, подготавливающую ввод в дискурс названий прецедентных текстов Н.В. Гоголя. Эксплицитное наименование качеств украинцев и шокирующая негативная информация о них (*вручную добивали обожжѐнных,прыгавших из окон*) направляют интерпретацию читателем данных прецедентных феноменов, делая их маркерами косвенного оскорбления.

Итак, прецедентные феномены разных типов, вступая в функциональное взаимодействие с метафорами и традиционными языковыми приемами, участвуют в реализации коммуникативных ходов прямого оскорбления, косвенного оскорбления, развенчания притязаний и навешивания ярлыков.

Тактика издевки

Данная тактика активно эксплуатируется двумя авторами проанализированных блогов – Борисом Немцовым и Эдуардом Лимоновым. Рассмотрим отрывок из записи Бориса Немцова *ПРАВДА О СОЧИ-2014*.

Вожди нации путаются в показаниях по поводу стоимости Олимпиады. Путин и Козак называют 214 миллиардов рублей. А тут на днях Медведев сообщил, что общие затраты 1,5 триллиона, заявив при этом, что на сами олимпийские объекты все те же 214 миллиардов.

Более 1,5 триллионов — правильная цифра, мы о ней еще в своем докладе «Зимняя Олимпиада в субтропиках» написали. Молодец Медведев. Расходы на олимпийские объекты в 214 миллиардов — неправильная цифра, попросту говоря вранье.

В данном тексте Борис Немцов выступает в качестве разоблачающего автора, показателем этого служит ключевая лексема *правда* в заголовке. Подводя читателя к выводу, в котором эксплицитно говорится о лжи представителей власти (*Расходы на олимпийские объекты в 214 миллиардов — неправильная цифра, попросту говоря вранье*) автор использует тактику издевки для нивелирования авторитетности их слов. Перифрастическая номинация адресатов издевки *вожди нации* активизирует ассоциативную связь с такими прецедентными именами, как *Сталин* и *Гитлер*, - наиболее известными представителями вождизма. Предикат выражен криминальной метафорой в функции дисфемизации (*путаются в показаниях*). Данная разновидность метафоры принадлежит к социоморфному типу и, наряду с другими метафорами

субсферы-источника «Социум» (театральной, военной, спортивной и игровой), по наблюдениям А.П. Чудинова, является характерным элементом политического дискурса: «Базисная метафора СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ - это ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО стала одной из доминантных моделей политической речи последнего десятилетия» [Чудинов, 2001]. Издевка, таким образом, создается столкновением противоположных статусов – статуса тирана, деспотичного правителя, моделируемого автором за счет отсылки к прецедентным именам, и роли преступника, угодившего в ловушку. В контексте криминальной метафоры эксплицитное одобрение, высказанное автором Дмитрию Медведеву (*Молодец Медведев*), усиливает издевку: именно премьер-министр, по мнению автора, оказывается преступником, проговорившимся первым.

В другом примере из блога Бориса Немцова издевка высказывается автором в сильной позиции текста – заголовке: *КАДЫРОВ ЗАЯВИЛ, ЧТО В ДОНЕЦКЕ НЕ ЕГО КАДЫРОВЦЫ*. Издевка обеспечивается алогизмом, связанным с нарушением лексических пресуппозиций: деривационная природа новообразования *кадыровцы* указывает на связь с носителем имени *Кадыров*, - таким образом автор не только открыто ставит под сомнение правдивость слов Р. Кадырова, но и делает объектом насмешки его неумение убедительно лгать, раскрывая данную мысль в тексте записи блога: *Кадыров заявил, что кадыровцы не участвуют в боевых действиях в Донецке. И это после неопровержимых свидетельств самих боевиков! Версия Кадырова, что чеченцы там находятся по собственной инициативе, и он их туда не посылал. Верите?? В Чечне муха не пролетит без разрешения Кадырова. А уж отправка отряда головорезов в Донецк без ведома Рамзана - так это даже предположить невозможно*. Очевидная абсурдность слов Р. Кадырова подчеркивается автором с помощью прецедентного высказывания в функции литоты: *В Чечне муха не пролетит без разрешения Кадырова*. Преследуемая автором интенция разоблачения лжи и

последующего развенчания авторитета лжеца позволяют говорить об использовании прецедентных феноменов в функции демифологизации.

В текстах Эдуарда Лимонова в реализации тактики издевки используются разнообразные приемы, среди которых отсылка к прецедентным феноменам занимает особое место.

Рассмотрим пример текста записи *Прилетят к завучу*.

Прилетят завтра, кудахтая, в Москву, европейские дорогие родители Порошенко, Меркель и Олланд.

Спешно. Сынок попросил защитить, спасти его. Прискачут к завучу.

*Предложат ну что-нибудь, первое пришедшее в голову, **чушь собачью** какую-нибудь, даже и не думая выполнять то, что предложат.*

Главное- быстро спасти сынка. Чтобы только открыть Дебальцевский котёл, остановить наступление ополченцев.

Надеюсь завуч вежливо отправит их ни с чем.

Эдуард Лимонов использует текстообразующую образовательную метафору, актуализирующую фрейм «визит родителей в школу». Слот «участники ситуации» представленный следующими концептами: родители (А. Меркель и Ф. Олланд), сын (П. Порошенко) и завуч. Роль завуча имплицитно приписывается В. Путину, который в смоделированной автором иерархии обладает наиболее высоким и авторитетным статусом – именно ему принадлежит право принимать решения. Статусное превосходство и вежливая непреклонность В.В. Путина по принципу контраста усиливают издевку по отношению к остальным участникам ситуации, выраженную дисфемизирующими лексемами и прецедентным высказыванием (*кудахтая, прискачут, **чушь собачью***), а также подчеркнуто зависимым статусом (при этом П. Порошенко данной метафорически смоделированной ситуации приписывается двойная зависимость – и от «родителей», и от «завуча»).

Особую роль в контексте тактики издевки в дискурсе Эдуарда Лимонова играют прецедентные имена из сферы-источника «современная российская политика». Интересный пример находим в записи *Американская Статуя Свободы самая уродливая*, являющейся ответом на опубликованный CNN рейтинг самых уродливых памятников мира, в который вошел монумент «Мужество» комплекса «Брестская крепость».

Хочу обратить внимание журналистов CNN, что самый уродливый памятник на планете , располагается у них под носом,- это американская Статуя Свободы.

(Конечно же Статуя Свободы - памятник, - давно погибшей американской свободе).

*Соперничать с этой тёткой с рогами, закутанной в саван, могла бы только скульптура **Валерии Ильиничны Новодворской**, если бы таковая существовала.*

Тактика издевки реализуется через последовательное принижение статуса американского монумента: происходит «перекодирование» символического смысла Статуи Свободы (*памятник, - давно погибшей американской свободе*) и нивелирование ее эстетической ценности (*этой тёткой с рогами, закутанной в саван*). Уродство монумента возводится автором в абсолют: единственный возможный соперник Статуи Свободы в данном аспекте имеет нулевую референцию - *скульптура **Валерии Ильиничны Новодворской**, если бы таковая существовала*. При эксплуатации прецедентного имени *Новодворская* автором актуализируется такая часть инварианта восприятия, как внешние атрибуты; сопоставление Статуи Свободы и В.И. Новодворской делает издевку двунаправленной. Помимо этого, издевке подвергаются и авторы рейтинга, которых автор нарочито упрекает в невнимательности: *самый уродливый памятник на планете , располагается у них под носом.*

Примечательным является неоднократное использование в дискурсе Эдуарда Лимонова прецедентных имен политиков в функции дисфемизации, направленной и на объект издевки, и на носителя имени: *Зачем такая дамочка нужна, когда вот есть уже дамочка Оксана Дмитриева в "Справедливой России", скушная как смерть и правильная как Явлинский ?* Таким образом, можно говорить об излюбленном коммуникативном ходе двунаправленной издевки.

Говоря об использовании потенциала прецедентных текстов, следует отметить, что устойчивую сферу-источник прецедентности в контексте издевки составляют сказки.

*Назойливый Барак **Шахерезадов***

*Барак Хуссейнович **Шахерезадов** ни одной ночи без разговора с Путиным прожить не может. Названивает, названивает, даже неприлично.*

и сказки свои на уши вешает к ВВП.

<...>

Как-то недостойно вроде президента великой державы звонить по ночам и приставать со своим сказочным видением мира, где Солнце, Луна и Планеты вращаются вокруг доллара.

Отсылка к прецедентному тексту «Книга тысячи и одной ночи» как основа издевки осуществляется через упоминание ночного времени, но главным образом через прозвище Барака Обамы, образованное от прецедентного имени героини (фамилия) и имени отца президента США (отчество). Последнее, впрочем, предполагает множественность интерпретации, так как может отсылать к военным действиям США в Ираке через связь с прецедентным именем *Саддам Хуссейн*. Автор актуализирует такой элемент прецедентного текста, как сценарий «рассказывание сказки». Далее в тексте концепт «сказка» вербализуется автором в виде соответствующей лексемы в составе трансформированного прецедентного высказывания *сказки свои на уши вешает*, в реализации которого значимым

является эффект «семантического заражения» (по утверждению Д.Н. Шмелева, данный термин был впервые введен французским ученым М. Бреалем, см. [Шмелев, 1964, с. 206]). За счет семантического заражения от значения исходного фразеологизма («вешать лапшу на уши», то есть врать) лексема *сказки* приобретает контекстуальное значение «ложь», что подчеркивается в словосочетании *со своим сказочным видением мира*, где «сказочный» означает «лживый» и даже «наивный»: Бараку Обаме приписывается донаучное, примитивное видение мира (*Солнце, Луна и Планеты вращаются вокруг доллара*).

Рассмотрим следующий пример актуализации прецедентных текстов – сказок в стратегии издевки: *Читаешь Грани.ру, слушаешь Эхо Москвы, -а они обвиняют пророссийски настроенных харьковчан в нападении на Правый сектор, на бедных несчастных гадких утят спрятавшихся в здании на Рымарской улице. Правда утята с автоматами, с бутылкам и с зажигательной смесью и убили, стреляя из здания двоих харьковчан и пятерых ранили.*

В данном тексте метафора гадкие утята, восходящая к прецедентному тексту сказки, реализует два прагматических смысла. Первый, представленный как точка зрения антиреферентной группы - либеральных СМИ, близок к трактовке данного образа в тексте-источнике, в нем актуализируется сема 'беззащитность' (*бедных, несчастных, спрятавшихся*). Однако подобное видение ситуации откровенно высмеивается автором, когда актуализируется второй прагматический смысл метафоры, связанный с узуальным значением слова «гадкий»: *утята с автоматами, с бутылкам и с зажигательной смесью и убили, стреляя из здания двоих харьковчан и пятерых ранили*. Автором изобличается жестокость и вероломство Правого сектора, беззащитность оборачивается агрессией. Таким образом, в данном отрывке происходит создание и развенчание своеобразного мифа о невиновности и беззащитности Правого сектора, прецедентные текст используется в функции мифологизации и демифологизации.

В дискурсе Эдуарда Лимонова интерес вызывает устойчивое использование сферы-источника «сказка» для метафоризации сферы-мишени «политическая деятельность Алексея Навального»: *В этой сказке про Навального, содержится "намёк, добрым молодцам урок", никогда не принимайте подарков от Дьявола, не заключайте с ним союзов; Алексей Навальный, в сопровождении ещё одного лица, якобы "агитировал в метро". Типа приключение Фунтика в подземке; Приключения Лёши Навального в прокурорском Зазеркалье продолжаются.* С помощью прецедентных феноменов соответствующего происхождения Эдуардом Лимоновым эксплуатируется метафорическая модель ЖИЗНЬ АЛЕКСЕЯ НАВАЛЬНОГО – СКАЗКА, концептуальный вектор которой направлен на нивелирование значимости Алексея Навального как оппозиционного лидера и борца с режимом в рамках тактики издевки. Примечательно, что несерьезность и неподлинность деятельности Навального, ее подконтрольность действующей власти подчеркивается Эдуардом Лимоновым с помощью другого детского прецедентного текста – колыбельной:

Какая из кремлёвских башен его охраняет ?

<...> Она же его и вытащила из полиции и отвезла домой... баю-баюшки-баю, не ложися на краю...

А то серенький наш ФСИН, твой укусит мокасин...

Таким образом, наряду с другими приемами в тактике издевки прецедентные феномены используются в функции дисфемизации и демифологизации, участвуют в реализации коммуникативного хода двунаправленной издевки и метафорических моделей со сферой источником «сказка».

Тактика обвинения

В отличие от оскорбления, обвинение требует обоснований и доказательств. Рассмотрим пример из записи блога Эдуарда Лимонова о ситуации с российскими моряками в порту Дакара.

*Почему вмешалась Франция ? А Франция по-прежнему считает себя великой державой. Как великая держава, под руководством Николя Саркози, она развязала войну в Ливии, выскочив вперёд всех, даже **поперёд батьки Соединённых Штатов, рванув в пекло**. Совокупность всех этих причин и привела к тому что Франция чужими руками унижает сейчас Россию и мстит ей.*

Отрывку свойственна композиционная инверсия: суть обвинения излагается в семантически сильной позиции – конце текста (*Франция чужими руками унижает сейчас Россию и мстит ей*), обоснование поступков французских властей перенесено в начало текста и донесено до читателя с использованием вопросно-ответной формы изложения. Трансформированное прецедентное высказывание (*даже поперёд батьки Соединённых Штатов, рванув в пекло*), наряду с лексическим повтором словосочетания *великая держава*, гиперболизирует амбиции Франции, доводит их до абсурда, реализуя тем самым коммуникативный ход развенчания притязаний.

Подобная композиция востребована и другими политиками. В частности, Борис Немцов использует ее в записи о кризисе:

*Правительство пытается залить кризис деньгами, выделяя сотни миллиардов придворным госкомпаниям (из 1.4 триллионов антикризисных рублей 550 млрд уже дали ВТБ, ВЭБу и Газпромбанку и печатает деньги для поддержки "Роснефти". К борьбе с кризисом все эти **ужимки и прыжки** никакого отношения не имеют. Это лечение пневмонии аспирином. Для граждан путинская борьба с кризисом обернется ростом цен, безработицей и деградацией здравоохранения и образования.*

Основное обвинение, адресованное власти, - в беспомощности в борьбе с кризисом — дополняется обвинением в кумовстве (*выделяя сотни миллиардов придворным госкомпаниям*) и усиливается морбиальной метафорой (*лечение пневмонии аспирином*) и зооморфной метафорой, восходящей к прецедентному тексту басни (*ужимки и прыжки*) и намекающей на возможные причины отсутствия эффективных антикризисных мер.

Как и в других тактиках, в тактике обвинения Сергей Миронов использует несколько приемов в одной функции, что увеличивает воздействующий потенциал текста. Рассмотрим пример записи блога политика *Независимость от здравого смысла*.

Министерство энергетики РФ на днях не без гордости сообщило, что в 2013-м году наша страна установила рекорд нефтедобычи, выкачав из «подземных кладовых» 523,2 млн. тонн «черного золота». Таких показателей не было за все годы существования новой России. Вроде бы надо порадоваться за наших нефтяников, но на общем фоне негативного развития экономической ситуации радоваться рекордному росту нефтедобычи что-то не хочется. Особенно когда сопоставляешь это с некоторыми иными цифрами, характеризующими, к примеру, структуру российского экспорта.

Судите сами. Если в 2011 году доля экспорта сырья (в первую очередь той же нефти и газа) в общем объеме составляла 70,3 %, то в 2012-м она выросла до 74%, а в 2013-м (по данным за январь-октябрь) уже до 75%. И как же уныло на этом фоне выглядит динамика экспорта машин и оборудования! 2011 год – 4,5%, 2012 – 3.6 %, 2013 – уже и вовсе 3,3%. То есть все меньше, меньше и меньше. Под разговоры о том, что надо слезать с «нефтегазовой иглы», под призывы к инновационному развитию сырьевая зависимость России, увы, не только не уменьшается, а усугубляется.

<...>

В Интернете как-то попался на глаза один довольно едкий, но меткий анекдот на эту тему. С высокой трибуны некий руководитель гневно вопрошает: «Мы все гоним и гоним нефть на Запад. А где же, спрашивается, наши достижения в инновациях, науке, образовании, медицине?». А в ответ – голос из зала: «Так все это там же, где и наша нефть, – на Западе!». Как говорится, не в бровь, а в глаз. Ведь в соответствии с близорукой стратегией, выработанной еще бывшим министром финансов Кудриным, Россия многие годы огромные доходы от продажи сырья вкладывала (и продолжает вкладывать) не в развитие собственных производств, а в ценные бумаги США и других государств.

<...>

*Хочу напомнить, что СР в свое время выдвинула целый пакет законодательных инициатив, способных кардинально изменить политику в инновационной сфере. ... К сожалению, эти и другие совершенно разумные идеи до сих пор не принимаются ни Правительством РФ, ни парламентским большинством в лице «Единой России». Почему? Видимо, сказываются инерция мышления и привычка к эдакой «нефтяной обломовщине», когда **все «дыры» можно было затыкать** за счет нефти и газа. Рассуждать-то о необходимости модернизации экономики все горазды, а вот решаться на конкретные шаги, ведущие к ней, – куда сложнее.*

<...>

Запомнилась яркая фраза из одной газетной статьи: «наша нынешняя сырьевая зависимость – это независимость от здравого смысла». Очень точно сказано. И если мы не хотим России участи вечно отстающего, неконкурентоспособного, прозябающего сырьевого придатка Запада, надо возвращаться к здравому смыслу. Причем чем быстрее, тем лучше. Времени и так уже упущено слишком много.

Начиная текст изложением радужной точки зрения Министерства энергетики РФ, автор использует устойчивые метафоры (*подземные кладовые, черное золото*) в кавычках, выступающих маркером ложной романтизации и подготавливающих читателя в последующему рефреймингу ситуации, с помощью которого автор переводит изложение в проблемное поле.

Обоснование обвинения проводится с помощью цифр, количество которых приобретает манипулятивный оттенок, и указание на политические ошибки в прошлом (*в соответствии с близорукой стратегией, выработанной еще бывшим министром финансов Кудриным*), сопровождающееся прецедентным текстом анекдота. С помощью анекдота автор обрисовывает следствия ошибок прошлого в настоящем, оценивая актуальность данных проблем с помощью языкового рефлексива, выраженного прецедентным высказыванием (*Как говорится, не в бровь, а в глаз*). Таким образом Сергей Миронов подводит читателя к эксплицитной формулировке сути обвинения (*К сожалению, эти и другие совершенно разумные идеи до сих пор не принимаются ни Правительством РФ, ни парламентским большинством в лице «Единой России»*) и переходит к анализу причин бездействия правительства и части Государственной Думы. Основная причина – **нефтяная обломовщина** – отсылает читателя к дифференциальным признакам инварианта восприятия прецедентного имени *Обломов*: лени, бездеятельности, праздности – и дополняется экспрессивным прецедентным высказыванием (*все «дыры» можно было затыкать*). Для подведения итогов Сергей Миронов также прибегает к элементу чужой речи – афоризму с потенциалом прецедентности, часть которого в предваряющей функции вынесена в заголовок записи блога. Таким образом текст обретает завершенность.

Как видно из примеров, типичный вариант развертывания тактики обвинения для блогов политиков представляет собой схему «обоснование обвинения – суть обвинения – анализ причин». Менее традиционный вариант данной тактики представлен в записи Эдуарда Лимонова *Точечная правозащита*.

Алёхина и Толоконникова задиристо сообщили, что будут защищать права заключённых в РФ.

Сколько защитников прав, отлично !

<...>

*А права Мохнаткина, который в пику ультра-либералам вышел 31 декабря 2013 года на Триумфальную, и был там арестован и отправлен уже в тюрьму на два месяца ? Отношение к нему ультра-либералов после этого ареста круто изменилось, некоторые наглецы из их числа даже позволили себе поместить в Интернет мутные фотографии намекающие на то, что может-таки **не бывает дыма без огня**, и это Мохнаткин, может быть, напал на бедных полицейских...Видите в этом ракурсе, где его рука ?*

*Отношение изменилось потому, что Мохнаткин был задержан не там где следовало, рядом с **неприкасаемыми лимоновцами**.*

Так чего, храбрые девахи, защитите Мохнаткина ? Мужичка с Триумфальной ?

*Кое-кто уже умудрился обвинить меня и даже отшедшую от дел Алексееву, что вот Мохнаткин второй раз сел, а Лимонов, который **эту кашу заварил** с 31-й статьёй, не схвачен, и не пошёл по уголовке.*

*Железобетонная логика, сродни той, что **если бы не партизаны, то гитлеровцы бы мирных советских граждан не расстреливали, пощадили бы, не беспокоили бы, партизаны во всём виноваты**.*

*<...> 8 января, в среду, в ещё нерабочий, ещё праздничный день, состоится открытое собрание партии "Другая Россия", в котором и вы сможете участвовать. Выдвинуть предложения, задать вопросы, по diskutieren. В том числе и о высказанных мною выше сомнениях, в том числе и о необходимости пересмотра итогов приватизации, **о том что делать после поражения оппозиционных сил. Кто виноват, мы уже знаем.***

Схему тактики в данном примере можно описать как «опровержение обвинения – контробвинение». Мнение ультра-либералов о виновности Мохнаткина и самого автора передается Эдуардом Лимоновым с помощью прецедентных высказываний (*не бывает дыма без огня; эту кашу заварил*) и новообразования от имени (*неприкасаемыми лимоновцами*). Прецедентные феномены с отрицательной оценкой, вербализуя мнение, тем самым и развенчивают его, обеспечивая тем самым коммуникативный ход опровержения обвинений. В его реализации участвует и прием доведения до абсурда, в котором автор использует аналогию в прецедентной ситуацией Великой Отечественной войны: *если бы не партизаны, то гитлеровцы бы мирных советских граждан не расстреливали, пощадили бы, не беспокоили бы, партизаны во всём виноваты*. Параллельно автором выдвигается контробвинение, его суть состоит в предвзятости ультра-либералов (*отношение изменилось потому, что Мохнаткин был задержан не там где следовало, точечная правозащита*), их несостоятельности в качестве оппозиционной силы, что позволяет Эдуарду Лимонову противопоставить им себя и пригласить читателей на собрание партии. В сильной позиции текста вина ультра-либералов обозначается дополнительно, в функции усиления выступает трансформированное прецедентное высказывание, содержащее импликатуру (*о том что делать после поражения оппозиционных сил. Кто виноват, мы уже знаем*). Читателю предоставляется самому сделать вывод, к которому автор тщательно подводил его в течение всего текста.

Таким образом, для тактики обвинения в электронных дневниках политиков было выявлено две схемы развертывания: «обоснование обвинения – суть обвинения – анализ причин» и «опровержение обвинения – контробвинение». В коммуникативных ходах, составляющих каждую схему, авторами активно используются прецедентные феномены как в традиционных (негативная оценка, экспрессия), так и в специфических функциях (доведение до абсурда).

Помимо основополагающих тактик стратегии дискредитации – оскорбления, издевки и обвинения – в текстах записей блогов политиков были выделены и описаны менее популярные, но не менее значимые в контексте интолерантности тактики.

Тактика угрозы

Угроза в косвенном виде содержится в отрывке записи Сергея Миронова о продлении санкций Запада:

Нельзя разговаривать с Россией, пряча за спиной камень. Во-первых, видно. А во-вторых, нельзя к нам приходить с камнем. Те, кто приходили с мечом, хорошо это знают.

Конкретный адресат угрозы не называется в данном отрывке, в качестве обобщенного адресата предстает всякий, кто вынашивает недобрые планы против России (*пряча камень за пазухой*). Современная версия прецедентного высказывания *держа камень за пазухой*, использованная для обозначения круга возможных адресатов угрозы, сопрягается с трансформированным вариантом другого прецедентного высказывания: *Те, кто приходили с мечом, хорошо это знают*. Высказывание представлено в усеченном виде, именно в отсутствующей части, активизирующейся в сознании реципиента, имплицитно заложена угроза: *Кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет!*

Тактика побуждения к интолерантности

Побуждение адресата к интолерантному отношению, чаще всего предполагающему применение силы, популярно в блоге Владимира Жириновского. Рассмотрим отрывок из записи Янукович, о чем вы думаете?

На Украине продолжается политическое противостояние. Накануне произошли самые крупные кровавые беспорядки за все «оранжевое» время, не только в Киеве, но и в других городах.

*Опять на улицах открыто убивают русских, опять мафия, махновщина, бандитизм. До каких пор? Хочется воскликнуть словами поэта: «**Не смеют, что ли, командиры чужие изорвать мундиры о русские штыки?**»*

Исходя из заголовка записи, можно сделать вывод о ее адресованности Виктору Януковичу, о чем свидетельствует соответствующее обращение. В тексте звучит косвенный призыв к насильственным действиям, выраженный через прецедентное высказывание из стихотворения М.Ю. Лермонтова: ***Не смеют, что ли, командиры чужие изорвать мундиры о русские штыки?*** Несмотря на логичность вывода о том, что призыв адресован В. Януковичу, истинным адресатом выступает российская власть: именно она, а не В. Янукович, уполномочена направлять «русские штыки», то есть армию, неслучайно в тексте упоминаются и убийства русских, свидетельствующие о необходимости их защиты. Примечательно, что уже через несколько записей Владимир Жириновский открыто говорит об этой необходимости: *Если Янукович сдаст власть, надо будет вводить войска на территорию Украины для защиты нашего населения.*

Тактика легитимации интолерантности

Призывы к интолерантности становятся более обоснованными и оправданными с легитимацией подобного отношения автором, в связи с чем в дискурсе блогов политиков частотна контаминация указанных тактик. Рассмотрим пример из блога Владимира Жириновского.

Если Россия не введет войска на Украину, их введет Запад. Никто не хочет войны, но в данном случае Украина задымила. Если не делать ничего, то потом пожар всех нас «сожрет». Остановить нужно сейчас, потом еще хуже будет.

В данном отрывке оправдание необходимости происходит с использованием двух аргументов: военное вторжение неизбежно (*Если Россия не введет войска на Украину, их введет Запад*), промедление ведет к усугублению

проблемы (*Остановить нужно сейчас, потом еще хуже будет*). Интерес вызывает использование метафоры пожара: в аспекте тактики легитимации ее прагматический смысл в смещении акцента с источника проблемы на необходимость срочных мер ее решения (в ситуации пожара первостепенной задачей является его тушение, независимо от причины, при этом всегда есть возможность самовозгорания, на которую намекает отсутствие каузатора: *Украина задымила*).

Аналогичные призывы и аргументы для их оправдания звучат в записи Сергея Миронова ***Фашизм не пройдет***.

*То, что произошло в Одессе, – это преступление против человечества, это фашизм. ... Мы не должны позволить, чтобы людей расстреливали, давили танками, сжигали. Если у Европы и США нет политической воли остановить своих марионеток, тогда это должны делать здоровые силы. Сегодня самая здоровая сила – это Россия. **Наше дело правое, и победа будет за нами.***

В качестве основного аргумента легитимации военного вмешательства выступает его неизбежность, обусловленная, в свою очередь, необходимостью остановить преступления украинской власти. Аргумент усилен проекцией на события на Украине прецедентной ситуации фашистской Германии – частотным приемом в дискурсе автора. Данная сфера-источник актуализирована двумя прецедентными высказываниями – лозунгами, одновременно служащими и призывом к применению силы: ***Фашизм не пройдет и Наше дело правое, и победа будет за нами.*** Последний лозунг используется в «смягченном», усеченном варианте – наиболее агрессивная его часть – враг будет разбит – опускается автором, но актуализируется в сознании читателей. Метафорическое сопоставление двух ситуаций имеет концептуальный вектор переосмысления военного вмешательства в терминах противостояния, что делает его более приемлемым для реципиента.

Легитимация интолерантности не на международной арене, а внутри страны содержится в записи блога Бориса Немцова:

Глубочайший раскол российского общества наглядно виден на фотографиях со вчерашнего Марша Мира и Свободы и путинско-кургиняновских колонн. Одна страна-два народа.. Дикость, конечно, но нынешняя власть раскалывает страну и каждому, хочется этого или нет, придется определиться с кем он.

Наличие внутрироссийской оппозиции «свой – чужой» обозначается автором эксплицитно (*Одна страна-два народа*), при этом то, какую сторону занимает автор, также становится очевидным благодаря пейоративному новообразованию от имен *Путин* и *Кургинян* (сам автор выступал один из организаторов Марша Мира). Констатируя наличие глубочайшего раскола общества, автор говорит о его неизбежности (*хочется этого или нет, придется определиться*), обвиняя в этом власть (*раскалывает страну*) и тем самым склоняя читателей к другому полюсу бинарной оппозиции.

В отличие от Бориса Немцова, Эдуард Лимонов оправдывает интолерантность внутри страны скорее социальными, чем политическими причинами.

Утром я узнал, что ТРИСТА-топ миллиардеров планеты в прошедшем году увеличили свои капиталы на 500 миллиардов долларов.

Что интересно думают по этому поводу бабушки из Бирюлёво и Капотни ? Каково их мнение?

8 января в 16 часов в Москве пройдет открытое партийное собрание и дискуссия по поводу пересмотра итогов приватизации. Адрес будет заявлен чуть позже.

Пора кончать с капитализмом !

Эдуард Лимонов эксплуатирует прием тенденциозного использования информации, предлагая читателю всего один факт, взятый вне экспертной оценки и анализа и представляющий членов «чужой» группы (капиталистов) в наименее

выгодном свете. Читателю с помощью риторических вопросов навязана призма восприятия этой информации: *Что интересно думают по этому поводу бабушки из Бирюлёво и Капотни ? Каково их мнение?* Подготовив нужное эмоциональное состояние реципиента, Эдуард Лимонов призывает его принять смоделированную оппозицию «свой – чужой» и выбрать в ней свое место, посетив партийное собрание. Эксплицитный призыв к интолерантности, оформленный в виде лозунга, звучит в сильной позиции – конце текста: ***Пора кончать с капитализмом !***

Как видно из примеров, интолерантность, культивируемая авторами, может иметь внутрисоциальные и международные масштабы, в ее пропаганде и легитимации особую роль играют прецедентные высказывания – лозунги.

Тактика приписывания враждебных намерений

Тактика приписывания интолерантных намерений реализуется в следующем отрывке из записи блога Владимира Жириновского:

Но никто не должен вмешиваться, в том числе Запад. Для чего им нужна Украина? Только отомстить России, поставить там НАТОвские танки и систему ПРО, подойти к Курску, Белгороду, Брянску. То, что Гитлер не смог сделать кнутом, новая киевская власть и Европа сделают пряником.

Автор использует вопросно-ответную форму изложения для разоблачения истинных мотивов «чужой» группы – Запада и украинских властей: *Для чего им нужна Украина? Только отомстить России.* Контаминация прецедентного высказывания и прецедентного имени противопоставляют современную Украину и фашистскую Германию по средствам реализации намеченных планов, отождествляя цели данных политических акторов.

С помощью частотных метафор политического дискурса Борис Немцов приписывает В.В. Путину агрессивные намерения в отношении Украины в записи МИР НЕИЗБЕЖЕН.

У Путина есть огромный ресурс, чтобы разжигать войну поставками оружия, отправкой "добровольцев", оголтелой пропагандой. И он это делает и будет делать. Сильная европейская Украина с процветающей экономикой ему как нож в сердце. Это ж какой пример русским, что можно построить государство иначе, а не только на основе лжи, полицейщины и тотального воровства.

<...> Он верит, что ценой жизни тысяч русских, украинцев, чеченцев ему удастся расчленив Украину, ослабить ее, установить контроль над Югом и Юго-Востоком и создать марионеточное государство Новороссию, включающее не только Донецк и Луганск, но и Херсон, Запорожье, Николаев и Одессу.

В данном отрывке автор использует антропоморфную (расчленив Украину) и театральную метафоры (создать марионеточное государство) для изображения планов В.В. Путина по деспотичному подавлению Украины. Объяснением таких планов, по мнению Бориса Немцова, служат политические амбиции президента, выраженные через прецедентное сравнение: *Сильная европейская Украина с процветающей экономикой ему как нож в сердце.*

Тактика интолерантности против интолерантности

Данная тактика является частотной для дискурса блогов политиков контаминацией констатации интолерантности оппонента и любой интолерантной тактики, направленной на него в связи с этим, - таким образом, происходит борьба против «чужой» группы ее же оружием. Ярким примером в данном отношении является запись блога Владимира Жириновского *15 фронтов против России*.

Вектор происходящего направлен против России — это очередной виток противостояния нашей страны и Запада. <...> Теперь они подошли к Украине, как Гитлер подошел к Польше. И главный противник Америки - мы.

Происходящее можно назвать противостоянием. 300 лет мы противостояли Западу.

Пора уже забыть о словах про дружбу народов и солидарность. Сегодня на политической арене действуют иные принципы. И, значит, России надо перестать кормить другие страны, а сохранять ресурсы для себя. Я призываю наше руководство и наших граждан перестать кому-либо помогать. Мы пол-Африки кормили и пол-Азии, всем соседям все дали. Давайте лучше все себе оставим, и тогда украинские мальчишки и девчонки поедут в Брюссель, в Москву и скажут сами: нет, мы хотим, как в Москве...

<...>

Я пешком прошел всю Западную Украину. Они всегда говорили по-русски. Сегодня специально навязывают: вот давайте, только на украинском языке. Чтобы оторвать и создать конфликт, чтобы русские, проживающие на Украине, боялись — вот скоро их заставят забыть свой язык.

Сегодняшний сценарий на Украине готовился к 2015 году, чтобы Януковича не допустить ко второму сроку. Сейчас же начали, чтобы попытаться испортить нам Олимпиаду. При этом ранее сценарий «оранжевой» революции пытались разыграть и на территории самой России.

<...>

Стандарт один — антирусский. Все, что против русских, они поддерживают в любом варианте. Вывести "Беркут" из Киева — значит, Киев будет гореть. И будут смотреть: что сделает русский медведь. Вот горит Украина, над русскими издеваются. Что будет делать нормальный патриот? Он направит русскую армию защищать. А это и надо американцам — обострить обстановку. Потому что экономический кризис, выхода нет, нужна война, но не мировая.

Сейчас Яценюк и Кличко, насколько я понимаю, отказываются войти в правительство. Сценарий какой? Заставить Януковича уйти. Он все-таки глава

государства, а надо, чтобы был хаос. Если остается Янукович, Москва будет продолжать помогать. Тогда ситуация там все-таки стабильная будет. А Западу нужна война, и воевать должны маленькие страны.

*Не надо мешать Западу, мы должны экономить наши средства. Другого пути нет. Мы не должны никого больше защищать, помогать за счет своего здоровья, своих денег. Давайте играть в ту игру, которую навязывает противная сторона. **С волками жить — по волчьи выть.***

Наличие интолерантного по отношению к России субъекта утверждается автором в заголовке с помощью предлога *против*. В тексте однокоренные лексемы (*противник, противостояние*) эксплицитно моделируют оппозицию «Россия – Запад» по принципу «свой – чужой»: *Вектор происходящего направлен против России — это очередной виток противостояния нашей страны и Запада; главный противник Америки – мы; Все, что против русских, они поддерживают в любом варианте. Западу (Америке) приписываются враждебные действия (Сегодня специально навязывают: вот давайте, только на украинском языке; попытаться испортить нам Олимпиаду) и намерения (Чтобы оторвать и создать конфликт, чтобы русские, проживающие на Украине, боялись; А это и надо американцам — обострить обстановку).* Интолерантность Запада по отношению к России автор усиливает за счет параллели с прецедентной ситуацией фашистской Германии, актуализирующей концептуальный признак «агрессия против соседнего с Россией государства» и, как следствие, «угроза России». В ответ автор предлагает отказаться от принципов толерантности: *Пора уже забыть о словах про дружбу народов и солидарность; Я призываю наше руководство и наших граждан перестать кому-либо помогать.* Симметричный ответ на интолерантность рассматривается автором как единственный выход из ситуации (*Давайте играть в ту игру, которую навязывает противная сторона*), при этом легитимация происходит через прецедентное высказывание пословицы: **С волками жить — по волчьи выть.** Примечательно употребление метафор

автором: метафора театра (*Сегодняшний сценарий; сценарий «оранжевой» революции пытались разыграть; Сценарий какой?*), оставляющая России лишь роль пассивного наблюдателя за реализацией планов США, сменяется в конце текста метафорой игры и, хотя игра оказывается навязанной, предполагает большее равноправие участников ситуации за счет возможности повлиять на ее исход.

Тактика интолерантности против интолерантности находит воплощение и в блоге Эдуарда Лимонова, где ее реализация связана с реакцией автора на теракт в Charlie Hebdo, обнаживший остроту проблемы нетерпимости к нетерпимости.

Разнузданные колонизаторы

У французов так и не исчезла колониальная заносчивость и гонор белого человека.

Они уже столько десятилетий притворяются терпимыми, являясь в то же самое время абсолютно нетерпимыми.

<...>

И вот история с Charlie Hebdo. Не должно французское правительство позволять существовать на своей территории таким ублюдочным изданиям как Charlie. Чем они лучше Ку-клукс-клана, позвольте узнать ? Вместо того чтобы запретить подонков, президент Олланд выперся вместе с толпами на улицы Парижа, под ручку с убийцей Порошенко.

*В Нигере за последние сутки сожгли в ответ семь христианских церквей, первый десяток человек уже убиты. **Вы все Charlie**, о, разнузданные колонизаторы привыкшие высмеивать верования туземцев ! О, самая культурная нация в мире, так и не научившаяся уважать чужие верования !*

<...>

***Я не Charlie**, я трезвый русский мужик, умеющий думать, и я говорю Вам, если вы не хотите огромной гражданской войны внутри Европы, такой какой ещё не было, то остановитесь в своём затянувшемся колониализме.*

Автор обвиняет в интолерантном отношении весь французский народ (*притворяются терпимыми, являясь в то же самое время абсолютно нетерпимыми; привыкшие высмеивать верования туземцев; самая культурная нация в мире, так и не научившаяся уважать чужие верования*) и журналистов Charlie Hebdo в частности. Последние не только сопоставляются автором по степени нетерпимости с представителями Ку-клукс-клана, но и достаиваются со стороны Эдуарда Лимонова крайней интолерантности, выраженной через оскорбительные лексемы (*ублюдочное издание, подонки*). Автор использует переосмысленное прецедентное высказывание - лозунг «Я Шарли», созданный для поддержки пострадавших от теракта, для размежевания с «чужой» группой по признаку терпимости к чужим верованиям (***Вы все Charlie - Я не Charlie***). При этом в конце текста Эдуард Лимонов предстает в характерной для себя роли вразумляющего автора, призывая французский народ одуматься и устранить причину интолерантности: *я говорю Вам, если вы не хотите огромной гражданской войны внутри Европы, такой какой ещё не было, то остановитесь в своём затянувшемся колониализме*. Таким образом, интолерантность самого автора оказывается оправдана интенцией водворения толерантности – так в электронном дневнике политика толерантность обнаруживает свою двойственную, парадоксальную природу.

Тактика дискредитации «чужого» и возвышения «своего»

Подобно предыдущей, данная тактика представляет собой контаминацию двух тактик, усиливающих друг друга, и находит наиболее яркое выражение в записи блога Владимира Жириновского. Запись *Американцы никогда не воевали так, как русские* посвящена публикации CNN рейтинга самых уродливых монументов мира (примечательно, что реакция Эдуарда Лимонова на данный рейтинг выражена в тактике издевки, описанной выше).

Американцы никогда не воевали так, как русские

Скандалы, связанные с деятельностью телеканалов, не утихают. Американский CNN включил в список самых уродливых памятников мира монумент защитникам Брестской крепости «Мужество».

Подобные высказывания со стороны журналистов CNN абсолютно недопустимы. Они, видимо, забыли уже, по какому случаю поставлен памятник – это была самая страшная в истории человечества война, и спасти все человечество, выстоять в этой героической войне мог только русский солдат. Скульптор изобразил все, что отразилось на лице этого солдата, когда перед ним была смерть. Это действительно мужество, низкокультурные монументы здесь не при чем.

Журналисты CNN не видели большой войны. Они хотят конкурс красоты? Американский солдат не сможет иметь такое выражение лица, он никогда так не воевал. Легко же бомбить **Хиросиму** и **Нагасаки**. Они бомбили чужие страны, даже не зная, что Брестская крепость наша воевала и выстояла еще несколько месяцев в тылу у немцев.

CNN всегда давала опрометчивую информацию, выражая определенные взгляды правящих кругов США. Я никогда не смотрю этот канал, потому что он не дает чистоты информации. У нас «Дождь» решил заявить о себе, обсуждая проблему блокады Ленинграда, а CNN таким же образом заявляет – вот им памятник не понравился! Они не понимают, какая это была страшная война. Все немецкие дивизии мы перемололи здесь, на Восточном фронте. Наверное, им нравится благородное лицо **Геббельса** в очках, или **Гимmlера**, потому что фашист больше всего вреда нанес нашей стране.

Со стороны телеканала это было попыткой унижить Россию. Они ищут какой-то повод именно сейчас, во время Олимпийских игр. Когда Обама не поехал туда, а весь мир здесь, надо ударить какими-то грязными словами по нашей стране.

Адресатом интолерантности в тексте являются, во-первых, американские солдаты, дискредитация которых осуществляется через утверждение русской исключительности в заголовке и тексте записи (*выстоять в этой героической войне мог только русский солдат; Американский солдат не сможет иметь такое выражение лица, он никогда так не воевал*). Во-вторых, таким адресатом является CNN, обвиняемый автором в субъективности и ангажированности (*не дает чистоты информации; выражая определенные взгляды правящих кругов США*), каналу приписываются враждебные намерения в отношении России (*это было попыткой унижить Россию; ударить какими-то грязными словами*). Враждебность усиливается включением прецедентных имен Геббельса и Гиммлера в потенциальную референтную группу американских журналистов: *Наверное, им нравится благородное лицо Геббельса в очках, или Гиммлера*. На фоне дискредитации «чужой» группы американцев происходит возвышение «своей» группы русских солдат за счет мелиоративных ключевых лексем: *спасти человечество, выстоять в героической войне, мужество*. Антитеза «американец - русский» усилена оппозицией прецедентных ситуаций Хиросимы и Нагасаки, с одной стороны, и Брестской крепости, с другой стороны.

Итак, в обеспечении ключевого компонента интолерантности – агональности – определяющую роль играет речевая стратегия дискредитации, в реализации которой активно участвуют прецедентные феномены, активно взаимодействующие с когнитивными метафорами и традиционными языковыми приемами. Стратегия дискредитации в блогах политиков представлена основополагающими тактиками оскорбления, издевки и обвинения. Прецедентные феномены разных типов эксплуатируются в коммуникативных ходах прямого оскорбления, косвенного оскорбления, развенчания притязаний и навешивания ярлыков. В тактике издевки прецедентные феномены используются в функции дисфемизации и демифологизации, участвуют в реализации

коммуникативного хода двунаправленной издевки. Для тактики обвинения в электронных дневниках политиков были выявлены две схемы развертывания: «обоснование обвинения – суть обвинения – анализ причин» и «опровержение обвинения – контробвинение». В коммуникативных ходах, составляющих каждую схему, авторами активно используются прецедентные феномены как в традиционных (негативная оценка, экспрессия), так и в специфических функциях (доведение до абсурда). Анализ основополагающих тактик стратегии дискредитации позволил выделить две метафорические модели, задействующие интолерантный когнитивный потенциал прецедентных феноменов. Частотность данных моделей позволяет говорить об их типичности для дискурса конкретного автора (модель ЖИЗНЬ АЛЕКСЕЯ НАВАЛЬНОГО - СКАЗКА) и блогов политиков в целом (модель СОВРЕМЕННАЯ УКРАИНА – ФАШИСТСКАЯ ГЕРМАНИЯ). Помимо основополагающих тактик стратегии дискредитации актуальными в аспекте интолерантности и эксплуатации прецедентных феноменов являются следующие тактики: угроза, побуждение к интолерантности, легитимация интолерантности, приписывание враждебных намерений, интолерантность против интолерантности и тактика дискредитации «чужого» и возвышения «своего».

3.4. Прецедентные феномены в манипулятивных тактиках

Особое место в реализации ключевых стратегий политического дискурса занимает скрытое воздействие – манипуляция сознанием. Е.И. Шейгал приводит типологию видов манипулирования в политических текстах, согласно которой «уклонение от истины» бывает референциальным и аргументативным. Первое подразделяется на фактологическое (искажение фактов) и фокусировочное (сдвиг прагматического фокуса). Аргументативное манипулирование трактуется Е.И. Шейгал максимально широко как нарушение постулатов общения [Шейгал, 2000, с. 229 - 230]. На наш взгляд, для блогов политиков актуально и узкое понимание аргументативного манипулирования как псевдоаргументации, следовательно, данный вид скрытого воздействия может быть рассмотрен с точки зрения двух трактовок. В отношении референциального манипулирования акцент будет сделан на фокусировочный тип ввиду невозможности в рамках данного исследования достоверно установить факт искажения реального положения дел. Отдельно будет проанализирован манипулятивный потенциал толерантности в электронных дневниках политиков.

В связи с приоритетом стратегий самопрезентации и дискредитации для авторов блогов политиков представляется методологически корректным рассмотрение манипуляции не в роли самостоятельной стратегии, а в качестве набора тактик, подчиненных ключевым стратегиям дискурса.

Аргументативная манипуляция интолерантна по своей сути, так как нарушение постулатов общения предполагает вторжение в границы личности [Иссерс, 2008, с. 232]. Одной из тактик выступает навязывание роли, пример находим в блоге Бориса Немцова.

Крымская авантюра имеет одно судьбоносное последствие для России. Изоляция от Запада толкает страну в объятия Китая. Прощай европейский выбор России, здравствуй Поднебесная! И выбор этот цивилизационный и абсолютно противоестественный. Вот почему так остро и больно реагируют

на происходящее образованные и думающие люди. Ведь вся судьба России, ее история и культура связана с европейской и христианской традицией. Но Путин и Дугин решили иначе. Будем учить китайский и Конфуция.. Экономически Россия теперь всецело в объятиях китайских коммунистов. А их позиция известна- Россия- отсталая страна- сырьевой придаток, которая будет поставлять нам дешевый газ и дешевую нефть.

<...>

*Путин называет несогласных с его безумным китайским выбором **пятой колонной** и нацпредателями. А на самом деле ведет себя как представитель **пятой китайской колонны** и руководитель китайской шпионской сети..Продает Россию китайцам.*

Манипуляция содержится в предложении *Вот почему так остро и больно реагируют на происходящее образованные и думающие люди*. Автор предлагает читателю роль образованного и думающего человека, играя на самолюбии реципиента (никто не согласится признаться в обратном), и тем самым навязывает ему неприятие «происходящего», под которым в данном тексте подразумевается сближение России с Китаем, инициированное В.В. Путиным. Тактика навязывания роли оказывается подчинена ориентационной стратегии самопрезентации, в рамках которой происходит моделирование оппозиции «свой – чужой», реализованной в виде противопоставлений «европейский выбор – китайский выбор» и «автор и «образованные и думающие люди» - В.В. Путин». Осуждение китайского выбора автором производится метафорически с помощью метафор зависимых отношений (*толкает страну в объятия Китая; Экономически Россия теперь всецело в объятиях китайских коммунистов*) и купли-продажи (*Продает Россию китайцам*) с отрицательной оценкой. Автор противопоставляет ему европейский выбор России, не раскрывая при этом ни его сути, ни преимуществ. Таким образом, можно говорить о том, что *европейский выбор* как эмблема либерального дискурса выступает в данном контексте как

«слово-амеба» с референциальной неопределенностью, то есть приближается по функции к фактологическому манипулированию. Оппозиция «Немцов – Путин» реализуется через прецедентное высказывание *пятая колонна*, от которого автор дистанцируется, атрибутируя его оппоненту. Тактика навязывания роли склоняет читателя к присоединению к желательному для автора полюсу оппозиции.

Другой манипулятивной тактикой, связанной с нарушением постулатов общения, является тактика лишения выбора, находящая воплощение в электронном дневнике Сергея Миронова.

Перспективы социал-демократии в России связаны только с нашей партией

Все новое – это хорошо забытое старое. Еще одним подтверждением этой истины стало бурное партийное строительство, которое началось после либерализации законодательства о партийной деятельности. Все это в сопоставимых масштабах мы уже видели в 90-е годы и в начале 2000-х. Но, похоже, ***опыт, «сын ошибок трудных»***, во многих случаях остается невостребованным. И незавидная судьба большинства политических новообразований у меня сомнений не вызывает. Хотя удачи могу пожелать всем.

Но сказать или написать можно все, что угодно. Пока же факт остается фактом: из многих попыток создания в России современной социал-демократической партии по-настоящему успешной стала только одна. Только СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ является сегодня признанной в стране и в мире социал-демократической партией, способной на деле отстаивать свои идеалы. <...> Поэтому тем, кто разделяет принципы социал-демократии, кто хотел бы заниматься политической деятельностью, но не состоит пока ни в одной партии, стоит подумать – идти в одну из новых микропартий, или же попробовать реализовать себя в партии состоявшейся, перспективной и последовательно набирающий политический вес. В нашей партии.

Исключительность партии «Справедливая Россия» утверждается автором уже в заголовке с помощью выделительно-ограничительной частицы *только*, данный прием повторно используется автором в последующем тексте (*по-настоящему успешной стала только одна; Только СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ является сегодня признанной в стране и в мире социал-демократической партией*). В конце текста автор предоставляет читателю выбор в решении, к какой партии присоединиться, однако выбор оказывается мнимым – значимость новых партий приуменьшается префиксоидом *микро*, партия Сергея Миронова в антитезе предстает единственной разумной альтернативой (*партии состоявшейся, перспективной и последовательно набирающий политический вес*). Окончательное лишение читателя выбора происходит в парцеллированной конструкции (*В нашей партии*). Прецедентные феномены подкрепляют манипулятивную тактику, нивелируя авторитет созданных партий: прецедентное высказывание *Все новое – это хорошо забытое старое* используется для иронии в отношении оппонентов, которых, по мнению автора, ожидает та же участь, что и их предшественников. Упорство новых партий, несмотря на явную обреченность, подчеркивается с помощью прецедентного высказывания из стихотворения А.С. Пушкина (*Но, похоже, опыт, «сын ошибок трудных», во многих случаях остается невостребованным*), которое функционирует в качестве отсылки к авторитету. Неспособность учесть мудрость и опыт предшественников определяет недальновидность новых партий, их несостоятельность в качестве конкурентов «Справедливой России».

В рамках аргументативного манипулирования в блогах политиков были также выделены популярные тактики псевдоаргументации, в реализации которых, однако, не задействованы прецедентные феномены:

- манипулирование большими числами: *Алексей Миллер только официально получает годовой доход в «Газпроме» 800 миллионов рублей (по курсу 1\$=32 руб). Или 2 МИЛЛИОНА 226 ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ В ДЕНЬ! Доходы Миллера*

превышают среднюю зарплату в России в 2500 раз! Получается, что ежедневный доход главы «Газпрома» равен доходу среднего российского гражданина за 7 лет и средней пенсии рядового российского пенсионера за 18 лет (блог Бориса Немцова).

- *бездоказательные утверждения: Ничего хорошего в этом нет. Мы будем голосовать против возвращения этой графы в избирательные бюллетени (блог Владимира Жириновского)*
- *предвосхищение основания (перевод в аксиому утверждения, которое само нуждается в доказательстве): Если исходить из практически бесспорного тезиса, что Путин аннексировал Крым ради укрепления собственной власти, а не защиты русских, ибо в Крыму русских никто не притеснял, то вторжения в Восточную Украину не будет (блог Бориса Немцова).*

Фокусировочное манипулирование представлено эвфемизацией, понимаемой в широком смысле как смещение прагматического фокуса в желательную для автора сторону. В данной манипулятивной тактике активно задействованы когнитивные метафоры и прецедентные феномены. Рассмотрим пример из блога Владимира Жириновского.

Множество добровольцев в России хотят посмотреть на события на Украине. <...> Мы не хотим осложнений, должна быть здоровая морально-политическая обстановка на Украине и вокруг нее. Но граждане вправе передвигаться, поэтому должно позитивно восприниматься то, что люди хотят проявлять свою солидарность и находиться там. Сотни тысяч русских могут к родственникам приехать, могут быть организованы спортивные и молодёжные лагеря, ДОСААФ, лагеря военно-патриотического воспитания – впереди летний сезон. То есть я призываю к бескорыстной мужской дружбе между русскими по всей территории России и русскими в Крыму, в других регионах Украины. Давайте дружить, так сказать, крепко взявшись за руки,

умеющие держать в своих руках всё, что требуется для обеспечения безопасности.

Автор текста эксплицитно не упоминает о военных действиях на территории Украины с участием российских солдат, а подобные намерения маскируются любопытством (*Множество добровольцев в России хотят посмотреть на события на Украине*), солидарностью (*хотят проявлять свою солидарность и находиться там*) и дружбой (*То есть я призываю к бескорыстной мужской дружбе*). Для описания дружбы автор использует метафору, развертывание которой, нарушая законы логики (*крепко взявшись за руки, умеющие держать в своих руках*), все же содержит значимый намек на возможность и оправданность применения силы (*всё, что требуется для обеспечения безопасности*). Тактика эвфемизации, таким образом, обеспечивает легитимацию интолерантности.

Рассмотрим отрывок из записи Сергея Миронова.

*Но это только начало подлинного вхождения Крыма в российское экономическое, правовое, социальное, политическое, информационное пространство. Сделать на этом пути надо очень многое. А когда нам говорят, что и стоит это будет недешево, отвечаю, что у **Родины цены нет**.*

В данном примере автор использует в манипулятивной эвфемизации прецедентное высказывание *у Родины цены нет*, тем самым видение проблемы финансирования нового региона перефокусируется Сергеем Мироновым по схеме «вопрос денег – вопрос чувств (патриотизма)».

В блогах политиков реализуется манипулятивный потенциал толерантности: подобно другим манипулятивным тактикам, толерантность оказывается не самоценной для политика, а подчиненной другим стратегиям, главным образом самопрезентации.

В этой функции толерантность, во-первых, эксплуатируется как особый содержательно-композиционный прием: *Если кому-то кажется, что*

формулировка тяжеловата, готов изложить просто и коротко – в чем суть (блог Сергея Миронова); *Напомню. Простыми словами, без особенных цифр и не утруждая вас названиями* (блог Эдуарда Лимонова). С помощью демонстрации заботы о читателе автор оправдывает сжатие дальнейшей информации и другие операции по ее переработке, возможна и легитимация тенденциозного использования данных.

Демонстративная толерантность может быть использована и для акцентуации соответствующей составляющей имиджа политика. Наиболее значимым в данном аспекте является блог Сергея Миронова, где автор иллюстрирует собственную толерантность примерами помощи людям с ограниченными возможностями: *Я очень рад, что мне удалось помочь этой талантливой и замечательной девушке; Я в свое время подарил Наташе Брайлевский дисплей для компьютера, и на недавней встрече в Москве она рассказала мне, каким активным пользователем она стала и сколько радости ей это приносит.* В речи автора также проявляется толерантное отношение в «другому», стремление понять и принять его, утверждение его права на собственное мнение:

Не надо упрекать атлетов в переходах, у каждого своя судьба, свой путь в спорте и в жизни; Безбарьерная среда должна быть нормой для каждого города. Это не подарок и не благодеяние, а долг общества перед своими гражданами; Те, кто следит за политикой, знают, что у СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ и КПРФ гораздо больше точек соприкосновения и сотрудничества, чем разногласий. Последний пример взят из поздравления Г. Зюганова с юбилеем. Демонстративная толерантность не только к «традиционным» адресатам таковой, но и к политическому оппоненту в контрасте с интолерантностью политического дискурса в целом усиливает эффективность рассматриваемой тактики.

Манипулятивной является и толерантность к определенной социальной группе, нацеленная на интеграцию с данной группой и дальнейшую поддержку от нее. Ярким примером выступает текст записи блога Владимира Жириновского.

Каждый имеет право стать матерью или отцом

*Суррогатное материнство (СМ) – это право любого человека иметь ребенка, и никакие законы не смогут остановить желание людей. ЛДПР предлагала законопроект о выплате женщине денег, если она отказывается от аборта. Коммунисты были против. Абортами мы убиваем миллионы, это можно. А родить – нельзя? Много отрицательного и в СМ, и в абортах, но **нужно выбрать из двух зол меньшее**. У всех есть право стать матерью или отцом.*

Автор защищает права желающих стать родителями с помощью суррогатного материнства, используя в качестве дополнительного обоснования прецедентное высказывание.

Тактика мнимой (формальной) толерантности находит своеобразное воплощение в блоге Эдуарда Лимонова.

И казахам не следует заниматься демагогией, но мирно вернуть российские города.

У казахов вообще кочевая культура, и они проходили со стадами по землям, но жить на них оседло стали уже в новейшие исторические времена.

Вы отличные люди, вы не хуже нас, может быть лучше, но знайте своё место !

Отдайте чужую собственность.

В данном отрывке автор призывает Казахстан вернуть города, по мнению Эдуарда Лимонова, исторически принадлежащие России, при категоричность призыва нарастает – совет перерастает в приказ: *не следует заниматься демагогией, но мирно вернуть российские города - Отдайте чужую собственность*. Для обоснования исторического права России на территорию

Эдуард Лимонов рисует доисторический образ казаха (*проходили со стадами по землям*), не заинтересованного в городской жизни. Автор стремится смягчить упрощенную стереотипность данного образа (*Вы отличные люди, вы не хуже нас, может быть лучше*), но толерантность оказывается мнимой, оборачиваясь резким принижением статуса оппонента: *но знайте своё место !*

Опять-таки, какое его грубо говоря "собачье дело" (народное выражение) господина Обамы, где у нас на российской земле стоят российские войска. Давайте и мы покомандуем американскими войсками "Эти туда, а вообще стяните всех к Вашингтону".

В такой несколько лёгкой форме я говорю на самом деле о вещах серьёзных.

Американцы в своей мании величия невыносимы.

Пора поставить их на место.

В начале отрывка автор с помощью кавычек и двух языковых рефлексивов будто хочет дистанцироваться от возможных нежелательных ассоциаций, вызванных употреблением прецедентного высказывания: *какое его грубо говоря "собачье дело" (народное выражение)*. Однако предупредительность Эдуарда Лимонова оказывается формальной, - через несколько предложений автор уже эксплицитно проявляет интолерантность к американцам: *Американцы в своей мании величия невыносимы. Пора поставить их на место.*

Итак, в блогах политиков манипуляция предстает не в роли самостоятельной стратегии, а в качестве набора тактик, подчиненных ключевым стратегиям дискурса. Прецедентные феномены участвуют в реализации аргументативного манипулирования в составе тактик навязывания роли и лишения выбора и в эксплуатации фокусировочной тактики эвфемизации. Подобно другим манипулятивным тактикам, толерантность не является самоценной, а подчиняется другим стратегиям, главным образом самопрезентации. Манипулятивный потенциал толерантности реализован в

тактиках демонстративной толерантности, толерантности к определенным социальным группам и мнимой (формальной) толерантности.

3.5. Функции и способы акцентуации прецедентных феноменов в блогах политиков

По мнению О.С. Иссерс, аллюзии на прецедентные тексты можно причислить к приемам когнитивного плана в реализации разнообразных коммуникативных ходов [Иссерс, 2008, с. 176]. С нашей точки зрения, в дискурсе блогов политиков прецедентные феномены выступают в качестве средства, запускающего механизм реализации стратегий и тактик, обусловленных прагматическими установками авторов. Таким образом, основополагающая функция прецедентных феноменов в электронных дневниках политиков имеет двойственную, когнитивно-дискурсивную природу, связанную, с одной стороны, с механизмом когнитивной метафоры, с другой стороны, - с прагматической подчиненностью ключевым интенциям автора.

Основополагающая функция прецедентных феноменов в конкретном тексте дополняется сопутствующими, второстепенными функциями.

Важную роль играет текстообразующая функция прецедентных феноменов. Рассмотрим пример записи блога Сергея Миронова о нововведениях в оценке ЕГЭ: *Не буду сейчас погружаться в «премудрости» егэшной системы начисления баллов. Отмечу лишь, что эти самые 24 балла можно набрать даже тому, кто вообще не обладает никакими знаниями, а просто методом «случайного тыка» угадывает правильные варианты ответов в тестовых заданиях.* Ирония, маркированная кавычками и разговорными конструкциями, отражает отрицательную оценку автором блога экзамена как способа проверки знаний и переходит в сарказм в следующем предложении: *Эти 24 балла вполне были бы под силу даже Эллочке-людоедке из романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев», словарный запас которой, как известно, составлял целых 30 слов.* Прецедентный текст вводится через имя персонажа (Эллочка-людоедка) и его атрибут – скудный словарный запас. Задействованные прецедентные феномены используются с целью гиперболизации проблемы: гипотетическая ситуация, в

которой сама Эллочка-людоедка сдает ЕГЭ на положительную оценку, высвечивает полную несостоятельность данной формы экзамена, его излишнюю упрощенность. Образ Элочки-людоедки вновь возникает в такой сильной семантической позиции, как конец текста: *С помощью ЕГЭ и провальной реформы образования наше общество, увы, все больше и больше скатывается к запредельной степени языковой деградации. «Мрак!»* – сказала бы по этому поводу *Эллочка-людоедка*. С помощью прецедентного слова-высказывания героини Сергей Миронов, с одной стороны, емко и однозначно выражает отрицательную оценку реформ в сфере образования, а с другой стороны, демонстрирует читателю иллюстрацию тех их последствий, о которых рассуждает в предыдущем предложении.

В записи блога Владимира Жириновского *Западу и украинским властям не нужен мир* текст пронизывают отсылки к прецедентной ситуации Великой Отечественной войны, частотные для блога политика в целом: *Говорят Москве: «Мы убиваем русских, а вы молчите, бегут беженцы, а вы молчите». Практически 1941 год, но там мы уже начали сопротивляться фашистско-немецкой армии, а тут ничего не происходит.* В данной отрывке из начала текста происходит осмысление современных событий через такой компонент прецедентной ситуации, как начало войны, по типу противопоставления. В конце текста происходит обратное – будущее России и Украины в представлении автора блога сопоставляется с концом войны по принципу сходства: *... опять хотят спустить нас к 1945 году, когда в Берлине наши – победители, а за спиной у них сгоревшая страна. Так и сейчас: ополченцы войдут в Киев, а вся Украина будет лежать, заводы и шахты стоять.*

Интерес представляет и функция выражения эмоциональной оценки, которую выполняют прецедентные высказывания с разной степенью клишированности: *Я имел возможность ознакомиться с материалами выставки и раньше, но сейчас перечитал некоторые документы. Мороз по коже!; Просто*

кровь стынет в жилах, когда приходят шокирующие сообщения о том, что каратели вели огонь по школе; *На депутатов-миротворцев завели уголовное дело! Уму непостижимо!* (примеры из блога Сергея Миронова); *Руки опускаются и душа болит* (примеры из блога Эдуарда Лимонова). Как видно из примеров, типичным для данной функции является выражение негативных эмоций.

Прецедентные феномены частотны в сильных позициях текста. С заголовком связана их предваряющая функция, цель которой – заинтриговать читателя, побудить к прочтению текста записи. Например, в заголовке записи Эдуарда Лимонова *Ленин против Дзержинского ?* привлекают внимание читателя прецедентные имена политиков, однако само содержание записи опровергает наиболее вероятное предположение: текст Эдуарда Лимонова повествует не о противостоянии двух политических фигур, а о судьбе памятников этим деятелям. Заголовок записи Сергея Миронова *Киевские власти и Компартия Украины: "победить нельзя запретить"* интригует читателя отсылкой к прецедентному тексту сказки через трансформированное прецедентное высказывание казнить нельзя помиловать. При этом читателю, как и герою детского произведения, предоставляется возможность самому поставить пунктуационный знак. «Правильный ответ» дается автором в начале текста записи: *Киевские власти хотят запретить Компартию Украины*.

В сильной позиции конца текста характерно использование прецедентных феноменов в функции вывода, для своеобразного подытоживания сказанного ранее: *То, что в ЕС и США эти меры восприняты крайне нервозно, вполне понятно: потеря российских рынков для их сельхозпроизводителей весьма болезненна. Но это теперь – их проблемы. Как говорится, за что боролись – на то и напоролись* (пример из блога Сергея Миронова). В записи о специфике российских выборов Эдуард Лимонов использует для подведения итогов

авторский афоризм, построенный по принципу намеренного алогизма: *В России никогда не играли по правилам. Это правило.*

Средства акцентирования прецедентных феноменов в тексте, выявленные на материале прецедентных имен, перечислены в работе Е.А. Нахимовой. К ним относятся, в частности, наличие нескольких прецедентных феноменов в тексте, их системность, разнообразие, присутствие в семантически сильных позициях, взаимодействие с тропами и фигурами [Нахимова, 2007, с. 183]. В соответствии с критериями прецедентности, выделенных нами в Главе I, можно говорить об акцентуации прецедентных феноменов в блогах политиков за счет усиления отдельных признаков прецедентности. На данном основании и была проведена классификация соответствующих способов.

С акцентуацией признака общеизвестности связаны **разнообразные способы трансформации прецедентных феноменов.**

1. Для прецедентных имен продуктивны изменения на уровне слова, предполагающие разного рода деривации. Так, ключевым объектом критики Бориса Немцова в блоге политика выступает фигура президента РФ, что объясняется значительным количеством дериватов от производящей основы «Путин»: *беспрецедентную даже для путинской России цензуру; Договор... пролонгированный Путиным-Медведевым в 2010 году; "Референдум" в Крыму был проведен по чуровски-путински; путиноиды смеялись; Цена на бензин зависит от курса доллара... И от аппетитов Сечина-Путина; Замораживание долларовых активов и отказ от российской нефти в считанные месяцы приведут путиномику к коллапсу; Верный путинец-едрос депутат Федоров.* Неизменное помещение производных от прецедентного имени «Путин» в контекст, содержащий негативную оценку, включает отрицательный оценочный компонент в качестве обязательного в индивидуально-авторскую модель понимания данного прецедентного имени.

Примечательно, что словообразование путем сложения основ фамилий государственных деятелей без соединительной гласной для обозначения группы политиков, действующих сообща (*Путина-Медведева, Сечина-Путина* и т.д.), оказывается продуктивным не только для блога Бориса Немцова, но и для электронных дневников других политиков, в частности, Сергея Миронова: *каждый человек, кому повезло учиться не в годы реформ по Фурсенко-Ливанову*. Анализ микроконтекстов, содержащих подобные дериваты, показывает устойчивость негативного оценочно-экспрессивного компонента для результатов словообразования по данной модели.

В качестве мотивирующих слов выступают прецедентные имена, являющиеся обозначениями не только персоналий, но и прецедентных ситуаций. Особое место в данной группе по экстралингвистическим причинам принадлежит прецедентному имени *Майдан*. Примечательно, что данный прецедентный феномен активно вовлекается в словообразовательные процессы теми политиками, которых отличает негативное восприятие Майдана как события и его участников, эксплицитно выраженное в ближайшем словесном окружении дериватов: *послемайданное похмелье, майданные и пост-майданные авантюристы* (примеры из блога Сергея Миронова), *майдановское урло, майданная сволота, майдановская шпана* (примеры из блога Эдуарда Лимонова).

Любопытным представляется своеобразное «свертывание» прецедентного высказывания в одно слово: лексемы *крымнашизм* и *миф Крымнаш*, образованные путем сложения с задействованием суффиксации в первом случае, употребляются в блоге Бориса Немцова на фоне использования соответствующего лозунга (*Крым наш!*) в антиреферентной функции, описанной выше.

2. Более характерными для прецедентных высказываний являются традиционные типы трансформаций, которые могут быть объединены в лексико-синтаксический блок. К ним относится замена компонента (*Сколько фрица не корми, он всё в лес смотрит* (блог Эдуарда Лимонова)), усечение (*И такие*

праздники... должны напомнить кое-кому о судьбе тех, кто приходит к нам "с мечом" (блог Сергея Миронова)), расширение (*Сказав "а" (это воссоединение Крыма с Россией)*), неизбежно следует сказать и *"б"* (блог Эдуарда Лимонова)) и контаминация нескольких приемов. Последний вариант реализуется в высказывании *Россия - всё, остальное - ничто!* (блог Эдуарда Лимонова): рекламный слоган «Имидж – ничто, жажда – всё!» претерпевает трансформацию путем замены компонента и изменения порядка предикативных частей. Особый интерес представляет трансформация количественного компонента прецедентного высказывания в сторону увеличения: *Путин, президент РФ, крайне осторожный человек. И отмеривает 14-ть а то и 21-ин раз, прежде чем отрежет; Власть уже две-три собаки съела, на предохранении себя от оранжевой революции в РФ* (блог Эдуарда Лимонова) – вместо *Семь раз отмерь – один раз отрежь; ... собаку съела*. Увеличение количественного компонента ведет к усилению прагматического эффекта высказываний.

3. В блогах политиков частотен такой вид трансформации, как текстовая (дискурсная) аномалия, предполагающая знакомство адресата с идеологической маркированностью прецедентного феномена и экстралингвистическими условиями его возникновения. Пример подобной трансформации находим в блоге Бориса Немцова: *Справимся? Надорвемся? За счет чего будем финансировать армию и ВПК? Правильно. Здравоохранение, образование, пенсии. Дети, старики. А еще за счет дешевой рабочей силы из Средней Азии. Круто, правда? Зато Крым наш! Вот так вот!* Прецедентное высказывание – лозунг не претерпевает структурных трансформаций, однако помещается в ценностно неадекватный контекст, нивелирующий значимость лозунга и самого присоединения Крыма. Любопытен и пример из заголовка записи Сергея Миронова *Хватит кошмарить потребителя!*. Данное прецедентное высказывание за счет структурной трансформации вступает в диалог с исходным вариантом *Хватит кошмарить бизнес*, принадлежащим Д. Медведеву. Позиция Д. Медведева вступает в

идеологическое противостояние с позицией самого автора, выступающего в тексте за усиление контроля над бизнесом.

Признаки образности и когнитивной значимости усиливаются за счет **взаимодействия прецедентных феноменов с когнитивной метафорой** и ее языковым воплощением, а также **с другими тропами и фигурами** в дискурсе блогов политиков. Интерес представляет использование прецедентных феноменов в составе антитезы, при этом прецедентные феномены могут задействоваться как в обеих частях противопоставления (*Тогда большинство из партии Путина с пеной у рта доказывали необходимость прямых всенародных выборов... Тут же нашли исполнителей среди депутатов и вот они, не моргнув глазом, теперь ярые противники выборов* (блог Бориса Немцова)), так и в одном из его компонентов (*Порошенко... когда он с Путиным, то скромно как в рот воды набрал, себя ведёт. А вот у своих западных друзей Порошенко оттягивается по полной* (блог Эдуарда Лимонова)). В последнем примере эффект контраста усиливается за счет использования арготического элемента *оттянуться*. Более редким является прием совмещения прецедентного феномена и риторического вопроса: *Человек вышедший в январе из тюрьмы в балетной рубашке Фанфан-тюльпана, в какой-то сиротской жилеточке и...в корсете ! Да он здоров ли?.* Ввиду сходства механизмов образования смысла наиболее частотным является совместное использование прецедентных феноменов и метафор, при этом развернутые метафоры зачастую оживляют «стертую» образность прецедентного феномена: *Посмотрите, какие пируэты, тончайшие фигуры фигурного катания на политическом льду выделяет Алексей Алексеевич Венедиктов, вот кто виртуоз, а "Дождь" повёл себя как корова на льду; Она стала закручивать гайки в России. Это плохое, неверное решение для самой же власти. Напротив, следует раскрутить несколько гаек, в частности те, которые удерживают намордник на российской политике, освободить политику от тяжёлого этого намордника* (примеры из блога Эдуарда Лимонова).

Как отмечалось ранее, специфика критерия осознанности состоит в особой взаимосвязи предложений, содержащих прецедентные высказывания, и конструкций, передающих чужую речь. Абсолютному большинству случаев употребления прецедентных феноменов, в отличие от конструкций с прямой и косвенной речью, не свойственна бинарность, то есть наличие двух элементов – вводящего (авторской речи) и вводимого (чужой речи). Это связано с тем, что прецедентные высказывания не предполагают обязательную атрибуцию другому лицу. Для прецедентных феноменов, восходящих к фольклору, указание на источник невозможно; что касается прецедентных феноменов, являющихся результатом индивидуального творчества, их нередко характеризует своеобразная «оторванность от корней». Функционируя в качестве прецедентных, высказывания принадлежат всему лингвокультурному сообществу, а значит, не распознаются его носителями как чужая речь. Тем не менее в некоторых случаях автор дистанцируется от вкраплений сверхличностного характера в высоко персонализированном тексте блога. **Маркерами чужой речи** являются кавычки и языковые рефлексивы, их использование в наибольшей степени характерно для блога Сергея Миронова, однако и в нем было найдено лишь несколько примеров: *Опыт тестовых регионов показал, что «социальные нормы» часто устанавливаются, как говорится, «от балды»; Я услышал, что называется, «из первых уст», много интересного и важного о проблемах гражданской авиации; Как говорится, не в бровь, а в глаз.*

Признак однозначной интерпретации в случае прецедентных феноменов, имеющих несколько дифференциальных признаков в когнитивной базе, акцентируется авторами блогов с помощью **эксплицитного указания на желательные признаки**: *Понимаете, мы Че Гевару в свое время раскрутили – до сих пор майки носят с его изображением. А это был политический бандитизм* (блог Владимира Жириновского). Этот прием затрагивает и употребление дериватов от прецедентных имен с неоднозначной оценкой: *Все по-чуровски, все*

по-путински. Как всегда - обман, фальсификации, подлог. И презрение к народу, мнение которого их не интересует совсем (блог Бориса Немцова).

Отсылочность прецедентных феноменов актуализируется политиками с помощью **интертекстуальных связей**, то есть активизации глубинного уровня прецедентности. Данный прием наиболее характерен для электронного дневника Эдуарда Лимонова, где он служит дополнительной реализацией образа писателя:

Украина в эти 23 года существовала как вздорное, обидчивое, с комплексом неполноценности, мстительное государство-подросток. Никогда не проявляла ни щедрости ни великодушия ни широты души. Было мелочным, придирчивым и поганым в общении с гражданами, которые ей достались на халяву, Не ценила граждан, пинала и деспотически повелевала.

А вот в феврале стало ещё хуже, уже не вмоготу, при содействии Запада евромайдановцы превратили Украину в государство подростка- криминала. В Украине стало просто опасно жить.

Один за одним, города юга и Левобережья выражают свою волю вырваться из этой атмосферы книги "Заводной Апельсин", помните такую ?

В данном отрывке заголовок прецедентного текста отсылает к такому мотиву данного произведения, как ультранасилие, и соотносится с метафорой подростка-преступника, использованной автором для осмысления событий на Украине. Особый интерес в контексте интертекстуальности представляет следующая запись Эдуарда Лимонова.

Ветер, на всём божьем свете...

<...>

При мощных порывах ветра, так что сдувало агитационные палатки и щёлкали флаги, каша из воды и снега под ногами, провели митинг.

Люди не спеша прибавляются. После разрыва с предавшей нас буржуазией, лица на Триумфальной неуклонно простеют, на них больше эмоций и решимости.

Я произнёс речь, как обещал, о процессе реконкисты русских земель. С такого помоста, платформы. Сказал что мы живём в особое исторически грандиозное время

<...> О многом сказал, после меня выступали ополченцы из Донбасса в военной форме и без, и простые юные и старые жители Москвы, свободный микрофон то-есть...

Ветер стал ещё сильнее.

Полиция молчаливо мёрзла рядом с нами.

Люди подходили, жали руку.

Чистенький бомж попросил меня дать ему мандат. - На что мандат ? - А на всё...

Святой человек подарил нам икону Дмитрия Салунского в окладе и под стеклом.

Всё было похоже на экранизацию поэмы "Двенадцать".

Ветер...ветер...На всём божьем свете.

Отсылка к поэме А. Блока осуществляется в сильных позициях заголовка и конца текста с помощью цитаты, претерпевающей незначительную трансформацию: ***Ветер, на всём божьем свете...; Ветер...ветер...На всём божьем свете.*** Неоднозначность статуса прецедентности для данной цитаты компенсируется эксплицитной ссылкой на прецедентный текст в конце записи: *Всё было похоже на экранизацию поэмы "Двенадцать".* В тексте записи ветер упоминается в качестве реального погодного явления (*При мощных порывах ветра; Ветер стал ещё сильнее*), что создает параллель художественной реальности поэмы и митинга в изображении Эдуарда Лимонова. Данная параллель усиливается за счет заимствования из текста А. Блока мотива протеста (*провели митинг*) и религиозных мотивов (*Святой человек подарил нам икону Дмитрия Салунского*). Границы между двумя текстами оказываются размытыми с появлением в тексте Эдуарда Лимонова фигуры бомжа, образ которого переносит

повествованием в нереальный план: *Чистенький бомж попросил меня дать ему мандат. -На что мандат ? -А на всё...* Отсылочность в данном тексте вступает в конфликт с таким признаком прецедентности, как однозначность интерпретации: помещая читателя в атмосферу текста-источника, автор оставляет его с интертекстуальными смыслами, подсказывая, но не навязывая перспективу их расшифровки.

Итак, основополагающая функция прецедентных феноменов в электронных дневниках политиков имеет двойственную, когнитивно-дискурсивную природу, связанную, с одной стороны, с механизмом когнитивной метафоры, с другой стороны, с прагматической подчиненностью ключевым интенциям автора. К сопутствующим, второстепенным функциям можно отнести текстообразующую, предваряющую, функцию выражения эмоций и функцию вывода. Акцентуация прецедентных феноменов в дискурсе происходит путем усиления признаков прецедентности: общеизвестности (через трансформацию прецедентных феноменов), образности и когнитивной значимости (через взаимодействие прецедентных феноменов с тропами и фигурами), осознанности (через маркеры чужой речи), однозначности интерпретации (через эксплицитное указание на дифференциальный признак), отсылочности (через интертекстуальные связи).

Выводы к главе III

Рассмотрение толерантности и интолерантности в контексте агонального дискурса блогов политиков предполагает их дифференциацию в аспекте бинарных архетипических оппозиций «свой – другой» и «свой – чужой». Создание интолерантного дискурса осуществляется с использованием знаков ориентации, интеграции и агональности в рамках ключевых стратегий дискурса – самопрезентации и дискредитации. Необходимым условием интолерантности текста или дискурса выступает агональность как совокупность негативных действий против «чужого», в том числе речевых.

Авторы блогов в разной степени задействуют многообразие способов самопрезентации. Прецедентные феномены задействуются авторами блогов в трех доминирующих речевых действиях политиков – разъяснении, разоблачении и прогнозировании - в качестве самодостаточных единиц или в корреляции с метафорой, а также оказываются актуальными средствами моделирования компонентов имиджа через обозначение принимаемых и отвергаемых ролей в автохарактеристике и «я со стороны» и конструирование референтной и антиреферентной группы.

В контексте бинарной оппозиции «свой – чужой» в рамках стратегии самопрезентации происходят ориентация и интеграция: маркируя политических акторов как «своих» или «чужих», автор расставляет для читателя ориентиры на политической арене и закладывает основу для агональности – ключевого компонента интолерантного дискурса.

Знаки ориентации в блогах политиков в большей степени обращены на конкретизацию круга «чужих», чем на ограничение «своего» круга. Прецедентные высказывания и прецедентные ситуации используются авторами для отрицательной оценки действий круга «чужих»; имена политиков, входящих в круг «чужих», приобретают прецедентный потенциал, проявляющийся в

нарицательном использовании, употреблении для передачи отрицательной оценки и деривационных процессах.

Для интеграции с обществом авторами блогов задействуются прямые (инклюзивное «мы», тематическая лексика, языковые рефлексивы) и косвенные средства – риторические вопросы, направляющие пресуппозиции, прием признания общей вины, метафора театра и жанр поздравления. К косвенным средствам интеграции примыкают прецедентные высказывания – лозунги, выражающие позицию, разделяемую политиком и аудиторией.

В обеспечении ключевого компонента интолерантности – агональности – определяющую роль играет речевая стратегия дискредитации, в реализации которой активно участвуют прецедентные феномены, активно взаимодействующие с когнитивными метафорами и традиционными языковыми приемами. Стратегия дискредитации в блогах политиков представлена основополагающими тактиками оскорбления, издевки и обвинения. Прецедентные феномены разных типов эксплуатируются в коммуникативных ходах прямого оскорбления, косвенного оскорбления, развенчания притязаний и навешивания ярлыков. В тактике издевки прецедентные феномены используются в функции дисфемизации и демифологизации, участвуют в реализации коммуникативного хода двунаправленной издевки. Прецедентные феномены участвуют в развертывании двух схем тактики обвинения: «обоснование обвинения – суть обвинения – анализ причин» и «опровержение обвинения – контробвинение». В коммуникативных ходах, составляющих каждую схему, авторами активно используются прецедентные феномены как в традиционных (негативная оценка, экспрессия), так и в специфических функциях (доведение до абсурда). Анализ основополагающих тактик стратегии дискредитации позволил выделить две метафорические модели, задействующие интолерантный когнитивный потенциал прецедентных феноменов. Частотность данных моделей позволяет говорить об их типичности для дискурса конкретного автора (модель

ЖИЗНЬ АЛЕКСЕЯ НАВАЛЬНОГО - СКАЗКА) и блогов политиков в целом (модель СОВРЕМЕННАЯ УКРАИНА – ФАШИСТСКАЯ ГЕРМАНИЯ). Помимо основополагающих тактик стратегии дискредитации актуальными в аспекте интолерантности и эксплуатации прецедентных феноменов являются следующие тактики: угроза, побуждение к интолерантности, легитимация интолерантности, приписывание враждебных намерений, интолерантность против интолерантности и тактика дискредитации «чужого» и возвышения «своего».

В блогах политиков манипуляция предстает не в роли самостоятельной стратегии, а в качестве набора тактик, подчиненных ключевым стратегиям дискурса. Прецедентные феномены участвуют в реализации аргументативного манипулирования в составе тактик навязывания роли и лишения выбора и в эксплуатации фокусирующей тактики эвфемизации. Подобно другим манипулятивным тактикам, толерантность не является самоценной, а подчиняется другим стратегиям, главным образом самопрезентации. Манипулятивный потенциал толерантности реализован в тактиках демонстративной толерантности, толерантности к определенным социальным группам и мнимой (формальной) толерантности.

Основополагающая функция прецедентных феноменов в электронных дневниках политиков имеет двойственную, когнитивно-дискурсивную природу, связанную, с одной стороны с механизмом когнитивной метафоры, с другой стороны, с прагматической подчиненностью ключевым интенциям автора. К сопутствующим, второстепенным функциям можно отнести текстообразующую, предваряющую, функцию выражения эмоций и функцию вывода. Акцентуация прецедентных феноменов в дискурсе происходит путем усиления признаков прецедентности: общеизвестности (через трансформацию прецедентных феноменов), образности и когнитивной значимости (через взаимодействие прецедентных феноменов с тропами и фигурами), осознанности (через маркеры

чужой речи), однозначности интерпретации (через эксплицитное указание на дифференциальный признак), отсылочности (через интертекстуальные связи).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прецедентность является сложным многоаспектным феноменом, требующим разностороннего осмысления. В данном исследовании был сделан акцент на выявлении критериев прецедентности, определении круга прецедентных феноменов и описании особенностей их функционирования в агональном дискурсе блогов политиков с учетом особенностей жанра и политического дискурса в целом.

Обобщим результаты проведенного исследования.

Анализ научной традиции осмысления феномена прецедентности показал, что попытки определения круга прецедентных феноменов на основании одного фактора ставят их в один ряд с традиционными единицами языка. Феномен прецедентности может быть определен через набор критериев, включающий общеизвестность, образность, отсылочность, культурную и когнитивную значимость, осознанность использования и однозначность интерпретации. Градуальность критериев служит основанием для типологии прецедентных феноменов.

Разнообразие классификаций прецедентных феноменов, относительность критериев, необходимость их комплексного учета при квалификации прецедентности, а также диффузность семантики самого термина «прецедентный феномен» не позволяют определить четкие границы круга прецедентных феноменов. Представляется продуктивным рассмотрение прецедентных феноменов в качестве структурированной совокупности, в которой выделяются ядро и периферия. К ядру следует отнести прецедентные феномены, отвечающие наибольшему количеству критериев в наибольшей степени (с учетом градуальности критериев): это наиболее известные и востребованные единицы, обладающие значимым потенциалом в качестве когнитивной метафоры благодаря емкости культурной семантики и интертекстуальной соотнесенности. Периферия представляет, таким образом, зону индивидуальных различий, включающую

феномены с неполным набором признаков и явления, обладающие потенциалом прецедентности.

Жанровая специфика блогов политиков выявлялась по таким параметрам, как тематика, коммуникативная цель, образ автора, образ коммуникативного будущего и языковое, в том числе стилистическое, оформление. Результаты анализа данных параметров позволяют говорить о возможности предоставления блогам политиков статуса особой жанровой разновидности электронных дневников.

Проанализированные блоги имеют различия, продиктованные личностью и интенциями автора. Индивидуально-авторские особенности рассматриваемых электронных дневников, затрагивающие стилистическое оформление, интержанровое взаимодействие и задействование определенных сфер-источников прецедентности, связаны не только с идиостилем политика, но и с его представлениями о предполагаемом адресате.

В исследовании роли прецедентных феноменов в блогах политиков представляется важным учет не только специфики данной жанровой разновидности, индивидуально-авторских особенностей записей, но и таких характеристик агонального политического дискурса, как толерантность и интолерантность. Рассмотрение толерантности и интолерантности в данном типе дискурса предполагает их дифференциацию в аспекте бинарных архетипических оппозиций «свой – другой» и «свой – чужой». Ориентация, интеграция и агональность как последовательное выстраивание оппозиции «свой – чужой» и функционирование прецедентных феноменов в качестве соответствующих знаков были проанализированы нами в связи с ключевыми стратегиями блогов политиков – стратегиями самопрезентации и дискредитации.

В результате анализа были выявлены следующие **прагматические особенности** функционирования прецедентных феноменов в блогах политиков,

реализованные в стратегиях самопрезентации и интеграции, а также в манипулятивных тактиках.

1. В контексте бинарной оппозиции «свой – чужой» в рамках *стратегии самопрезентации* прецедентные феномены выступают в качестве знаков ориентации и интеграции: маркируя политических акторов как «своих» или «чужих», автор расставляет для читателя ориентиры на политической арене и закладывает основу для агональности – ключевого компонента интолерантного дискурса.

Для интеграции с обществом авторами блогов задействуются прямые (инклюзивное «мы», тематическая лексика, языковые рефлексивы) и косвенные средства – риторические вопросы, направляющие пресуппозиции, прием признания общей вины, метафора театра и жанр поздравления. К косвенным средствам интеграции примыкают прецедентные высказывания – лозунги, выражающие позицию, разделяемую политиком и аудиторией.

В рамках стратегии самопрезентации прецедентные феномены также задействуются авторами блогов в трех доминирующих речевых действиях политиков – разъяснении, разоблачении и прогнозировании – в качестве самодостаточных единиц или в корреляции с метафорой, а также оказываются актуальными средствами моделирования компонентов имиджа через обозначение принимаемых и отвергаемых ролей в автохарактеристике и «я со стороны» и конструирование референтной и антиреферентной группы.

2. Прецедентные феномены активно участвуют в реализации речевой *стратегии дискредитации*, играющей определяющую роль в обеспечении ключевого компонента интолерантности – агональности. Стратегия дискредитации в блогах политиков представлена основополагающими тактиками оскорбления, издевки и обвинения. Актуальными в аспекте интолерантности и эксплуатации прецедентных феноменов также являются следующие тактики: угроза, побуждение к интолерантности, легитимация интолерантности,

приписывание враждебных намерений, интолерантность против интолерантности и тактика дискредитации «чужого» и возвышения «своего».

3. Прецедентные феномены используются авторами блогов в целях *манипуляции сознанием*, предстающей в электронных дневниках политиков не в роли самостоятельной стратегии, а в качестве набора тактик, подчиненных ключевым стратегиям дискурса. Прецедентные феномены участвуют в реализации аргументативного манипулирования в составе тактик навязывания роли и лишения выбора, в эксплуатации фокусирующей тактики эвфемизации и манипулятивного потенциала толерантности. Подобно другим манипулятивным тактикам, толерантность не является самоценной, а подчиняется другим стратегиям, главным образом самопрезентации. Манипулятивный потенциал толерантности реализован в тактиках демонстративной толерантности, толерантности к определенным социальным группам и мнимой (формальной) толерантности.

В результате исследования были также выявлены следующие **когнитивные особенности** бытования прецедентных феноменов в блогах политиков, связанные с функционированием по аналогии с когнитивной метафорой и актуализацией отдельных признаков прецедентности в сознании реципиента.

1. Анализ основополагающих тактик стратегии дискредитации позволил выделить *метафорические модели*, задействующие интолерантный когнитивный потенциал прецедентных феноменов. Частотность данных моделей позволяет говорить об их типичности для дискурса конкретного автора (модель ЖИЗНЬ АЛЕКСЕЯ НАВАЛЬНОГО - СКАЗКА) и блогов политиков в целом (модель СОВРЕМЕННАЯ УКРАИНА – ФАШИСТСКАЯ ГЕРМАНИЯ).

2. Прецедентные феномены в качестве знаков ориентации в большей степени обращены на конкретизацию круга «чужих», чем на ограничение «своего» круга. При этом имена политиков, входящих в круг «чужих», приобретают свойство *потенциальной прецедентности*, проявляющееся в

нарицательном использовании, употреблении для передачи отрицательной оценки и деривационных процессах.

3. Акцентуация прецедентных феноменов в дискурсе происходит путем *усиления признаков прецедентности*: общеизвестности (через трансформацию прецедентных феноменов), образности и когнитивной значимости (через взаимодействие прецедентных феноменов с тропами и фигурами), осознанности (через маркеры чужой речи), однозначности интерпретации (через эксплицитное указание на дифференциальный признак), отсылочности (через интертекстуальные связи). В частности, ввиду сходства механизмов образования смысла весьма характерно совместное использование прецедентных феноменов и метафор, при этом развернутые метафоры зачастую оживляют стертую образность прецедентного феномена.

Сопряженность, тесная взаимосвязь когнитивного и прагматического аспектов прецедентности выражается в основополагающей функции прецедентных феноменов в блогах российских политиков. Многоаспектность феномена прецедентности, разнообразие его признаков позволяет актуализировать в политическом дискурсе широкий спектр функций прецедентных феноменов. Образно-метафорическая, экспрессивно-оценочная, персуазивная, референтная, антиреферентная и другие функции, традиционно выделяемые в качестве наиболее значимых, могут быть объединены в рамках одной макрофункции, так как реализуют одну макростратегию авторов – привлечение читателя в «свой» круг. Данная основополагающая функция прецедентных феноменов в электронных дневниках политиков имеет двойственную, когнитивно-дискурсивную природу, связанную, с одной стороны, с механизмом когнитивной метафоры, с другой стороны, - с прагматической подчиненностью ключевым интенциям автора. К сопутствующим, второстепенным функциям можно отнести текстообразующую, предваряющую, функцию выражения эмоций и функцию вывода.

Итак, в дискурсе блогов политиков использование прецедентных феноменов выступает в качестве средства, запускающего механизм реализации стратегий и тактик, обусловленных прагматическими установками авторов. Данные установки неизбежно связаны с агональностью политического дискурса, а значит, рассмотрение прецедентных феноменов в данном типе дискурса неизменно требует внимания к оппозиции «свой – чужой» и дальнейшей разработки проблем толерантности и интолерантности. Рассмотрение данных проблем в применении к дискурсу блогов политиков проводится нами в рамках совместного междисциплинарного исследования [Фокина, Дружков, 2015], использующего компьютерный инструментарий для анализа степени интолерантности комментариев к записям электронных дневников. Перспектива исследования, изложенного в данной работе, таким образом, лежит в поле совмещения качественных и инновационных количественных методов, а также расширения эмпирической базы с целью проведения компаративного анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова Г.Н. Изменения в синтаксическом строе // Синтаксис современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Г.Н. Акимова, С.В. Вяткина, В.П. Казаков и др.; под ред. С.В. Вяткиной. – СПб., 2008. – 347 с.
2. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка: Учеб. пособие. – М.: «Высшая школа», 1990. – 168 с.
3. Алексеенко И.С., Гукосьянц О.Ю. Специфика интернет-опосредованной коммуникации и феномен виртуальной языковой личности // Политическая лингвистика. - 2014. - №4 (50). - С. 193 - 202.
4. Андрюхина Т.В. Когнитивный анализ идеологической направленности политического текста // Стилистическая категоризация и текст. Сб. науч. тр. МГЛУ. - Вып. 433. - М., 1996. - С. 3-16.
5. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. - М.: Наука, 1976. - 382 с.
6. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. (Оценка. Событие. Факт) / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 338 с.
7. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
8. Асмус Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Челябинск, 2005. – 265 с.
9. Атьман О.В. Вербализация стратегии самопрезентации в президентских предвыборных дебатах как агональном жанре политического дискурса США // Политическая лингвистика. - 2011. - №1 (35). – С. 96 – 102.
10. Баева Л.В. Экстремизм и формы проявления [Электронный ресурс] // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2008. – № 3 (16). – С. 21–26.

-

Режим

доступа:

http://www.aspu.ru/images/File/ilil/Bayeva_extremizm.pdf (дата обращения: 15.01.2015).

11. Базылев В.Н. Языковые императивы «политической корректности» // Политическая лингвистика. - 2007. - №3 (23). – С. 8 – 10.
12. Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1990. – 48 с.
13. Басовская Е.Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации // Критика и семиотика. - 2004. - Вып. 7. - С. 257 — 263.
14. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. - М.: Русские словари, 1996. Т. 5. – С. 159 – 206.
15. Беглова Е.И., Шмелева О.Ю. «Языковой код» политической коммуникации (на материале выступлений Президента России В.В. Путина 2012 – 2015 гг.) // Политическая лингвистика. - 2015. - №3 (53). – С. 12 – 16.
16. Белошапкова В.А. Выражение побуждения к совместному действию в русском языке // Русский язык за рубежом. – 1994. - №4. – С. 55 – 60.
17. Белт Т. Политическое убеждение путем метафорического моделирования // Политическая лингвистика. - 2007. - № 2 (22). - С. 18 – 25.
18. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – 123 с.
19. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18 - 36.
20. Билан О.А. Дискурсивные средства и механизмы достижения политкорректности в политической речи // Альманах современной науки и образования. - Тамбов: Грамота, 2014. - № 9 (87). – С. 20 – 26.
21. Борисова Е.Г. Алгоритмы воздействия. – М., 2005. – 140 с.

22. Брагина Н.Г. Невежливость как ритуал (речевые формулы антикоммуникационного поведения) // Ритуал в языке и коммуникации: сб. статей / Под ред. Л. Л. Фёдоровой. – М.: Знак; РГГУ, 2013. – С. 45 - 55.
23. Будаев Э.В. «Могут ли метафоры убивать?»: прагматический аспект политической метафорики // Политическая лингвистика. - 2006. - № 20. - С. 67 – 75.
24. Быков И.А. Сетевая политическая коммуникация: Теория, практика и методы исследования: монография. – СПб: ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2013. – 200 с.
25. Валгина Н.С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации: Учеб. пособие. – М., 2004. – 259 с.
26. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. – М.: Агар, 2000. – 416 с.
27. Васильев А.Д. Вербальная магия российского официоза // Политическая лингвистика. - 2012. - № 4 (42). - С. 11 - 17.
28. Введение в когнитивную лингвистику / З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.И. Карасик и др. – Кемерово: Графика, 2004. – 209 с.
29. Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе. – СПб.: Изд-во Михайлова, 2001. – 253 с.
30. Володина М.Н. Язык средств массовой информации. – М., 2008. – 760 с.
31. Воркачёв С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64 - 72.
32. Ворожцова О.А. Прецедентные феномены в российском и американском президентском дискурсе 2004 года // Политическая лингвистика. - 2007. - № 3 (23). - С. 69 – 73.
33. Ворошилова М.Б. Креолизированный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. - 2007. - № 3 (23). - С. 73 – 78.

34. Высоцкая И.В. Спорные вопросы теории прецедентности // Критика и семиотика. - 2013. - № 1 (18). - С. 117 – 137.
35. Гаврилова М.В. Методы и методики исследования политической коммуникации// Политическая лингвистика. - 2008. - №1 (24). - С. 22 - 28.
36. Гаврилова М.В. Политическая лингвистика в России: как языковеды читают политические тексты // Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. - М.: 2015. - С.433 – 444.
37. Голубева Н.А. Отсылочность – когнитивная компонента прецедентных единиц. Нижний Новгород: ООО «Типография Приволжье», 2009. – 278 с.
38. Голуб И.Б. Стилистика русского языка: учебное пособие для вузов. – М., 1997. – 448 с.
39. Горбаневский М.В., Караулов Ю. Н., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком: о нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ. – М.: Галерея, 2000. – 272 с.
40. Горбачева Е.Н. Стратегическая перформативность в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. - 2015. - №3 (53). - С. 102 - 106.
41. Горина Е.В. Дискурс Интернета в аспекте воздействия на пользователя // Политическая лингвистика. - 2015. - №2 (52). - С. 150 - 155.
42. Горошко Е.И. Влияние социальных медиа на коммуникативные процессы // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Социология». – Симферополь, 2010. – Т. 23 (62). - №3. – С. 111 – 117.
43. Горшкова Е.И. Блог как вид интернет-коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – СПб, 2013. – 23 с.
44. Горшкова, Е. И. Коммуникативные тактики участников взаимодействия в сети Интернет (на примере Интернет-блогов) / Е. И. Горшкова // Герценовские Чтения. Иностранные языки: материалы межвузовской

- научной конференции (19-20 мая). – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. – С. 75-76.
45. Гридина Т.А. Языковая игра в жанре политического прикола // Политическая лингвистика. - 2011. - №4 (38). - С. 47 - 51.
 46. Гронская Н.Э. Языковые механизмы манипулирования массовым политическим сознанием [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/9999-0200_West_MO_2003_1/22.pdf (дата обращения - 02.04. 2016).
 47. Гудков Д.Б. К вопросу о словаре прецедентных феноменов / Д.Б. Гудков // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. – М., 2004. – С. 251 – 260.
 48. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. — М., 2003. – 288 с.
 49. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
 50. Дементьева М.К. Языковые средства выражения оценки в современном российском официальном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. - 2009. - №4 (30). - С. 82 - 93.
 51. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. – М., 2006. - 376 с.
 52. Дзялошинский И.М. Язык вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.dzyalosh.ru/04-master/metod/yazyk-vrajdy-v-smi.doc (дата обращения: 12.03.2016).
 53. Дроняева Т.С. Новости в газете с точки зрения организации текста // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Часть 2 / Отв. ред. М.Н. Володина. – М., 2004. – С. 307 – 326.

54. Евстафьева А.В. «Язык вражды» в средствах массовой информации: лингвистические и экстралингвистические факторы функционирования: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. - Тамбов, 2009. – 26 с.
55. Егорова Е.Н. Проблема юридизации языковых средств в современной лингвистике (на примере исследования концепта <словесное оскорбление>): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Архангельск, 2010. – 26 с.
56. Егорова Е.Н. Реализация стратегии дискредитации посредством словообразовательных ресурсов (на материале газетно-публицистического текста «Сила в правде, или великолепная шестерка») // Современное гуманитарное знание: актуальные проблемы. – Архангельск: Поморский университет, 2009. – С. 7 – 14.
57. Егорова Е.Н. Речевая агрессия в тексте с неявной коммуникативной функцией высказывания (на материале анализа газетно-публицистического текста «Как белая корова к медведям устроилась») // Экология культурного пространства европейского севера: история и современность: сборник научных трудов. – Архангельск, 2008. – С. 75 – 81.
58. Ермаков Ю.А. Манипуляция личностью: смысл, приемы, последствия. – Екатеринбург, 1995. – 136 с.
59. Земская Е.А. Цитация и виды её трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. – М., 1996. – С. 157 – 168.
60. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 1982. – 368 с.
61. Иванова С.В., Артемова О.Е. Маршрутизация восприятия и воздействующий потенциал политического интернет-медиатекста // Политическая лингвистика. - 2013. - №3 (45). - С. 28 - 36.
62. Иванова С.В. Политический ребрендинг от противника как коммуникативная стратегия // Политическая лингвистика. - 2013. - №4 (46). - С. 42 - 46.

63. Иванова С.В., Чанышева З.З. Национально-культурные прецеденты в политической коммуникации // Политическая лингвистика. - 2014. - №4 (50). - С. 39 - 47.
64. Иванова Ю.М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов: дис. канд. ... филол. наук: 10.02.19. – Волгоград, 2003. – 138 с.
65. Интернет-коммуникация как новая речевая формация / Ред. Т. Колокольцева, О. Лутовинова. – М.: Флинта; Наука, 2012. – 328 с.
66. Ионин Л.Г. Дивный новый мир. - М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. – 112 с.
67. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. - М., 2008. – 288 с.
68. Иссерс О.С. «Кремлевский репортаж»: старый жанр в новой рамке // Политическая лингвистика. - 2012. - №3 (41). - С. 27 - 35.
69. Иссерс О.С. Рахимбергенова М.Х. Языковые маркеры этнической ксенофобии (на материале российской прессы) // Политическая лингвистика. - 2007. - №3 (23). – С. 90 – 96.
70. Иссерс О.С. Речевое воздействие. – М., 2009. – 224 с.
71. Каган В. Homo Xenophobicus: психология «своего и чужого» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.lebed.com/art2121.html> (дата обращения: 18.01.2015).
72. Казаков Ю.В. Язык вражды и свобода слова. Межэтническое и межконфессиональное в российских СМИ как проблемное поле / Профессиональная этика журналиста: Рабочие материалы. – М.: Галерея, 2003. – 328 с.
73. Калинина Л.В. Вербальная конкуренция в пространстве Интернета: реклама, рерайт, репост // Вестник ВятГГУ. - №3. - Киров, 2014. - С. 80–81.
74. Калинина Л.В. Язык современных средств массовой коммуникации: учебное пособие для магистров филологического факультета по направлению подготовки «Педагогическое образование», направленность

- «Языковое образование». – Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2015. – 124 с.
75. Кара-Мурза Е.С. Речевые жанры как кирпичики здания медиакommunikации (об итогах III Международного научного семинара в СПбГУ) // МЕДИАЛИНГВИСТИКА. – 2014. – № 1/4. – С. 122 - 127.
 76. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. - М., 2004. – 864 с.
 77. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 5 – 20.
 78. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Прецедентные онимы в СМИ // Политическая лингвистика. - 2011. - № 3 (37). - С. 266 – 269.
 79. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004. – 477 с.
 80. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
 81. Катенева И.Г. Механизмы и языковые средства манипуляции в текстах СМИ (на примере общественно-политических оппозиционных изданий): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2010. – 24 с.
 82. Квят А.Г. Свой среди чужих: мифотехнологии рекламного позиционирования // Политическая лингвистика. - 2009. - №3 (29). - С. 119 - 124.
 83. Кедяркин С.Н. Роль языковых средств в формировании этнической толерантности и напряженности в нижегородских СМИ // Язык – культура – право: Материалы всероссийской научно-практической конференции: В 2 ч. / Отв. ред. И.Г. Ольгинская. – Н. Новгород, 2006. – С. 187 – 192.
 84. Киселева Т.В. Коммуникативная корректность в языковой картине мира [Электронный ресурс] // Языковая семантика и образ мира [Материалы международной научной конференции, 7 - 10 октября 1997 г.]. Казань: Казанский государственный университет, 1998. Т 1. – Режим доступа: URL:

http://www.kcn.ru/tat_ru/science/news/lingv_97/n62.htm (дата обращения: 17.01.2016).

85. Ключев Е.В. Речевая коммуникация. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 320 с.
86. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Ленанд, 2015. – 352 с.
87. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева // Вестник Московского университета. - Сер. 9, Филология. – 1997. - № 3. – С. 62 - 76.
88. Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. – 240 с.
89. Кольцова Е.Ю., Таратута Е.Е. Измерение толерантности // Журнал социологии и социальной антропологии. - Т. 6. - 2003. - № 4. - С. 112–128.
90. Копнина Г.А. Речевое манипулирование. – М., 2008. – 176 с.
91. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // РЯЗР. - 1994. - №1. - С. 73 – 76.
92. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). Монография. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
93. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
94. Кудрявцев А.Г. Толерантность в языковой картине мира. Этнокультурная специфика и политические факторы, влияющие на концепт «толерантность» в национальном сознании // Политическая лингвистика. - 2012. - №1 (39). – С. 99 – 103.
95. Кузьмина Н.А. Интертекстуальность современных СМИ: тенденции развития // Международная научная конференция «Стилистика сегодня и завтра: Медиа́текст в прагматическом, прагматическом, риторическом и

- лингвокультурологическом аспектах». Тезисы. – М.: МГУ, 2010. – С. 58 – 61.
96. Кузьмина Н.А. Интертекстуальный тезаурус языковой личности и методы его изучения // Интерпретатор и текст. Проблемы ограничений в интерпретационной деятельности. - Новосибирск, 2004. – С. 28 – 34.
 97. Кушнерук С.Л. Использование прецедентных феноменов для ситуативного промоушена в российской печатной рекламе // Политическая лингвистика. - 2006. - № 20. - С. 198 - 204.
 98. Лаврова А.А. Синтаксические особенности реализации эмоционального компонента в политической речи. – Н. Новгород, 2011. – 223 с.
 99. Лазарева Т.А., Тельминов Г.Н. Использование коммуникативных стратегий вежливости в американской интернет-рекламе // Политическая лингвистика. - 2010. - №3 (33). - С. 151 - 154.
 100. Лещак С. Статус прецедентного текста в функционально-прагматической перспективе // Функциональная лингвистика: сб. научн. работ / Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования; науч. ред. А.Н. Рудяков. – Том 1. – Симферополь, 2010. – С. 31 – 33.
 101. Любимова Н.А., Бузальская Е.В. «Картина мира»: содержание, терминологический статус и общая иерархия её составляющих // Мир русского слова. – 2011. – №4. – С. 13 - 20.
 102. Майба В.В. О структуре языка политкорректности (на примере английского и русского языков) // Политическая лингвистика. - 2012. - №2 (40). – С. 102 – 108.
 103. Майданова Л.М. Тексты-воззвания // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. – Екатеринбург, 1997. – С. 38 – 41.
 104. Маклакова Е.А. Политическая корректность и тональность общения как семантические признаки наименований лиц (на материале контрастивных

- исследований в русском и английском языках) // Политическая лингвистика. - 2010. - №3 (33). – С. 93 – 104.
105. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – Минск: ТетраСистемс, 2005. – 256 с.
 106. Медведева Е.В. Основные характеристики сетевой коммуникации как нового рода словесности // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации. – Ярославль, 2014. – С. 64 – 77.
 107. Милевич И. Дайджест – коммуникативная территория «чужого» (по материалам прессы современной Латвии) // Современная политическая лингвистика: Материалы международной научной конференции. – Екатеринбург, 2003. – С. 110 – 112.
 108. Милевич И. Этикет политика в современном публицистическом дискурсе // Политическая лингвистика. - 2007. - №2 (22). – С. 40 – 44.
 109. Михайлова А.М. Политическая интернет-коммуникация в современном региональном пространстве (на материалах Республики Бурятия): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Улан-Удэ, 2007. – 185 с.
 110. Михайлов В.В. Средства реализации образности в институциональном политическом дискурсе: На материале немецкого и русского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. – Тамбов, 2006. – 220 с.
 111. Морозова О.Н. Особенности лингвистического контента современных британских политических персональных сайтов // Политическая лингвистика. - 2011. - №2 (36). – С. 146 – 151.
 112. Мягкова А.Ю. Языковая манипуляция как орудие информационно-политической борьбы // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2010. - №8. – С. 188 – 191.
 113. Нахимова Е. А. Критерии прецедентности имени собственного // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С.Пушкина. 2011. – № 1. – т. 7 – Филология. – С. 73 – 83.

114. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. - Екатеринбург, 2007. – 207 с.
115. Негрышев А.А. Аспекты речевого воздействия в новостях СМИ. – Владимир, 2009. – 144 с.
116. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний / Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева // Вестник Московского университета. - Сер. 9. - Филология. – 1997. - № 4. – С. 106-118.
117. Немирова Н.В. Категория прецедентности в современных газетных текстах // Когнитивные исследования языка. – Вып. VII. – Типы категорий в языке: сб. научн. тр. / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова, отв. ред Н.Н. Болдырев. – М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Державина, 2010. – С. 508 – 518.
118. Немирова Н.В. Современный экономический кризис в зеркале прецедентности: мифы и реальность // Политическая лингвистика. - 2010. - № 2 (32). - С. 128 - 135.
119. Орехова Е.Н. Прецедентные феномены как средство приращения смысла (стилистический уровень) // Политическая лингвистика. - 2012. - № 3 (41). - С. 157 - 165.
120. Осадчий М.А. Правовой самоконтроль оратора. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 316 с.
121. Ощепкова Н.А. Стратегии и тактики в аргументативном дискурсе: прагмалингвистический анализ убедительности рассуждения: На материале предвыборных дебатов на пост президента США : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Калуга, 2004. – 199 с.
122. Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. пособие/ Н.Е. Петрова, Л.В. Рацибурская. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 160 с.

123. Пирогова Ю.К. Имплицитная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования // *Scripta linguisticae applicatae*. Проблемы прикладной лингвистики. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 209 – 227.
124. Полякова И.С. Роль прецедентного имени в формировании эзотеричности политического текста (на материале выступлений Кондолизы Райс) // *Политическая лингвистика*. - 2010. - № 1 (31). - С. 126 - 130.
125. Понарин Э., Дубровский Д., Толкачева А., Акифьева Р. Индекс (ин)толерантности прессы // *Язык вражды против общества*. М.: Центр «Сова», 2007. – 136 с.
126. Потапова Р.К., Потапов В.В. Язык, речь, личность. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 496 с.
127. Почепцов Г.Г. Информационно-политические технологии. – М.: Центр, 2003. – 384 с.
128. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Д.В. Багаева // *Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей*. – М.: «Филология», 1997. – Вып. 1. – С. 82 – 103.
129. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. - М., 2004. – 204 с.
130. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2010. — 328 с.
131. Радбиль Т.Б. Прецедентные тексты в языковой картине мира // *Языковая картина мира в синхронии и диахронии: Межвуз. сб. научн. трудов*. – Нижний Новгород, 1999. - С. 26 – 35.
132. Рогачева Н.Б. Речежанровая вторичность в политическом дискурсе (на материале жанра блога) // *Политическая коммуникация: Материалы Всероссийской научной школы для молодежи*. Екатеринбург, 25 августа – 08 октября 2009 / Урал. гос. пед. ун-т; Гл. ред. Чудинов А. П. – Екатеринбург, 2009. – Т2. – С. 97 – 99.

133. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка: учебник для вузов. – М., 1998. – 384 с.
134. Романова Т.В. Интент-анализ политического дискурса // Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах ставропольского отделения РАЛК. – Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2007. – Вып. 5. – С. 64 – 76.
135. Романова Т.В. Коммуникативный имидж и речевой портрет политика // Политическая лингвистика. - 2009. - №1(27). – С. 109 – 117.
136. Романова Т.В. Лингвистический анализ художественного текста. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2007. – 271 с.
137. Романова Т.В. Словесный экстремизм: манипулятивные речевые технологии // Журналистика и культура русской речи. – 2012. – Т. 62. - №2. – С. 56 – 68.
138. Романова Т.В. Толерантность и политкорректность: аналитический обзор современного состояния проблемы (лингвистический аспект) // Политическая лингвистика. - 2015. - №2 (52). – С. 39 – 49.
139. Руженцева Н.Б. Лики автора в российском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. - 2015. - №4 (54). - С. 46 – 53.
140. Руженцева Н.Б. Речевой жанр: портрет в контексте дискурса (к вопросу о методике описания) // Политическая лингвистика. - 2015. - №1 (51). - С. 44 - 58.
141. Савёлова Л.А. Концептуальная значимость наречий, образованных от антропонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. - № 3. - Тамбов, 2008. С. 95-99.
142. Савицкая Л.С. Образ коммуникативного будущего в блоговом формате интернет-дискурса: модусная структура и языковое воплощение // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. - №6 (2). – С. 597 – 601.

143. Н.А. Самыличева, Л.В. Рацибурская. Особенности словотворчества на базе прецедентных текстов в современных российских СМИ // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2010. – Т. 9, вып. 6: Журналистика. – С. 125-130.
144. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки русской культуры, 2002. – 552 с.
145. Саяхова Л.Г. Концепт как единица лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и лингводидактики // Вестник Башкирского университета. – 2014. – Т. 19. – № 3. – С. 987 - 993.
146. Сидорова М.Ю. Рефлексия "наивного" говорящего над языком и коммуникацией (по материалам открытых Интернет-дневников) // Сибирский филологический журнал. – 2004. - №1. – С. 117 – 129.
147. Синельникова Л.Н. Коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса // Политическая лингвистика. 2010. №1 (31).
148. Синельникова Л.Н. О содержании концепта «толерантность» в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. - 2010. - №2 (32). – С. 34 – 38.
149. Сиротинина О.Б. Под влиянием каких факторов происходит реализация языка в конкретном дискурсе // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М. П. Котюровой. – Пермь, 2010. – С. 125 - 132.
150. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса / Под ред. Т.Н. Ушаковой, Н.Д. Павловой. – СПб., 2000. – 320 с.
151. Слышкин Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 38 – 45.
152. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. — М., 2000. – 128 с.

153. Смирнова Ю.Л. Политический эвфемизм как составляющая языка СМИ в предвыборных кампаниях демократических стран // Политическая лингвистика. - 2010. - №4 (34). - С. 163 - 165.
154. Соловьева Н.В., Медведева Е.А. Современные медиатексты в аспекте стилеобразующих категорий «АВТОР» и «АДРЕСАТ» // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. - №32 (286). – С. 107 – 111.
155. Стексова Т.И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // Политическая лингвистика. - 2013. - №3 (45). - С. 77 - 81.
156. Стернин И.А., Попова З.Д. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
157. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж, 2001. – 252 с.
158. Стернин И.А., Саломатина М.С. Интертекстуальность в современном политическом тексте. // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы: сб. науч. тр. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – С. 223 – 230.
159. Стернин И.А., Шилихина К.М. Коммуникативные аспекты толерантности. - Воронеж, 2000. – 110 с.
160. Сухих С.А. Личность в коммуникативном процессе. – Краснодар: Изд-во Южного института менеджмента, 2004. – 143 с.
161. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1986. – 141 с.
162. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. – 624 с.
163. Трипольская Т.А. Речевые стратегии самооценки как средство описания языковой личности // Языковое образование и воспитание языковой личности (в школе и в вузе). – СПб., 1995. – С. 38 – 40.

164. Ушакова Е.В. Речь политика как фактор, влияющий на восприятие его образа (на примере В. В. Жириновского) // Психология восприятия власти: сб. статей / Под ред. Е.Б. Шестопал. – М., 2002. – С. 234 - 241.
165. Феномен прецедентности и прецедентные феномены / Ю.А. Сорокин, Д.Б. Гудков, В.В. Красных, Н.П. Вольская // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: «Филология», 1998. – Вып. 4. – С. 5 – 33.
166. Фесенко Т.А. Концептуальные системы в контексте проблем менталитета // Филология и культура: Материалы II-й Междунар. конф. ; Институт языкознания РАН; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 1999а. – Ч. III. – С. 112 – 116.
167. Фокина М.А., Дружков К.А. Анализ толерантности блогов политиков с использованием компьютерного инструментария и количественных методов // Новое слово: актуальные проблемы языкознания, литературоведения и методики преподавания филологических дисциплин: материалы I Международной заочной научно-практической конференции молодых исследователей (Киров, 21 - 22 сентября 2015 г.). - Киров: Радуга-ПРЕСС, 2015. - С. 59-62.
168. Фурс Л.А., Чернышева А.П. Автопрезентация как метакогнитивный процесс // Вопросы когнитивной лингвистики. - № 3. - Тамбов, 2010. - С. 5 - 11.
169. Цыцулина С.Г. Политический деятель через призму агональной метафоры // Политическая лингвистика. 2010. №3(33). – С. 119 – 123.
170. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис / Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А.А. Кибрик и др.; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1992. – 280 с.
171. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. – М.: Флинта, 2006. – 136 с.
172. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.

173. Чудинов А.П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. - 2012. - №2 (40). – С. 53 – 59.
174. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учеб. пособие. – М.: «Флинта», «Наука», 2006. – 254 с.
175. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000). – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
176. Чумакова Е.В. Прецедентные ситуации как политические эмблемы // Политическая лингвистика. - 2013. - № 3 (45). - С. 144 - 148.
177. Чумакова Е.В. Эмблематические лексико-фразеологические способы конструирования имиджа политика // Политическая лингвистика. - 2013. - № 2 (44). - С. 129 - 131.
178. Шаповалова Т.А. Коммуникативная категория толерантности и ее реализация в современном политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Саратов, 2013. – 23 с.
179. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19. - Волгоград, 2000. – 440 с.
180. Шмелёв А.Д. Русский этикет и культурные скрипты: константы и переменные // Ритуал в языке и коммуникации: сб. статей / Сост. и отв. ред. Л. Л. Фёдорова. – М.: Знак; РГГУ, 2013. – С. 35 - 45.
181. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. - М., 1964. – 243 с.
182. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – Саратов, 1997. - Вып. 1. – С. 88 – 99.
183. Шмелева Т.В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. - Berlin, 1990. – № 2. – С. 20–32.
184. Allan K. The Western Classical Tradition in Linguistics. – Equinox Publishing Ltd, 2009. – 440 p.

185. Andrews E. Cultural Sensitivity and Political Correctness: The Linguistic Problem of Naming // *American Speech*. - Vol. 71. - No. 4. - 1996. - P. 389–404.
186. Brown P., Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. - Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 358 p.
187. *Concise Encyclopedia of Pragmatics*. - Elsevier Ltd., 2009. — 1183 p.
188. *Contemporary Linguistics*. - Pearson Education, 2011. – 720 p.
189. Cruse A. *Meaning in Language. An Introduction to Semantics and Pragmatics*. - Oxford University Press, 2000. — 424 p.
190. Etling B., Alexanyan K., Kelly J., Faris R., Palfrey J., Gasser U. Public discourse in the Russian blogosphere: Mapping RuNet Politics and Mobilization [Электронный ресурс]. - 2010. – Режим доступа: http://dmlcentral.net/wp-content/uploads/files/Public_Discourse_in_the_Russian_Blogosphere_2010.pdf (дата обращения: 17.02.2015).
191. Evans V. *A Glossary of Cognitive Linguistics*. - Edinburgh University Press, 2007. — 256 p.
192. Evans V., Bergen B. and Zinken J. *The Cognitive Linguistics Enterprise: an Overview* // *The Cognitive Linguistics Reader*. - Equinox Publishing Ltd, 2007. – P. 2 – 36.
193. Gisborne N.B., Hollmann W. *Theory and Data in Cognitive Linguistics*. - John Benjamins, 2014. — 262 p.
194. Halliday M.A.K. *On Language and Linguistics*. - Continuum, 2003. – 489 p.
195. Hanitzsch Th. *Deconstructing Journalism Culture: Toward a Universal Theory* // *Communication Theory*. - № 17. 2007. - P. 367–385.
196. Hargraves O. *It's Been Said Before: a Guide to the Use and Abuse of Clichés*. – Oxford University Press, 2014. – 229 p.
197. Johansson E. *Blogging in Russia: The Blog Platform LiveJournal as a Professional Tool for Russian Journalists* // *Baltic Worlds*. – 2014. - VII (2-3). - P. 27 - 36.

198. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 256 p.
199. Lakoff G. *The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought*. - Cambridge University Press, 1993. – P. 202 – 249.
200. Langacker R. *Investigations in Cognitive Grammar*. – Walter de Gruyter, 2009. – 396 p.
201. Leech G. *Principles of Pragmatics*. - London, New York: Longman, 1983. – 257 p.
202. *Metaphor in Cognitive Linguistics*. - John Benjamins, 1999. — 225 pages.
203. *Research Methods in Linguistics*. - Continuum, 2011. – 240 p.
204. Robins R. *A Short History of Linguistics*. – Longman, 1976. – 248 p.
205. *The Oxford Handbook of the History of Linguistics*. - Oxford; New York Oxford University Press, 2013. – 924 p.

Словари, справочники и энциклопедии

206. Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов*. М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
207. *Большой словарь русской разговорной речи / Сост. В.В. Химик*. – СПб.: «Норинт», 2004. – 708 с.
208. *Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов*. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
209. *Большой энциклопедический словарь / Ред. А.М. Прохоров*. – М., 2000. – 1456 с.
210. Зимин В.И. *Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений*. – М.: АСТ-Пресс, 2008. – 736 с.
211. *Краткий словарь когнитивных терминов*. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.

212. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2008. – 944 с.
213. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: «Советская энциклопедия», 1990.
214. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
215. Словарь блатного жаргона [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://baks-monyak.narod.ru/slovar.html>.
216. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной - М.: Флинта: Наука, 2006. — 696 с.
217. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.В. Дмитриева. – М., 2003. – 1578 с.